

ДВ 3546606

Д.А. Ляхов

**Небольшевистские модели
политического устройства
Дальнего Востока России
(конец 1919 - 1922 гг.)**

Д.А. Ляхов

**НЕБОЛЬШЕВИСТСКИЕ МОДЕЛИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ
(конец 1919 — 1922 гг.)**

Хабаровск
2015

ББК 63.3(2)622Г788

Лях 98

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Ю.Н. Ципкин

кандидат исторических наук, доцент С.М. Нечитайлов

Ляхов Д.А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919-1922 гг.). – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. – 188 с.

ISBN 978-5-94961-095-4

В монографии рассматриваются попытки практической реализации моделей политического устройства Дальнего Востока, выдвинутых антибольшевистскими силами на заключительном этапе Гражданской войны в России. На основе широкого спектра источников анализируются особенности законодательства альтернативных Дальневосточной республике буферных государственных образований, показаны причины их несостоятельности.

ISBN 978-5-94961-095-4

На обложке: Заседание Приамурского Земского Собора.
Владивосток, июль 1922 г.

© Д.А. Ляхов, 2015

© ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2015

© Дизайн обложки: А.К. Левицкий, 2015

D.A. Lyakhov

**NON-BOLSHEVIK MODELS OF
THE «FAR EASTEN RUSSIAN
POLITICAL STRUCTURE»**

(end 1919-1922)

Khabarovsk
2015

ББК 63.3(2)622Г788

Лях 98

Reviewers: the doctor of historical sciences, professor
J.N. Tsipkin
the candidate of historical sciences, associate professor
S.M. Nechitailov

Lyakhov D.A. Non-bolshevik models of the Far Eastern
Russian political structure (end 1919-1922). – Khabarovsk:
Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, 2015. –
188 p.

ISBN 978-5-94961-095-4

The book discusses the attempts to implement models of
political structure of the Far Eastern region, put forward by
anti-Bolshevik forces in the final phase of the Civil War in
Russia. On the basis of a wide range of sources of analyzes the
features of the legislation of alternative the Far Eastern Republic
of buffer state formations, shows the reasons for their failure.

ISBN 978-5-94961-095-4

On the cover: Meeting of Priamursky Zemsky sobor.
Vladivostok. july 1922.

© D.A. Lyakhov, 2015

© HKM after N.I. Grodekov, 2015

© Design of a cover: A.K. Levitsky, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
Глава 1. Поражение колчаковского режима и попытки создания антибольшевистского буферного государства в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке (декабрь 1919-1920 гг.).....	24
1.1. «Политцентр» и эсеров-меньшевистское буферное государственное образование в Восточной Сибири в конце 1919 – начале 1920 гг.	24
1.2. Белая государственность в Забайкалье (февраль-ноябрь 1920 г.).....	43
1.3. Буржуазно-демократическое государственное образование в Приморье (Временное Правительство Приморской областной земской управы 1920 г.).....	63
Глава 2. Белые режимы в Приморье (1921-октябрь 1922 гг.).....	92
2.1. Разработка проектов политического устройства Дальнего Востока на съезде несоциалистических организаций Дальнего Востока.....	92
2.2. Белое Временное Приамурское правительство в 1921-1922 гг.	106
2.3. Диктатура М.К. Дитерихса: возвращение к монархической модели политического устройства.....	144
Заключение.....	181

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война стала крупнейшей социально-политической драмой нашей страны в XX в. Ее события более чем на семьдесят лет определили социально-экономическое и идеологическое развитие России, оказывали и до сих пор продолжают оказывать огромное влияние на политическую систему и общественное сознание.

На протяжении последних двадцати пяти лет не прекращается процесс реформирования политического устройства Российской Федерации. Взятая в 1990-е гг. за основу государственного строительства западная либеральная модель в чистом виде для нашей страны оказалась неприемлемой. Складывающаяся в последние годы напряженная международная обстановка и продолжающийся с 2008 г. мировой экономический кризис лишний раз показывают необходимость реформ политической и социально-экономической систем России. Поэтому сегодня дискуссии по вопросу о пути дальнейшего развития страны в XXI в. приобретают особую значимость. Политической оппозицией и обществом по данному вопросу высказываются разные, нередко полярные, точки зрения. Зачастую решения, предлагаемые современным российским государством, не находят поддержки значительной части граждан. В создавшихся условиях налаживание политического диалога между властью и ее оппонентами внутри страны приобретает дополнительное значение.

В свете обозначенных проблем достаточно актуальным является исследование моделей политического устройства России, выдвинутых антибольшевистскими силами в ходе Гражданской войны. В рамках изучения процесса борьбы за постреволюционное устройство страны большой интерес представляет изучение альтернатив политического развития Дальнего Востока в конце 1919-1922 гг. Исходя из международной обстановки, Советская Россия была вынуждена создать в регионе буферную демократическую Дальневосточную республику (ДВР) под руководством большевиков. Создание буферных государств как особая тактика в международных делах к тому времени была далеко не нова и использовалась в первую очередь для смягчения отношений

между враждующими странами. Характерными чертами политического и социально-экономического устройства ДВР были многопартийность, парламентаризм, отказ от системы Советов, тесное сотрудничество с оппозиционными партиями и группировками.

На Дальнем Востоке в обозначенный хронологический период проекты буферного государства и их реализация стали основной формой государственного строительства. Противники большевиков выдвигали собственные модели политического устройства как России в целом, так и Дальнего Востока в частности. Лидеры антибольшевистских сил стремились противопоставить советской власти и реализовать более значимую и приемлемую для населения страны идеологическую программу на основе западных либеральных образцов. При всем различии выдвигаемых антибольшевистскими силами моделей общими для них являлись воинствующий антикоммунизм и опора на иностранных интервентов при несамостоятельной внешней и внутренней политике.

Принимая в расчет конечное поражение Белого движения, его отрицательный опыт может и должен быть учтен сегодня при проведении политических реформ в Российской Федерации. Анализ опыта взаимоотношений государства и оппозиции на примере дальневосточных государственных образований конца 1919-1922 гг. может быть использован при изучении современных проблем российской политической культуры и выработке стратегии развития страны.

Историческую литературу по рассматриваемой проблеме можно разделить на два периода – советский и постсоветский, отличающиеся друг от друга применяемой методологией и использованными источниками.

В советский период (с 1917 г. до второй половины 1980-х гг.) отечественная историография проблемы основывалась на базе марксистско-ленинской идеологии¹. В рамках этого периода выделяются несколько этапов.

На первом этапе (с 1917 г. до начала 1930-х гг.) существовала некоторая свобода дискуссий в рамках действующей коммунистической парадигмы.

Основной проблематикой исторических исследований являлось изучение военно-политической борьбы в Дальневосточном регионе и политики большевистской партии.

Участники Гражданской войны И.М. Майский, И.Я. Строд, Я.З. Покус и др. рассматривали антибольшевистские силы без четкого разделения на правосоциалистическую «демократическую контрреволюцию» и Белое движение, обозначая в нем лишь кадетское и монархическое направления. Анализ конкретных планов, проектов и программ политического устройства буферных государственных образований внимания практически не уделялось².

Наиболее близко в анализу моделей политического устройства, предлагаемых антибольшевистскими силами, подошел активный участник Гражданской войны на Дальнем Востоке П.С. Парфенов (Алтайский). Его работы основаны на уникальных архивных материалах, периодической печати и личных воспоминаниях³. Он подробно рассмотрел деятельность противников большевиков в регионе, показал усилия атамана Г.М. Семенова и кадетов по созданию антибольшевистского «буфера», осветил переговоры каппелевского командования с большевиками Приморья, касающиеся построения буферного государственного образования без участия Г.М. Семенова. П.С. Парфенов был против решения руководства РКП (б) о создании Дальневосточной республики, обусловленного опасением возможной открытой войны с Японией из-за проводимой советизации региона. Критике подверглась и деятельность А.М. Краснощекова по формированию политической системы новообразованного пробольшевистского «буфера». По мнению П.С. Парфенова, Япония в создавшихся условиях не могла рассчитывать на успешность военных действий, а, следовательно, оттягивание установления советской власти было серьезной ошибкой. Данная точка зрения в первую очередь обуславливалась позицией великих держав, стремившихся не допустить усиления Японии в регионе. Сам же П.С. Парфенов был подвергнут критике за свои взгляды и «беспринципную» политическую игру с белогвардейцами⁴.

В 1930-1950-е гг. в советской историографии господствовала сталинская концепция Гражданской войны. Идеологической основой исторических исследований стал «Краткий курс истории ВКП(б)»⁵. Какое-либо отступление от провозг-

лашенных в нем установок не допускалось. Многие архивные источники стали недоступными для исследователей, а авторы исторических работ подверглись репрессиям (в частности, П.С. Парфенов, И.Я. Строд, Я.З. Покус). Сама по себе тема, связанная с исследованием политического устройства антибольшевистских государственных образований, оказалась под запретом. Для историографии этого времени характерны схематизм, обезличивание исторического процесса, отсутствие должного анализа идеологии и политических программ противников советской власти. При этом оценка внутренней оппозиции и правых социалистов отличалась более острым негативизмом, чем отношение к кадетско-монархическим силам. Во многом это объясняется обострением внутривнутриполитической борьбы в руководстве СССР в 1930-е гг.

Особое внимание в историографии Гражданской войны уделялось японской интервенции, что диктовалось военной опасностью со стороны Квантунской армии в 1930 – первой половине 1940-х гг. Как положительный факт можно отметить использование в этот период рядом историков трудов эмигрантов, правда, без указания авторов. В таких работах так или иначе показывались попытки создания Японией и белыми кругами (в частности, атаманом Г.М. Семеновым) антикоммунистического буфера на Дальнем Востоке. Данные материалы можно обнаружить в монографиях З.Г. Карпенко, Г.Е. Рейхберга, Б.Д. Цибилова, М.И. Губельмана и др. Так, во многих исследованиях явно прослеживаются заимствования из работ каппелевского поручика Б.Б. Филимонова, участвовавшего в неудачном для белоповстанцев Хабаровском походе 1921-1922 гг.⁶

Представить Дальневосточную республику как модель буржуазно-демократического государства попыталась в своей монографии З.Г. Карпенко. Однако, по ее мнению, ДВР являлась идеалом эсеровского народоправства⁷.

В исследованиях, вышедших в 1940-1950-е гг., в незначительной степени осуществлена дифференциация политических платформ различных группировок антибольшевистских сил. Однако концепция буферного государства ревизии не подвергалась. Известно, что сам И.В. Сталин не участвовал в создании и руководстве внутренней и внешней политикой

ДВР. Вместе с тем, в ноябре 1922 г. в беседе с корреспондентом газеты «Правда» он говорил о буржуазно-демократической по форме Дальневосточной республике, создание которой явилось тактическим ходом против империалистических устремлений Японии и других держав⁸.

С 1956 г. начался новый этап историографии проблемы, характеризующийся возрождением ленинской концепции истории Гражданской войны. Переиздавались протоколы и стенографические отчеты партийных съездов и конференций. В научный оборот были введены новые источники. Вышли в свет обобщающие труды по истории Гражданской войны⁹. Вырос и интерес к изучению идеологии и политики противников большевиков. Отчасти это объясняется некоторым увеличением источниковой базы. При общем расширении тематики исследований история реализации планов политического устройства страны и Дальневосточного региона антибольшевистскими силами не рассматривалась.

Целенаправленное исследование антибольшевистских сил на Дальнем Востоке отечественными учеными началось во второй половине 1960-х гг. Обострение идеологической борьбы на международной арене, ликвидация в связи с этим запретов на изучение ряда проблем положительно повлияли на расширение исследуемой тематики. Более подробное освещение получили взгляды противников коммунистов на предполагаемые формы правления в России и дискуссии вокруг этого вопроса. Важными в историографии рассматриваемой проблемы являются монографии Л.М. Спирина, в которых впервые было уделено значительное внимание различиям в политических взглядах внутри антибольшевистского лагеря в масштабах всей страны. Ученый выделил два основных, соперничающих друг с другом в идеологическом плане, направления — республиканское и монархическое¹⁰. В работе Н.Г. Думовой показаны различия в представлениях о политическом устройстве России среди кадетов¹¹. В монографиях Г.З. Иоффе освещена идеологическая борьба внутри Белого движения и проанализированы кадетские и монархические модели политического устройства страны¹². Однако указанные исследователи основное внимание уделили Центральной России и Сибири. Деятельность противников

коммунистов на Дальнем Востоке затронута ими лишь в малой степени.

Изучению правосоциалистического крыла антибольшевистского лагеря посвятил свои работы целый ряд историков¹³. В монографиях В.В. Гармизы и К.В. Гусева подробно проанализированы практическая деятельность эсеровских правительств и взгляды лидеров т.н. «демократической контрреволюции» на постреволюционное политическое устройство России в целом. Вместе с тем, вопросы строительства буферных государственных образований в Восточной Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке в конце 1919-1922 гг. этими историками не исследовались.

Политика интервентов, касающаяся построения буферных государств под их протекторатом на территории Дальнего Востока, была рассмотрена в монографиях А.В. Березкина, Г.А. Гвишиани, С.С. Григорцевича, Е.И. Поповой и др.¹⁴ В данных трудах показаны планы великих держав, в первую очередь США, по использованию Японии в качестве орудия борьбы против Советской России. Авторами подчеркивалось, что одной из существенных сторон деятельности японских интервентов начиная с 1918 г. стала политическая поддержка антибольшевистских государственных образований в регионе. В этом контексте выделяется работа М.И. Светачева, который, освещая политику Японии и США на российском Дальнем Востоке, акцентировал внимание на поддержке Токио казачьей контрреволюции, стремившейся создать в регионе прояпонский «буфер» во главе с казачьими атаманами И.П. Калмыковым и Г.М. Семеновым¹⁵.

В исследованиях дальневосточных историков Л.И. Беликовой, А.И. Крушанова, Г.С. Куцего, Н.А. Шиндялова и др. показаны особенности становления советской власти на Дальнем Востоке и борьба коммунистов с контрреволюционными силами. Вместе с тем, идеологические установки и конкретные политические планы и программы антибольшевистских сил региона в работах данных авторов не получили должного освещения¹⁶.

Большое внимание советскими учеными было уделено истории создания и особенностям политической системы Дальневосточной республики. Историография по этой теме включает работы Н.А. Авдеевой, Л.М. Папина, Ю.М. Гавло,

Н.П. Егунова и др.¹⁷ В них показаны причины и цели образования ДВР, стремление коммунистов к широкой коалиции с правосоциалистическими и кадетскими элементами при проведении внутренней политики и в вопросах организации системы властных органов. Среди множества публикаций выделяются работы В.В. Сонины и его соавтора Т.С. Исаевой, написанные с использованием инструментария теории государства и права. Фактически труды этих историков стали первыми, в которых модели политического устройства дальневосточных государственных образований 1920-1922 гг. рассматривались подробно и системно на основе современной методологии. В статьях и монографиях В.В. Сонины анализируются конституция ДВР, конституционный проект В.С. Завойко (1920 г.), история созыва Земского Собора во Владивостоке генералом М.К. Дитерихсом (1922 г.) и др.¹⁸

Важной проблеме посвящена работа Б.М. Шерешевского о режиме атамана Г.М. Семенова¹⁹. Автор подчеркивает его прояпонскую ориентацию и диктаторский характер правления, но не затрагивает проблему формирования институтов власти в Забайкалье.

Во второй половине 1980-х гг. наметилось сначала ослабление, а затем и отказ от незыблемой ранее марксистско-ленинской методологии. В своих работах историки стали широко применять концепцию борьбы альтернатив общественного развития. Так, П.В. Волобуевым рассмотрены основные, на его взгляд, альтернативы развития России в ходе Гражданской войны: т.н. «демократическая контрреволюция» в лице правых социалистов, диктатура пролетариата и белогвардейская диктатура²⁰.

Отечественную литературу по истории Гражданской войны середины 1980-х-2000-х гг. рассматривают историографические работы, в которых проанализированы направления исторических исследований по теме и их источниковая база и др.²¹

Важной особенностью современной историографии Гражданской войны вообще и антибольшевистского движения в частности является расширение источниковой базы и тематики исследований. Многие публикации, написанные с разных аксиологических позиций, делают акцент на либерально-демократическом содержании идеологии Белого движения,

игнорируя его политическую практику в виде военной диктатуры и попыток реанимации абсолютной монархии²². За редким исключением, эти работы не касаются Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Среди исследований, посвященных Белому движению, выделяются публикации В.Д. Зиминой²³, попытавшейся сконструировать модели политического устройства, выдвинутые белыми лидерами. Так, в монографии «Белое дело взбунтовавшейся России» были показаны противоречия, с которыми столкнулись белые режимы, пытаясь создать индустриальное общество (военные действия против большевиков, коррумпированность управленческого аппарата, несоответствие между рыночным механизмом тыла и государственным контролем над экономикой, политическая нетерпимость и др.). По ее мнению, белые правительства пытались реализовать особый путь развития российской государственности, который ориентировался на возрождение политических традиций бывшей Российской империи в их возможном соединении с идеями западноевропейского либерализма²⁴. Однако практическая деятельность белых режимов показала совершенно другую картину.

Важной для понимания выработки моделей политического устройства России представляется работа Н.В. Антоненко, особенностью которой является анализ эмигрантских концепций и проектов переустройства страны²⁵.

В монографиях Н.П. Бучко, В.Л. Кузьмина, В.Ю. Куцего, Т.А. Орнацкой, А.Ю. Сидорова, Ю.Н. Ципкина рассмотрены отдельные модели политического устройства России и Дальнего Востока, с которыми выступали противники большевиков в период 1918-1922 гг.²⁶ Особое внимание авторы уделили строительству и функционированию Дальневосточной республики, ее внутренней и внешней политике. Альтернативным же буферным государственным образованиям в указанных публикациях уделено небольшое внимание.

В.А. Кожевников подробно проанализировал проекты политического устройства будущей России, с которыми выступали «реформаторы» из окружения Колчака (проект К. Крамаржа, проекты комиссий А.С. Белевского-С.П. Мок-

ринского, Экономического совещания и др.). Кроме того, им освещена монархическая модель политического устройства (допетровская Русь с ее политическими институтами), предложенная М.К. Дитерихсом²⁷.

В.И. Василевский и С.Н. Савченко рассмотрели деятельность атаманов И.П. Калмыкова и Г.М. Семенова в плане создания последними системы органов власти на подконтрольной территории и их достаточно противоречивые проекты (от поддержки монархической идеи до создания сепаратного панмонгольского государства с собой во главе)²⁸.

Работы А.А. Азаренкова касаются функционирования институтов власти ДВР, в т.ч. представительных учреждений²⁹.

Б.И. Мухачев рассмотрел особенности политического устройства ДВР через анализ биографии А.М. Краснощекова³⁰.

Важным событием в научной жизни стало издание в 2003 г. 1-й книги 3-го тома «Истории Дальнего Востока России (Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны)». В этом труде на основе комплексного подхода анализируются внутренняя и внешняя политика антибольшевистских режимов, иностранная интервенция, функционирование Дальневосточной республики, окончательная ликвидация Белого движения и иностранного вмешательства на Дальнем Востоке России. Большое внимание уделено рассмотрению современной историографии вопроса. Однако модели политического устройства Дальнего Востока, которые пытались реализовать противники большевиков, не нашли в ней должного освещения³¹.

Рост публикаций по истории Гражданской войны и Белого движения нашел свое отражение в издании сборников научных трудов, в которых рассматриваются различные аспекты внутренней политики белых режимов, поддержка интервентами различных группировок контрреволюции и др.³² История Гражданской войны на Дальнем Востоке стала предметом обсуждения на научных конференциях, исторических чтениях, где высказывались различные оценки Белого движения, вытекающие из противоречивых методологических позиций³³.

Важное место в историографии проблемы занимают публи-

кации эмигрантских авторов – Г.К. Гинса, Л.А. Кроля, С.П. Мельгунова, П.Н. Милюкова, К.В. Сахарова, Г.М. Семенова, И.И. Серебренникова, Н.В. Устрялова и др., в которых показаны дискуссии внутри антибольшевистского лагеря по вопросу государственного устройства России³⁴.

Зарубежные исследователи уделяют истории Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке значительное внимание. Американских историков прежде всего интересует проблема интервенции как составной части внешней политики США в начале XX в. С одной стороны, ими достаточно недвусмысленно подчеркивается антисоветский характер действий Великобритании и США с целью навязать России либерально-демократический режим при опоре на деятелей т.н. «демократической» контрреволюции, воспрепятствовать Японии установить свою гегемонию в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с помощью своих войск и казачьих атаманов. С другой стороны, англо-американская и японская историография тщательно замалчивает геополитические цели интервенции (т.е. расчленение России, затруднение ей выходов к морям, создание буферных марионеточных государственных образований в приграничных районах, захват рынков сбыта, источников сырья и т.п.)³⁵.

За рамками изучения остались многие важные нюансы, без которых выявить причины краха политики противников большевиков в конце 1919-1922 гг. зачастую не представляется возможным.

При подготовке монографии автор использовал неопубликованные архивные материалы из фондов Российского Государственного архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Приморского края (ГАПК), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), сборники опубликованных документов, прессу и мемуарную литературу.

Первые публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке начались еще в 1920-е гг.³⁶ Значительную роль в этом процессе сыграл Дальистпарт³⁷.

Для исследования важное значение имеет сборник документов о борьбе за власть Советов в Приморье, изданный во Владивостоке в 1955 г.³⁸ В него вошли ценные документы, отражающие историю интервенции и Белого движения в

регионе. Уникальность сборника состоит в том, что в нем впервые была полностью опубликована Конституция и другие законодательные акты ДВР.

При работе над монографией активно использовались сборники документов, изданные в 1990-2000-х гг.³⁹ Из них наиболее ценны издания, выпущенные в 1993-1997 гг. во Владивостоке Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН⁴⁰, в которых содержатся ранее не публиковавшиеся документы государственного департамента США, МИД Японии, НКВД РСФСР и МИД ДВР, освещающие политику интервентов, а также Советской России и Дальневосточной республики по отношению к различным антибольшевистским режимам Дальневосточного региона.

К важным источникам относится периодическая печать. Из многих изданий, выходивших на Дальнем Востоке в конце 1919-1922 гг., следует особо отметить наиболее значимые для обозначенной проблематики газеты антибольшевистской направленности: «Вестник Забайкалья» (Чита), «Забайкальская новь» (Чита), «Заря» (Харбин), «Вестник съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока» (Владивосток), «Вестник Временного Приамурского правительства» (Владивосток), «Вестник Временного правительства Дальнего Востока» (Владивосток), «Русский край» (Владивосток), «Земский край» (Владивосток), «Слово» (Владивосток) и др.

В данных печатных органах публиковались многочисленные документальные материалы по деятельности исполнительных и представительных законодательных органов власти, действующих в регионе при антисоветских режимах (Временного Правительства Приморской областной земской управы, Временного Приамурского правительства, Приамурского Народного собрания, Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока, Приамурского Земского собора, Национального съезда в Никольске-Уссурийском и др.). В газетах обнародовались правительственные указы, постановления, приказы, стенографические отчеты заседаний представительных органов, избирательное законодательство. Зачастую в периодических изданиях содержатся крайне важные сведения, отсутствующие в иных источниках. Так,

автору удалось выявить целый ряд важных, не известных ранее документов, связанных с подготовкой к созыву и деятельностью Приамурского Земского собора (1922 г.).

Автор использовал также мемуары, являющиеся важнейшей частью источниковедения Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Особо ценны произведения, созданные участниками антибольшевистской борьбы, большинство из которых эмигрировало из России после поражения Белого движения, позволяющие получить представление об идеях и программах различных группировок контрреволюции. Многие воспоминания могут считаться своеобразными историческими исследованиями. Они значительно отличаются по стилю изложения и по качеству анализа и обобщения исторических фактов. Источниковую базу работ, претендующих на исследование Гражданской войны, составили документы командования белых армий, политических партий и организаций, труды зарубежных и советских историков. Отличительной чертой эмигрантской мемуарной литературы является ее априори антибольшевистский характер. Участники Белого движения на Дальнем Востоке уделили большое внимание особенностям Гражданской войны в регионе в период существования буферной Дальневосточной республики. Мемуары В.Г. Болдырева, Э.Н. Гиацинтова, В.М. Молчанова, П.П. Петрова, Д.В. Филатьева, Б.Б. Филимонова и др. иллюстрируют борьбу различных течений в антибольшевистском лагере по вопросу политического устройства России и Дальнего Востока в конце 1919-1922 гг.⁴¹

Большинство эмигрантов приводят в своих работах целый ряд убедительных причин поражения Белого движения: реставрационные тенденции в политике антибольшевистских правительств, жестокий террор и мародерство солдат белых армий, борьба за власть внутри белого лагеря, коррупция в тылу, связь с интервентами, распродажа национальных богатств, искусная пропаганда коммунистов и др. Привлечение в качестве источников эмигрантских мемуаров способствовало формированию объективного взгляда на противников большевиков, разрушению новых стереотипов и романтизации Белого движения.

Интересен материал, содержащийся в мемуарах интервен-

тов, которые начали издаваться в нашей стране в 1920-1930-е гг.⁴² В данных произведениях показаны настроения различных социальных слоев России, противоречия интервентов и белогвардейцев в регионе, даны яркие характеристики многим лидерам Белого движения. Безусловно, авторы оправдывают интервенцию, но факты, приведенные в их трудах, позволяют получить важные свидетельства политики антибольшевистского движения в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке⁴³. Без подробного анализа данных работ рассмотрение планов интервентов, касающихся политического будущего Дальнего Востока, затруднено. Вместе с тем очевидно, что мемуары являются самым субъективным источником, к которому необходимо подходить с достаточной долей критики.

На основе анализа широкого спектра источников автор данной монографии стремился показать основные принципы политического устройства альтернативных ДВР государственных буферных образований Дальневосточного региона, а также объективно и непредвзято обозначить причины поражения антибольшевистских режимов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Проблемы, поднятые в исследовании, представляют не только академический интерес. В крайне сложных современных условиях трагические события Гражданской войны должны послужить уроком для российских высших органов государственной власти при формировании внешней и внутренней политики страны.

---

¹ Шерман И.А. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931). Харьков, 1964; Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР (1917-1922). М., 1972; Знаменский О.Н., Шишкин В.А. Ленин, революционное движение и парламентаризм. Л., 1977; Берхин И.Б. Вопросы истории периода гражданской войны (1918-1920 гг.) в сочинениях В.И. Ленина. М., 1981.

² Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923; Покус Я.З. Борьба за Приморье. Л., 1926; Строд И.Я. Унгерновщина и семеновщина // Пролетарская революция. 1926. № 9; Постышев П.П. Гражданская война на Востоке России. Харьков, 1928; Ярославский Е.М. Третья сила. М., 1932 и др.

³ Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири. 1918-1920. М., 1924; его же. Борьба за Дальний Восток. 1920-1922. Л., 1928; его же. На соглашательских фронтах (1920-21 гг. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке). М., 1932 и др.

⁴ Молотов К. Рецензия на книгу П.С. Парфенова «На соглашательских фронтах» // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 258.

⁵ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

⁶ Цыпкин С., Булыгин С., Шурыгин А. Октябрьская революция и Граж-

данская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917-1922 гг. М. – Хабаровск, 1933; Рейхберг Г.Е. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). М., 1940; Борисов С.П. Борьба за советский Дальний Восток. М., 1941; Антохин П.А. Из истории борьбы за власть Советов в Приморье. Владивосток, 1942; Цибилов Б.Д. Разгром Унгерновщины. Улан-Удэ, 1947; Губельман М.И. Как японских интервентов выгнали с Дальнего Востока. М., 1955; Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957 и др.

⁷ Карпенко З.Г. Гражданская война в Дальневосточном крае (1918-1922). Хабаровск, 1934.

⁸ Сталин И.В. Вопрос об объединении независимых национальных республик // Соч. Т.5. С.141-142.

⁹ История гражданской войны в СССР. В 5-ти томах. Тт. 3-5. М., 1957-1960; Кузьмин Г.В. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1958; Октябрь и гражданская война в СССР. Сб. статей. М., 1966; история Сибири. Т. 4. Л., 1968 и др.

¹⁰ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). М., 1967; его же. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. - 1922 г.). М., 1977.

¹¹ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.

¹² Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; его же. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; его же. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995 и др.

¹³ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К.В. История «демократической контрреволюции» в России. М., 1973; Подбологов П.А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975; Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917-1922 гг. Сб. науч. трудов. Ч. 1-2. М., 1977; Стишов М.И. История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917-1930-е годы). М., 1981 и др.

¹⁴ Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918-1922 гг.). М., 1957; Березкин А.В. Октябрьская революция и США 1917-1922 гг. М., 1967; Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке. М., 1967; Гвишиани Л.А. Советская Россия и США. М., 1970.

¹⁵ Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск, 1983.

¹⁶ Крушанов А.И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (март 1917 - март 1920 гг.). Владивосток, 1962; его же. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1920 гг.). Кн. 1. Владивосток, 1972; Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было на Дальнем Востоке. М., 1964; Беликова Л.И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (Приморская организация РКП (б) в 1917-1922 гг.). Хабаровск, 1967; Куцый Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции 1918-1920 гг. Владивосток, 1967; Шиндялов Н.А. За власть Советов (1917-1922 гг.). Благовещенск, 1971 и др.

¹⁷ Авдеева Н.А. Дальневосточная республика (1920-1922 гг.). Хабаровск, 1957; Папин Л. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957; Егунов Н.П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ, 1972; Гавло Ю.М. Государственный строй Дальневосточной республики. Томск, 1978 и др.

¹⁸ Сонин В.В. «Приамурское» буржуазное государственное образование («черный» буфер) и крах политики и практики контрреволюции в Приморье (май 1921-октябрь 1922 гг.). Владивосток. 1974; его же. Великий Октябрь и

становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917-1922). Владивосток, 1987; его же. Становление Дальневосточной республики, 1920-1922. Владивосток, 1990; его же. Дальневосточная конституционная модель (1920-1922 гг.) // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Сб. науч. статей. Владивосток, 1998; его же. Правотворческая деятельность японской администрации на Северном Сахалине (1920-1925) // Исторические чтения. Труды госархива Сахалинской области. № 2. Южно-Сахалинск, 1996-1997; Сонин В.В., Исаева Т.С. Государство и право Дальневосточной республики. Государственный строй ДВР. Владивосток, 1974 и др.

¹⁹ Шерешевский Б.М. Разгром семеновщины. Новосибирск, 1966.

²⁰ Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

²¹ Спирин Л.М., Литвин А.Л. На защите революции: В.И. Ленин, РКП (б) в годы гражданской войны: историографический очерк. Л., 1985; Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950-1980-х гг. Иркутск, 1991; Шельдешев Э.М. Очерк истории исторической науки на Дальнем Востоке (Дальстарт и его деятельность в 20-30-е гг.). Хабаровск, 1995; Ушаков А.И., Федюк В.П. Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Тормозов В.Т. Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998; Бордюгов В.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х-90-е годы). Архангельск, 2000; Немчинова Т.А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002; Авдошкина О.В. Буржуазные политические партии: методология изучения и историография. Хабаровск, 2011 и др.

²² Федюк В.П. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990; его же. Белые: Антибольшевистское движение на юге России. 1917-1918 гг. М., 1996; Дроков С.В. А.В. Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1; его же. Некоторые проблемы истории Гражданской войны в Сибири // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 40-63; Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. Нижний Новгород, 1995; Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). М., 1996; Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д., 1998; Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918-1922) – урок для XXI в. М., 2003; его же. Советская цивилизация. М., 2008; Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001; Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000; Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств Востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006; его же. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918-1919 гг.). Новосибирск, 2008; Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. М., 2008; Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917-1922 гг. // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 56-73; его же. Белое дело в России. 1917-1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2008; его же. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) М., 2009; его же, Михаил Константинович Дитерихс // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 34-58; Берснева И.В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политический центр» – ноябрь 1919 – январь 1920 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1995.

²³ Зимина В.Д. Белое движение в годы Гражданской войны. Волгоград,

1995; её же. К вопросу о типологии политического режима Колчака // История «Белой» Сибири. Тез. науч. конфер. Кемерово, 1995. С.26-29; её же. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997; её же. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917-1920 гг. М., 2006.

²⁴ Зими́на В.Д. Белое движение времён гражданской войны: в плену «чистой» идеи // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 1996. № 1. С.13; Хандорин В.Г. Адмирал Колчак; правда и мифы. Томск, 2007; его же. Идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск, 2010.

²⁵ Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20-30-е гг. XX в.). Автореф. докт. дис. М., 2011.

²⁶ Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920-1922 гг. Владивосток, 1994; Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Хабаровск, 1996; Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы развития страны Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917-1922 гг.). Хабаровск, 2002; его же. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период гражданской войны (1917-1922 гг.). Хабаровск, 2003; Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1927-1922 гг. Хабаровск, 2005; Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917-1922 гг.). Хабаровск, 2012; Орнатская Т.А., Ципкин Ю.Н. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). Хабаровск, 2008; Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М., 1997; Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917-1922 гг.). Хабаровск, 2011.

²⁷ Кожевников В.А. Государственное устройство России в планах антибольшевистской оппозиции (1917-1922 гг.). Воронеж, 2003.

²⁸ Васи́левский В.И. Забайкальская белая государственность в 1918-1920 годах: Краткие очерки истории. Чита, 2000; Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Хабаровск, 2002.

²⁹ Азаренков А.А. «Буферная четыреххвостка»: выборные кампании в представительные органы власти Дальневосточной республики. Комсомольск-на-Амуре, 2001; его же. «Демократический компромисс». Идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил – участников гражданской войны в России (январь 1920 - январь 1921 гг.). Комсомольск-на-Амуре, 2001; его же. Политическая модель ДВР: механизм функционирования институтов власти «буферного» государства (1920-1922 гг.). Комсомольск-на-Амуре, 2001; его же. Методы ликвидации Дальневосточной республики в 1922 году // Вопросы истории. 2006. № 8.

³⁰ Мухачев Б.И. Александр Краснощек. Историко-биографический очерк. Владивосток, 1999.

³¹ Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1). Владивосток, 2003.

³² Вопросы истории Дальнего Востока. Межвуз. сб. науч. статей. (ХГПУ). Вып. 1 (6) - 3 (8). Хабаровск, 1999-2001; Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918 - 1922 гг.). Сб. науч. статей (ХККМ). Вып. 1-4. Хабаровск, 1999-2003; Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Сб. науч. статей. Владивосток, 2000; Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): Сб. науч. статей. Выпуск пятый. К 85-летию окончания Гражданской войны. Хабаровск, 2007 и др.

³³ «Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки». Тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конфер. Владивосток, 1992; Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. трудов. (Материалы науч. конфер.). Владивосток, 1992; «Гродековские чтения». Тезисы науч.-практ. конфер. Ч. 1. Хабаровск, 1996; Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток, 2001; Гражданская война и военная интервенция на Дальнем Востоке: уроки истории: программа и тезисы докладов и научных сообщений Второй международной научной конференции, Владивосток, 25-27 октября 2012 г. / [ред. коллегия: С.М. Дударенок (отв. ред.), Л.И. Галлямова, Н.А. Беляева, З.А. Ковалева, Н.А. Шабельникова]. – Владивосток, 2012 и др.

³⁶ Гинс Г.К. Сибирь, союзники, Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). ТТ. 1-2. Пекин. 1921; Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921; Милоков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. II. Антибольшевистское движение. Париж, 1927; Трубецкой Н. С. О государственной форме и форме правления. Евразийская хроника. Париж, 1927; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1-3. Белград, 1930-1931; Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. США. 1987; Сахаров К.В. Белая Сибирь // «Дело не получило благословения бога». Хабаровск, 1992; Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999; Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003.

³⁷ Вильямс В.Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960; Суэйн Дж. Перед схваткой (по поводу проблемы «третьего пути») // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1984; Пайпс Р. Три "почему" русской революции. М., 1996; Перейра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996; Фудзимото В. Дальневосточная республика и Япония / Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997; Судзуки А. Японо-русские и японо-советские отношения в области рыболовства в период до Второй мировой войны // Там же и др.

³⁸ Стенограмма (журнал) объединённого заседания мирной делегации Политцентра с РВС 5 армии и Сибревкомом от 19.1.20 г. // Сибирские огни. 1927. № 5; Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. 1928. № 4 (29); 1929. № 5 (36); Последние дни колчаковщины. Сб. документов. М., 1926 и др.

³⁹ Дальиспарт. Сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Кн. 1-3. Владивосток. 1923-1925.

⁴⁰ Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922 гг.). Сб. док. Владивосток, 1955.

⁴¹ Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном (в 22-х т.). М., 1991-1993; Белое дело: Избранные произведения в 16-ти кн. М., 1991-1996; Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.): Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996; Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства: Сб. док. и материалов / Составитель В.И. Василевский. Чита, 2002.

⁴² Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 - ноябрь 1922 гг.). Док. и материалы. Ч. I-II. Владивосток, 1993; Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Док. и материалы. Владивосток, 1995; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 - октябрь 1918 г.). Док. и материалы. Владивосток, 1997.

⁴³ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925; Последние бои на Дальнем Востоке. М., 2005; Филимо-

нов Б.Б. Белоповстанцы (Хабаровский поход зимы 1921-22 годов). Кн.1. Шанхай, 1932; его же. Филимонов Б.Б. Конец белого Приморья. Сан-Франциско, 1971; Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты. Харбин, 1933; Кислицын В.А. В огне гражданской войны. Мемуары. Харбин, 1936; Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Сан-Франциско, 1975; Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918-1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985; Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера. СПб., 1992; Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002; Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М, 2009; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). Воспоминания, документы. М., 2011 и др.

⁴⁴ Союзная интервенция в Сибири: 1918-1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. М.-Пг., 1923; Пишон Ж. Французский план. Доклад контрразведчика, 4 апреля 1918 года // «Им не убить идеала!...». Хабаровск, 1990. С. 5-36. Генерал Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. 1927. № 4; Гревз В.С. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). М., 1932; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. М., 1937 и др.

⁴⁵ «Им не убить идеала!...». Воспоминания интервентов. Хабаровск, 1990.

ГЛАВА 1. ПОРАЖЕНИЕ КОЛЧАКОВСКОГО РЕЖИМА И ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО БУФЕРНОГО ГОСУДАРСТВА В СИБИРИ, ЗАБАЙКАЛЬЕ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ДЕКАБРЬ 1919-1920 гг.)

1.1. «Политцентр» и эсеро-меньшевистское буферное государственное образование в Восточной Сибири в конце 1919 — начале 1920 гг.

Вопрос о создании на территории Восточной Сибири антибольшевистского буферного государственного образования стал на повестку дня поздней осенью 1919 г., когда колчаковский режим вступил в полосу затяжного кризиса. В военном плане для Белого движения в восточных регионах страны к этому времени сложилась катастрофическая ситуация. В тылу активизировалась деятельность их многочисленных противников, как большевиков, так и представителей т.н. «демократической оппозиции», в первую очередь эсеров, меньшевиков, земцев и сибирских областников.

Правосоциалистический лагерь в идеологическом плане в этот период однородным не был. Значительная часть сибирских эсеров поддерживала политику «третьей силы», оформленную на состоявшемся 18-20 июня 1919 г. IX съезде партии социалистов-революционеров (ПСР). По мнению их лидеров, только «третья сила» в лице правосоциалистической оппозиции могла вывести страну из Гражданской войны. Как и ранее, они выступали за созыв Учредительного собрания и демократические ценности. В своих политических взглядах эсеры оставались между большевиками и буржуазной контрреволюцией¹.

Другая часть правых социалистов считала, что от политики «третьей силы» необходимо отказаться из-за резкого сужения социальной базы. Вместо этого необходимо пойти на союз с большевиками для совместной борьбы с контрреволюцией. В Сибири часть эсеров предложила большевикам объединить силы для создания единого фронта

борьбы с колчаковским режимом. Но Сибирское бюро ЦК РКП (б) отклонило данное предложение. Естественно, Сибирский краевой комитет (Сибкрайком) ПСР, выполнявший решение партийного съезда, предостерегал местные организации от сотрудничества с большевиками². В результате оно носило нерегулярный и крайне нестабильный характер.

Уже летом 1919 г. часть иностранных представителей напрямую заинтересовалась «демократической оппозицией» как силой, способной при необходимости заменить у власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Посол США в Японии Р.С. Моррис, совершивший в августе-сентябре 1919 г. поездку по Сибири, считал, что проводимая колчаковским правительством политика потерпела «полный крах — финансовый, экономический и санитарный; уцелела только транспортная система, которую защищают чехи, войска союзников и которой руководят инженеры стран Антанты. Но и этот участок недолго просуществует»³.

Именно поэтому Р.С. Моррис склонялся к поддержке эсеров и меньшевиков в регионе. Он считал, что правых социалистов необходимо признать самостоятельной силой и оказать им экономическую помощь. Однако генеральный консул США в Сибири Э.Л. Харрис оставался сторонником А.В. Колчака. Его точки зрения придерживались британский Верховный комиссар в Сибири О'Рейли и министр иностранных дел Франции С.Ж.М. Пишон. Э.Л. Харрису удалось убедить Государственный департамент не отказывать в поддержке колчаковскому правительству⁴.

К концу октября 1919 г. на главных фронтах Гражданской войны, прежде всего Восточном и Южном, произошел коренной перелом в пользу РККА. В условиях надвигающегося военного поражения Белого движения представители иностранных интервентов обратили пристальное внимание на оппозиционные правительству А.В. Колчака правосоциалистические группировки, чьи демократические взгляды импонировали большинству союзников.

Позиция администрации США под давлением военно-политической обстановки была крайне противоречивой. По мнению хабаровского историка Е.С. Юрченко, неспособность

Белого движения преодолеть внутренние разногласия и разгромить советскую власть привела к нежеланию официального Вашингтона оказывать вооруженную поддержку белым режимам. Свою роль сыграла обструкция курса президента В. Вильсона Конгрессом США и активная политика РСФСР. Лишь в мае 1919 г. США решили признать омский режим де-факто, но не де-юре. И уже в 1920 г. Т.В. Вильсон провозгласил политику невмешательства в решение вопроса о территориальной целостности России и право наций самим решать вопрос и о форме своего правительства. По сути дела, А.В. Колчак не смог провести в жизнь американский принцип «открытых дверей и равных возможностей», противостоять японской экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке, справиться с казачьим сепаратизмом, разгромить большевизм и провести в жизнь идеи американской либеральной демократии. Это и сделало колчаковский режим в глазах американской администрации крайне нежелательным не только в качестве общероссийской, но и региональной власти⁵.

Одновременно правые социалисты и их союзники начали подготовку к свержению колчаковского правительства и перехвату управления на подконтрольной ему территории Сибири и Дальнего Востока. В октябре 1919 г. в Иркутске состоялся нелегальный «Земско-социалистический съезд», на котором присутствовали представители шестнадцати областных и уездных земств из Иркутской, Енисейской, Томской губерний, а также Алтая и Владивостока. Съезд избрал «Земское политическое бюро» и поставил своей целью ликвидацию колчаковского режима и создание на территории Сибири буферного государства при «однородном социалистическом правительстве»⁶. 12 ноября на тайном «Всесибирском совещании земств и городов» был создан «Политический центр» для практической подготовки антиколчаковского восстания⁷. В блок Политцентра вошли Земское политическое бюро, Центральный комитет объединений трудового крестьянства, Сибкрайком ПСР, Бюро Сибирских организаций РСДРП (меньшевиков)⁸. Таким образом, именно правые социалисты выдвинули идею создания в регионе буферного государственного образования.

Японские представители в октябре 1919 г. довольно

благосклонно относились к антиколчаковскому, но не признающему Советы движению. Становилось очевидным, что Омское правительство непрочно и его вскоре ожидает полный крах. Поэтому, по мнению Японии, путь наступающей Красной армии было необходимо преградить с помощью создания буферного государства от Иркутска до Владивостока при сотрудничестве с земско-эсеровскими деятелями. Большинство японских газет упоминало фамилию атамана Г.М. Семенова как потенциального военного лидера намечавшегося буфера⁹. Фактически Япония планировала организацию протектората, лишь формально управляемого русскими. Можно предположить, что политическое устройство такого «буфера» носило бы все черты военной диктатуры, хотя в рассматриваемый период конкретные проекты и документы по данному вопросу еще не разрабатывались.

В ноябре 1919 г. на Восточном фронте белогвардейцы продолжали отступать по всем направлениям. Однако политика Великобритании и Франции по поддержке колчаковского режима в Сибири оставалась неизменной. Представители данных стран получили инструкции не оказывать поддержки никакому движению, которое намерено свергнуть А.В. Колчака или заменить его другим деятелем Белого движения.

Одновременно во Владивостоке велись японо-американские переговоры по поводу реформатирования политического пространства Сибири и Дальнего Востока. Японская сторона предлагала подумать о создании нового правительства с включением в его состав земцев и кооператоров. Экономические отношения с Сибирью также предлагалось строить обеими державами совместно. США с одобрением отнеслись к предложению о включении в состав колчаковского правительства правосоциалистических элементов и разработке плана совместной экономической политики. Вместе с тем они настаивали на том, чтобы А.В. Колчак оставался главой любого сибирского правительства, что должно было послужить гарантией соблюдения последним американских интересов¹⁰.

Неудавшееся эсеровское восстание под руководством чехословацкого генерала Р. Гайды в ноябре 1919 г. во Владивостоке наглядно показало, что союзники в это время еще не были настроены на поддержку правых социалистов¹¹.

Они все еще надеялись на успехи белых на фронтах Гражданской войны. И только в декабре 1919 г. союзниками было окончательно признано, что колчаковское правительство не сможет удержаться у власти из-за нехватки сил и вследствие полной утраты социальной базы.

Еще 10 ноября 1919 г. правительство Колчака под угрозой падения Омска покинуло город и направилось в Иркутск. 14 ноября столица Белой Сибири была занята частями 5-й Красной армии. После этого события развал белогвардейского фронта приобрел характер катастрофы, усугубившейся из-за конфликта между главнокомандующим генералом К.В. Сахаровым и командующим 1-й армией генералом А.Н. Пепеляевым¹². В результате какое-либо осмысленное стратегическое руководство белыми войсками в Сибири практически исчезло. Белая армия откатывалась на восток в обстановке полной анархии в тылу.

16 ноября правительство А.В. Колчака прибыло в Иркутск, в котором складывалась крайне взрывоопасная внутренняя обстановка. Эсеры и меньшевики при моральной поддержке чехословаков, среди которых было много сторонников правых социалистов, вели открытую антиколчаковскую пропаганду. Наблюдалось брожение в среде рабочих. Деятельность большевиков, сотрудничавших на тот момент с Политцентром, также активизировалась.

В связи со сложной политической ситуацией председатель колчаковского Совета министров П.В. Вологодский ушел в отставку. Новое правительство было поручено сформировать В.Н. Пепеляеву, который собирался организовать кабинет на самых «широких демократических началах». Вновь назначенный премьер-министр вступил в переговоры с местными эсерами, меньшевиками, народными социалистами, земцами и кооператорами с целью примирения на основе определенного компромисса. На встрече с эсерами Я. Ходукиным и Е. Колосовым В.Н. Пепеляев заявил: «Я твердо решил ликвидировать военный режим и перейти к новому гражданскому управлению». Он также выразил готовность ввести в состав своего правительства представителей от правых социалистов. Однако на все предложения был получен отрицательный ответ¹³. Эсеры требовали

отречения А.В. Колчака и передачи всей полноты власти своим представителям. В.Н. Пепеляева поддержали лишь так называемые «беспартийные» земцы: С.Н. Третьяков, А.А. Червен-Водали и др., согласившиеся войти в новое правительство.

После отъезда В.Н. Пепеляева на фронт С.Н. Третьякову, назначенному заместителем председателя Совета министров, в Иркутске так и не удалось договориться с представителями Политцентра о создании коалиции на приемлемых условиях. Поэтому С.Н. Третьяков отправился в Читу за помощью к атаману Г.М. Семенову, а исполняющим обязанности премьер-министра в Иркутске остался А.А. Червен-Водали. В качестве высшего исполнительного органа власти в Иркутске была создана Директория, в которую вошли А.А. Червен-Водали, генерал М.З. Ханжин и товарищ министра путей сообщения А.Н. Ларионов.

К декабрю 1919 г. Политцентр значительно усилился, превратившись из межпартийной организации в общественную с включением в свой состав представителей от профсоюзов, земства и кооператоров. В складывающейся благоприятной обстановке руководители Политцентра приняли решение незамедлительно готовить восстание, поскольку существовала вероятность занятия Иркутска пробольшевистски настроенными партизанами, что считалось абсолютно недопустимым. Белая контрразведка раскрыла подготовку к выступлению Политцентра, но предотвратить его уже не могла из-за отсутствия надежных войск в тылу.

В начале декабря 1919 г. эсеровский «Военно-социалистический союз» поднял ряд восстаний в сибирских городах. Их возглавили офицеры Зеленский и Габрилович в Томске, полковник А.В. Ивакин в Новониколаевске (расстрелян после подавления выступления солдатами польской дивизии), генерал Б.М. Зиневич – в Красноярске и т.д.¹⁴

Одновременно обострилась обстановка в полосе железной дороги. 12 декабря 1919 г. командующий чехословацким корпусом генерал Я. Сыровы поставил главнокомандующего иностранными войсками и заместителя адмирала А.В. Колчака по верховному командованию французского дивизионного генерала М. Жанена в известность, что если чехословакам не будет предоставлена возможность двигаться на восток впереди

всех, то он не ручается за последствия. В результате М. Жанен был вынужден издать особый приказ, устанавливающий специальное расписание порядка движения эшелонов: чешские, американские, польские, румынские, сербские, итальянские, русские. Именно в таком порядке составы должны были двигаться по Транссибу. Исключение составляли А.А. Колчак, министры его правительства и эшелоны с золотом. Последний пункт, впрочем, нарушался чехами неоднократно¹⁵. Подобное положение на Транссибирской железнодорожной магистрали, единственной доступной для быстрого передвижения коммуникационной линии Сибири в зимний период, сыграло в последующих событиях значительную негативную роль для всего Белого движения.

19 декабря восстал поддержанный местными рабочими белый гарнизон в Черемхово, где располагались крупные каменноугольные шахты. 22 декабря в Иркутске была создана небольшая по численности и боевому потенциалу Народно-революционная армия Политцентра под руководством бывшего редактора газеты «Голос Сибирской армии» штабс-капитана Н.С. Калашникова, состоявшая из колчаковских частей, перешедших на сторону эсеров (ок. 1300 чел.)¹⁶. Ее поддержали партизанские силы и рабочие дружины Иркутска общей численностью 13,5 тыс. чел., которые в большинстве своем подчинялись коммунистам¹⁷. В тот же день власти попытались ликвидировать Политцентр, арестовав 17 человек из числа его сторонников. Однако данная акция уже не могла исправить ситуацию¹⁸.

Верховный правитель обратился за помощью к союзникам и атаману Г.М. Семенову, возлагая основные надежды на последнего. 23 декабря специальным приказом № 240 Колчак произвел Г.М. Семенова в генерал-лейтенанты и назначил его главнокомандующим всех войск Дальнего Востока и Иркутского военного округа. Ему также поручалось подавить восстание в районе Иркутска¹⁹.

25 декабря Г.М. Семенов издал приказ № 12, по которому предполагалось: «... образовать при Главном Начальнике Снабжений ... Совещание из представителей от существующих органов самоуправления, общественных, профсоюзных и экономических объединений»²⁰. Данное Совещание должно

было заниматься решением экономических вопросов «по поднятию экономического благосостояния населения»²¹. Т.е. уже в конце 1919 г. атаман попытался начать сотрудничество с некоторыми оппозиционными читинскому режиму организациями, включив их в структуру власти на подконтрольной ему территории.

26 декабря Директория вступила в переговоры о заключении перемирия с представителями Политцентра, проходившие при участии интервентов. В ходе переговоров последние дали понять А.А. Червен-Водали, что на их поддержку рассчитывать не стоит. Представители великих держав еще 14-16 декабря на «совещании пяти» в Лондоне приняли решение о прекращении дальнейшей помощи русским антибольшевистским правительствам. Однако США и Японии позволялось действовать, исходя из своих собственных интересов²².

В возникшей ситуации американцы решили поддержать Политцентр, но командующий японскими войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Ои Сигэмото выразил желание оказать помощь атаману Г.М. Семенову. Чехи же окончательно порвали со своими бывшими русскими союзниками. Более того, вскоре ими в Нижнеудинске был задержан Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак и председатель Совета министров В.Н. Пепеляев. Официально же было объявлено, что последние взяты под охрану.

В то же время правые социалисты всеми силами стремились поставить под свой контроль отступавшие белые армии. Так, еще в ноябре 1919 г. представители Политцентра пытались заключить соглашение с генералом А.Н. Пепеляевым, немного позже – с новым командующим Восточным фронтом генералом В.О. Каппелем и его заместителем генералом С.Н. Войцеховским. Однако болезнь А.Н. Пепеляева и резкая неуступчивость В.О. Каппеля и С.Н. Войцеховского, выступавших категорически против правых социалистов, не привели к заключению какой-либо договоренности²³.

В конце декабря 1919 г. под Иркутском начались бои между восставшими и войсками семеновских генералов К.И. Сычева

и Л.Н. Скипетрова, закончившиеся победой Политцентра по причине противодействия белым со стороны интервентов. Так, чехословаки пригрозили вступить в бой на стороне эсеров, поэтому части Л.Н. Скипетрова, атаковавшие город с востока, были вынуждены отступить²⁴. Японцы вообще не решились ввязываться в боевые действия из-за позиции Франции, Великобритании и США. Представители союзного командования считали, что в любом случае нельзя допустить разрушения железной дороги и кругобайкальских тоннелей, что препятствовало бы их эвакуации. Именно поэтому они всячески поддерживали Политцентр. Чехословаки же даже продали ему часть вооружения и боеприпасов. В результате 9-10 января 1920 г. семеновцы были разоружены на Кругобайкальской железной дороге²⁵.

3 января 1920 г. Политцентр предъявил А.А. Червен-Водали ультиматум из 12 пунктов, в том числе: отвод семеновских войск за пределы Иркутской губернии, передача охраны Кругобайкальской железной дороги и тоннелей Народно-революционной армии, отставка А.В. Колчака и его Совета министров, отказ атамана Г.М. Семенова от всех должностей, которые ему были пожалованы адмиралом, передача всех виновных в Гражданской войне лиц новому правительству и суду. А.А. Червен-Водали всячески тянул время, одновременно готовя эвакуацию ценностей государственного банка и военного имущества из Иркутска²⁶.

В тот же день Директория, фактически признав свое поражение, отправила в Нижнеудинск телеграмму А.В. Колчаку с требованием отречения от власти. 4 января (по некоторым данным — 5 января) адмирал А.В. Колчак специальным указом сложил с себя полномочия Верховного правителя России и передал их генерал-лейтенанту А.И. Деникину. Атаману Г.М. Семенову передавалась вся полнота власти к востоку от Байкала²⁷.

После победы Политцентра союзники преследовали только личные интересы. По заключенной в Лондоне договоренности Великобритания и Франция прекратили прямое вмешательство в события Гражданской войны в России. Чехословаки заключили с правыми социалистами соглаше-

ние о беспрепятственном пропуске их на восток в обмен на выдачу А.В. Колчака и части золотого запаса. Президент США В. Вильсон 5 января принял решение об эвакуации американских войск из Сибири. 9 января правительство США официально объявило, что эвакуация будет осуществлена в течение ближайших месяцев²⁸. При этом США собирались поддержать создание на территории Сибири и Дальнего Востока буферного демократического государственного образования, которое, по мнению американского руководства, должно было воспрепятствовать распространению советской власти. Поэтому США оказывали Политцентру определенную политическую поддержку. В новых условиях Япония продолжала делать основную ставку на создание в регионе марионеточного прояпонского государственного образования во главе с атаманом Г.М. Семеновым. При этом эвакуация войск не предусматривалась. Наоборот, японцы были готовы принять участие в боевых действиях на стороне белых. Соответственно, отношение к правым социалистам со стороны Японии оставалось негативным.

5 января власть в Иркутске окончательно перешла к Политцентру. В тот же день им был опубликован Манифест «ко всему населению Сибири»²⁹, в котором излагалась политическая программа новой власти. По данной программе на 12 января 1920 г. назначался созыв Временного Сибирского Совета народного управления, которому передавалась вся полнота власти вплоть до созыва Сибирского Народного Собрания, обладавшего законодательными полномочиями. Последнее должно было состоять из представителей губернских, уездных и волостных земских собраний, съездов крестьян, казачьих кругов, городских самоуправлений и профессиональных рабочих объединений. Власть в отдельных губерниях передавалась губернским земским собраниям, а в городах — городским думам. В освобожденных областях начиналась срочная подготовка к выборам в органы местного самоуправления на основе избирательных законов 1917 г.

Необходимо отметить, что опубликованный документ несколько расходился с принятым ранее проектом создания Сибирского Земского Собора. Данный представительный орган должен был избираться:

— земствами: по 3 депутата от губернских земских собраний (от 8 губерний и областей Сибири и Дальнего Востока) и по 1 — от уездных земских собраний;

— от городских самоуправлений — по 2 депутата от 8 городских дум (Красноярска, Барнаула, Новониколаевска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Хабаровска и Владивостока);

— от казачьих округов Забайкальского, Енисейского, Иркутского, Амурского, Уссурийского казачьих войск — по 2 представителя;

— от национальных организаций: Бурятской Народной Думы, Якутской Народной Думы, Национального управления тюрко-татар Сибири и Дальнего Востока и Каракорум-Алтайского национального окружного управления — по 2 депутата;

— от сибирской кооперации, профсоюзов, Всероссийского Крестьянского союза — по 3 представителя.

Общее число депутатов должно было составить приблизительно 100-120 человек, из которых свыше 80 % являлись представителями местного самоуправления и лишь менее 20 % — от профессиональных организаций³⁰. Однако, несмотря на некоторые отличия по составу (отсутствие в Сибирском Народном Собрании национальных представителей), оба органа созывались по единому принципу и должны были обладать законодательными полномочиями.

Высшим исполнительным органом власти становился Временный Сибирский Совет народного управления, в состав которого включались:

- 8 членов Политцентра;
- 6 представителей земств;
- 3 представителя городского самоуправления (из Иркутской городской думы);
- 3 представителя от кооперации;
- 3 представителя от крестьянских объединений (Исполкома объединений крестьян Иркутской губернии);
- 3 представителя от профсоюзов (должны были избираться на совместном заседании ЦИК Совета профсоюзов Сибири, Иркутского губернского совета профсоюзов и Совета Забайкальской железной дороги)³¹.

Политцентр декларировал необходимость заключения перемирия на Восточном фронте и проведения дальнейших переговоров с Советской Россией. В отношении иностранных держав предусматривалось «вести политику мирного разрешения претензий этих стран к России», гарантировался пропуск чехословацких и польских частей на Восток при

условии их невмешательства во внутреннюю жизнь региона³².

12 января 1920 г. был создан Временный Сибирский Совет народного управления из 23 членов. В его состав входили эсеры – бывшие члены Временного правительства автономной Сибири, Государственного экономического совещания, в т.ч. бывший глава правительства Амурской области А.Н. Алексеевский, бывший министр юстиции Временного Сибирского правительства Г.Б. Патушинский и др. Совет народного управления назначил Совет управляющих ведомствами в следующем составе: И.И. Ахматов – министр иностранных дел и труда, И.И. Погребецкий – министр финансов, В.О. Сидоров – министр внутренних дел, Г.Б. Патушинский – министр юстиции, А.П. Белоцерковец – министр путей сообщения, П.Я. Быховский – министр земледелия и землеустройства, Н.В. Калашников – военный министр и командующий армией, А.Я. Гончаров – министр народного образования, И.И. Галактионов – министр продовольствия и снабжения, М.М. Константинов – министр печати и информации, К.А. Попов – председатель центральной следственной комиссии, Л.К. Солдатов – секретарь правительства и совета министров³³.

Для создания собственной финансовой базы Политцентр попытался опротестовать решения колчаковского правительства по переводу т.н. «золотых счетов» на личные счета его финансовых агентов за рубежом и возвратить средства в Россию, но безуспешно³⁴.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на удавшееся восстание, позиции Политцентра были непрочными не только в Сибири или Иркутской губернии, но даже в самом Иркутске. Ввиду незначительности военной силы, стоявшей за правыми социалистами, большую роль в ликвидации колчаковской власти в городе сыграли рабочие дружины и партизанские отряды, находившиеся под контролем большевиков. Как отмечал А.А. Ширямов, в Иркутске сложилось двоевластие. С одной стороны – Политцентр и штаб Народно-революционной армии, с другой – Иркутский ревком и штаб рабоче-крестьянских дружин³⁵. Понимая, что без поддержки большевиков удержаться у власти будет невозможно, представители Политцентра предложили включить в состав

новых органов власти несколько их представителей, но получили отказ. Иркутский ревком считал, что власть в городе должна перейти к нему, поскольку в военном отношении он обладал гораздо большим военным потенциалом. Ситуация усугублялась ожидавшимся вскоре подходом к Иркутску остатков колчаковской армии под командованием генерала В.О. Каппеля, решительно настроенного на вооруженную конфронтацию.

В данной ситуации руководители Политцентра приняли решение урегулировать вопрос о политическом устройстве и о границах создаваемого под их своим контролем буферного государственного образования с представителями центрального большевистского правительства. Для заключения договоренности навстречу наступающим частям 5-й Красной армии была отправлена специальная делегация, в которую вошли И.И. Ахматов, В. Коногов и Е.Е. Колосов. Делегатов сопровождал председатель Иркутского комитета РКП (б) А.М. Краснощеков³⁶.

На переговорах представители Политцентра выдвинули идею создания в Восточной Сибири между Советской Россией и Японией буферного государственного образования со столицей в Иркутске. Тогдашний председатель Сибревкома И.Н. Смирнов, ведущий переговоры от лица большевиков отмечал: «Политцентру этот буфер представлялся, как демократическая республика»³⁷. Главными аргументами делегации Политцентра были нейтрализация чехов и предотвращение военного столкновения революционной демократии с японскими войсками. И.И. Ахматов подчеркивал, что США с пониманием относятся к данной идее. Демократическая окраска буфера позволяла надеяться на дополнительные политические выгоды при ведении переговоров с интервентами. Поддержав в целом предложение Политцентра, большевики настаивали на том, чтобы граница будущего буфера прошла восточнее Иркутска, от Верхнеудинска или даже от Читы. Они стремились занять стратегические позиции для противостояния с Японией и союзниками: территорию к югу от Байкала до Монголии, чтобы создать укрепленный район (еще помнились попытки атамана Г.М. Семенова по организации Монголо-бурятского государ-

ства), 60 кругобайкальских тоннелей, а также Черемховский каменноугольный бассейн, снабжавший топливом железные дороги³⁸.

В создавшихся условиях большевикам буфер был тоже нужен, но только в качестве прикрытия с востока от Японии из-за отсутствия крупных сил и, соответственно, невозможности успешного ведения войны на два фронта (в это время первостепенной задачей РККА был разгром войск Врангеля в Крыму). Дополнительным фактором в пользу буфера в Восточной Сибири стало обострение отношений с Польшей зимой 1920 г. В подобной ситуации война с внешним противником еще и на востоке страны, конечно, была крайне нежелательна. Вместе с тем нельзя было допустить создания в Восточной Сибири «перманентного» буфера. Новое государственное образование должно было стать временным, до тех пор, пока Советская Россия не накопит достаточных сил для вооруженного противостояния с Японией. По словам И.Н. Смирнова «Задача заключалась в том, чтобы создать именно такой буфер, который нам необходим»³⁹.

19 января 1920 г. в Томске делегация Политцентра подписала с Реввоенсоветом 5-й армии и Сибревкомом соглашение о создании Восточно-Сибирской государственности в виде государства-буфера, задача которого состояла в очищении от иностранных войск Кругобайкальской и Амурской железных дорог, передаче советской власти золотого запаса и адмирала А.В. Колчака. Границы такого государства должны были проходить от Тихого океана до реки Ока (притока Ангары) у ст. Зима, к западу от Иркутска⁴⁰. Как отмечалось в директиве ЦК РСДРП меньшевиков от 22 января 1920 г., «Эта государственная автономия не должна нарушать государственного единства Сибири с Россией и должна быть построена на тесной военной и хозяйственной связи со всей центральной Россией»⁴¹. Таким образом, правые социалисты и в дальнейшем планировали продолжить сотрудничество с большевиками в деле построения буферного государственного образования.

В.И. Ленин как председатель Совнаркома РСФСР из-за серьезных опасений войны с Японией согласился на данные переговоры и поддержал идею Восточно-Сибирской

государственности с правосоциалистическим правлением⁴².

Как отмечалось ранее, сибирские большевики видели буфер как временное государственное образование, которое фактически должно было выступить посредником на переговорах с интервентами. Так, 20 января 1920 г. И.Н. Смирнов по телеграфу проинформировал В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого об итогах переговоров с представителями Политцентра: «Ревсовет считает временное существование фиктивного государства полезным по чисто стратегическим соображениям, но закрепление буфера более чем на 4 недели едва ли возможно»⁴³. В конечном счете, согласно заключенным договоренностям с правыми социалистами, вопрос о западной границе буфера решился в пользу большевиков. Она отодвигалась до р. Селенги за Байкалом. Черемховские угольные шахты и стратегически важные кругобайкальские тоннели отходили к Советской России.

Условием безопасной эвакуации войск интервентов и их проезда до Владивостока стала выдача Политцентру 15 января 1920 г. адмирала А.В. Колчака, формально находившегося под охраной Великих держав. Тем временем с запада к Иркутску подошли остатки белой армии под командованием генерала В.О. Каппеля, двигавшиеся по тракту походным порядком⁴⁴. 17 января ими было занято Черемхово, а местный ревком расстрелян. На совместном заседании Политцентра, Иркутского комитета РКП (б) и штаба рабочих дружин командующий войсками Политцентра Н.С. Калашников заявил о низкой боеспособности солдат своей армии и внес предложение о передаче власти большевикам. Специально для организации отпора каппелевцам последними был создан Иркутский Военно-революционный комитет из 5 чел. во главе с А.А. Ширямовым⁴⁵. 21 января 1920 г. Политцентр передал власть ревкому, в городе восстанавливалась советская власть.

2 февраля 1920 г. к Иркутску подошли каппелевские войска во главе с генералом С.Н. Войцеховским. 6-8 февраля в ходе тяжелых боев были предотвращены все попытки захвата города белыми войсками. 7 февраля 1920 г. Иркутский ВРК издал «Постановление № 27», по которому, в связи с опасностью белогвардейского наступления и контрреволюционного

мятежа в городе, бывший Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак и бывший председатель Совета министров В.Н. Пепеляев приговаривались к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение⁴⁶.

Не добившись успеха под Иркутском, каппелевцы обошли город, захватили склады в Глазково, пополнив запасы оружия и снаряжения. Но чехословаки предъявили им ультиматум, и белогвардейцы были вынуждены двинуться на соединение с семеновцами через Байкал. Объединение произошло 11-15 февраля 1920 г.⁴⁷ Состояние каппелевцев было довольно плачевным. Как отмечал сам Г.М. Семенов, «Армия дошла ... в совершенно расстроенном в материальном отношении состоянии, но сохранившей свою боеспособность и стремление к продолжению борьбы ... Общая численность пришедшей из Сибири армии достигала одиннадцати тысяч бойцов, находившихся в строю, и примерно такого же числа больных тифом в различных его формах и стадиях»⁴⁸. Несмотря на вышесказанное, на протяжении 1920-1922 гг. именно каппелевцы оставались главной ударной силой дальневосточных белых режимов.

Зимой 1920 г. по всему Дальнему Востоку прокатилась волна антиколчаковских переворотов. В ночь с 30 на 31 января 1920 г. власть во Владивостоке без боя перешла в руки Приморской областной земской управы, которую поддерживали большевики, меньшевики, эсеры, народные социалисты, чехословаки и американцев⁴⁹. Такой альянс объяснялся присутствием на территории области значительного военного контингента интервентов, в первую очередь японцев⁵⁰. Председатель Приморской земской управы А.С. Медведев в обращении к населению области изложил программу действий новой власти, носившую умеренно либеральный характер. Главной целью объявлялось прекращение Гражданской войны и принятие мер к освобождению Приморья от интервентов. Ближайшими задачами считались освобождение политзаключенных, ликвидация остатков колчаковской власти, восстановление свободы слова, собраний, союзов. В экономической части программы

провозглашалось установление общественного контроля над промышленностью и торговлей, организация снабжения населения продовольствием, нормирование заработной платы, регулирование земельных отношений⁵¹. Порядок в городе поддерживали революционные войска и международная милиция под американским флагом.

Во Владивостоке социалистические партии создали Временное правительство Приморской областной земской управы⁵². В его состав вошли представители большевиков, меньшевиков, эсеров, народных социалистов⁵³. Значительным было их влияние во Владивостоке и на линии Уссурийской железной дороги. Это накладывало большие ограничения на деятельность социалистов, и особенно большевиков, на данной территории. Вместе с тем Белое движение практически утратило поддержку населения Приморья.

В Амурской области партизаны блокировали японские гарнизоны в крупных населенных пунктах. 2 февраля 1920 г. японцы прекратили боевые действия против партизан. 3 февраля атаман Амурского казачьего войска А.Д. Кузнецов передал власть земству, а сам бежал в Китай. 6 февраля земство в свою очередь передало власть Временному исполкому Советов во главе с Я. Яковлевым. Во второй половине февраля началась эвакуация японской 14-й пехотной дивизии из области, завершившаяся 19 марта 1920 г.⁵⁴

В Хабаровске власть атамана И.П. Калмыкова была ликвидирована. Власть в городе перешла к земцам, вступившим в контакт с представителями партизанского штаба. 16 февраля 1920 г. Хабаровск заняли партизаны, а также отряд Приморской областной земской управы. И.П. Калмыков со своим отрядом ушел в Китай, где вскоре был убит⁵⁵.

5 марта 1920 г. в Верхнеудинске было образовано Временное земское правительство Прибайкалья, в которое вошли представители бывшего Политцентра, ЦИКа Советов Прибайкалья и местные земцы. 9 марта началась эвакуация японских войск из Прибайкалья в Читу, где сохранялась власть атамана Г.М. Семенова.

Таким образом, к весне 1920 г. белая власть в Сибири и на

Дальнем Востоке, за исключением некоторых районов Восточного Забайкалья, была свергнута. Вместе с тем попытка создания правосоциалистического буфера на основе демократической модели политического устройства в Восточной Сибири со столицей в Иркутске успехом не увенчалась. Это объясняется прежде всего политикой «третьей силы», которой в данный период придерживались лидеры Политцентра. Слабые позиции эсеров и меньшевиков в военной сфере вынуждали их искать союзников в обоих противоборствующих лагерях. Подобная политика позволяла как большевикам, так и белогвардейцам считать правых социалистов предателями. Поэтому в конце 1919 – начале 1920 гг. эсерам не удалось создать сильную коалицию, способную самостоятельно удержаться у власти. Необходимо отметить, что многие политические установки последних были позднее использованы большевиками при создании Дальневосточной Республики.

Сама идея создания небольшевистского буферного государственного образования появилась на свет в правосоциалистической среде в период поражения колчаковского режима осенью 1919 г. И это вполне закономерно. До тех пор, пока белые в Сибири были достаточно сильны, ни у одного из их противников не было возможности воплотить в жизнь собственные планы. Но необходимо отметить, что и для правых социалистов создание буферного государственного образования в отдельном регионе страны стало вынужденной мерой. Как показала в свое время деятельность Временного правительства автономной Сибири и Комуча, правые социалисты, как и остальные участники Гражданской войны, стремились захватить власть на всей территории России. Но к концу 1919 г. большая часть страны, за исключением Сибири и Дальнего Востока, находилась под контролем большевиков. В условиях краха колчаковского режима план по созданию «буфера» под правосоциалистическим знаменем, поддержанный союзниками, имел некоторые шансы на успешное воплощение в жизнь. Проект правых социалистов предусматривал создание в Восточной Сибири буферного государственного образования на основе буржуазно-демократической модели политического устройства. Предлагаемая правыми

социалистами система органов власти отличалась достаточным своеобразием. Однако полномочия различных ветвей власти в официальных документах не получили должного законодательного закрепления. Это объясняется небольшим сроком пребывания Политцентра у власти и быстро меняющейся обстановкой.

События конца 1919 г. наглядно показали полное несоответствие политических взглядов и практической политики Белого движения реальной обстановке. Реализуемая правительством А.В. Колчака модель политического устройства страны была настолько архаична, что не нашла поддержки среди населения. Негативную роль сыграла и приверженность лидеров Белого движения концепции «непредрешения». Необходимо учитывать также общее недовольство населения Сибири колчаковским режимом и проводимой им политикой. Недальновидные действия властей привели в конечном счете к многочисленным восстаниям в тылу и массовому уходу крестьян в партизанские отряды. В конце концов, ввиду военных поражений, адмирал А.В. Колчак лишился поддержки и интервентов.

Иностранные державы по-разному восприняли идею буфера. После краха колчаковского режима Великобритания и Франция устранились от активного вмешательства в Гражданскую войну в Сибири и на Дальнем Востоке. Напротив, США и Япония решили сохранить свое присутствие в данной части России. В своей практической деятельности эти страны во многом находились под влиянием собственных политических традиций. Так, США поддерживали прежде всего правых социалистов, как сторонников демократических ценностей. Япония же выступила на стороне атамана Г.М. Семенова, наиболее одиозного лидера Белого движения в регионе и сторонника авторитарной власти. Наблюдалось и коренное отличие в методах проведения политики. Если американцы использовали в основном дипломатические и экономические рычаги воздействия, то японцы делали ставку на силовое давление с активным использованием вооруженных сил. Вместе с тем США и Япония приняли на вооружение концепцию «буфера» и в будущем придерживались ее, выдвигая свои проекты политического устройства Дальнего Востока.

Позиция большевиков по вопросу о политическом устройстве региона носила характер временной уступки обстоятельствам. Идея создания буфера с целью предотвращения открытой войны с Японией для советской власти оказалась предпочтительной, что отразилось на всей будущей политике РКП (б) в регионе.

Таким образом, в 1920 г. перед участниками Гражданской войны на Дальнем Востоке встала задача предложить населению наиболее приемлемую модель политического устройства.

1.2. Белая государственность в Забайкалье (февраль — ноябрь 1920 г.)

После поражения колчаковского режима в конце 1919 — начале 1920 гг. в Забайкалье и на Дальнем Востоке сложилась достаточно сложная политическая обстановка. С целью недопущения войны с Японией большевики приняли решение о создании на данной территории временного буферного государственного образования под своим контролем — Дальневосточной Республики (ДВР). ДВР должна была стать формально независимым от Советской России демократическим государством с собственными правовой системой, финансами, внешней политикой, армией и другими силовыми структурами.

В свою очередь, главной целью Белого движения стало создание альтернативного ДВР антибольшевистского буфера. Предполагалось, что такое государственное образование на Дальнем Востоке станет базой для возрождения Российского государства на антибольшевистской основе. Руководство Белого движения стремилось избежать ошибок, допущенных колчаковским режимом. В частности, к 1920 г. наметилась ясная тенденция к либерализации политических программ, что теоретически позволяло привлечь к борьбе против большевиков правосоциалистические и умеренно-либеральные элементы и попытаться создать прочную коалицию антибольшевистских сил. Такой подход, главным образом, был направлен на расширение социальной базы.

Однако главной проблемой в среде противников советской власти оставалось существенное расхождение в идеологическом плане. Поэтому заключение приемлемого договора о координации совместных усилий и политическом союзе на основе компромисса для различных антибольшевистских группировок в 1920 г. стало основной задачей.

К середине февраля 1920 г. на территории Дальнего Востока существовало несколько политических структур. В Прибайкалье с центром в Верхнеудинске у власти находились большевики, провозгласившие курс на строительство Дальневосточной Республики. Восточное Забайкалье с центром в Чите (т.н. «читинская пробка», разделявшая Прибайкалье и Амурскую область) контролировал имеющий значительную по местным масштабам военную группировку атаман Г.М. Семенов. На территории Амурской области после падения колчаковского режима была установлена советская власть. В Приморье действовало Временное правительство Приморской областной земской управы, состоявшее в основном из правых социалистов. Важным политическим фактором являлось присутствие большого контингента войск интервентов, в основном, японцев, в Восточном Забайкалье и Приморье.

К весне 1920 г. генерал-лейтенант атаман Г.М. Семенов, фактически являвшийся правителем Восточного Забайкалья, остался единственным лидером Белого движения региона, сохранившим военную силу и поддержку интервентов в лице Японии. Именно ему адмирал А.В. Колчак 4 января 1920 г. передал «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины, объединенной Российской верховной властью». Атаману поручалось также «образовать органы государственного управления в пределах распространения его полноты власти»⁵⁶.

В период правления А.В. Колчака Г.М. Семенов в значительной степени ориентировался на Японию, выступал за автономию Дальнего Востока и превращение его в теократическое панбуддистское государство. Он неоднократно обещал японским представителям льготные условия в торговле, промыслах, разработке полезных ископаемых в обмен на оружие

и политическую поддержку. После падения колчаковского режима Г.М. Семенов был вынужден отказаться от идеи панбуддистского государства, что объяснялось изменившейся политической обстановкой. Но прояпонская ориентация атамана полностью сохранялась. Вместе с тем, он считал необходимым пойти на уступки либеральным и правосоциалистическим элементам в политическом плане, что выразилось в признании важности создания в рамках властных структур Забайкалья представительного органа. Данные меры были направлены на спасение режима, но уже на основе более широкой коалиции.

Так, в опубликованном 1 февраля 1920 г. «Обращении к населению Дальнего Востока» шла речь об организации Временного Управления Дальним Востоком. В данном документе излагалась и политическая программа атамана⁵⁷. Главной текущей задачей деятельности новой власти провозглашалась беспощадная борьба с большевизмом, а конечной целью – «воссоздание растерзанной насильниками России». В основу государственного строительства ложился принцип разграничения функций военного и гражданского управления. Схема организации исполнительной ветви власти по типу министерств признавалась нежелательной из-за ее громоздкости. Вместо министерств создавались краевые управления, возглавляемые отдельными начальниками, находящимися в подчинении помощников Главнокомандующего. Помощнику по гражданской части (управляющий Забайкальской областью кадет С.А. Таскин) подчинялись следующие управления: внутренних дел; объединенное управление торговли, промышленности, продовольствия и труда; финансов и государственных имуществ; юстиции; объединенное управление просвещения и вероисповедания. Особенно выделялся Государственный контроль. Помощник по военной части (генерал-майор М.И. Афанасьев) координировал деятельность управлений военными делами, сухопутными и морскими, а также управлением транспорта и снабжения. Ближайшими задачами властей признавались смягчение продовольственного кризиса на всем Дальнем Востоке и упорядочение денежной системы. Формирование представительного органа считалось

безусловно необходимым, но пока откладывалось. В конце концов, новая власть должна была создать все условия, «при которых население сможет свободно, когда наступит для сего момент, выявить свою волю относительно желательной ему формы Правления в России через Национальное Собрание»⁵⁸.

Данная политическая программа фактически не предлагала новой, в корне отличной от колчаковской, модели политического устройства. Она не выходила за рамки обычной декларации и лишь устанавливала порядок подчинения вновь создаваемых органов власти лично Г.М. Семенову как главнокомандующему и правителю Восточной окраины России. Как видно из документа, идея непредрешения в это время оказывала значительное влияние на политические установки семеновского правительства.

11 февраля 1920 г. на станцию Мысовая в Забайкалье, прорвались остатки колчаковских войск, т.н. каппелевцы, соединившиеся с семеновскими частями. К марту все белые войска были разделены на 3 корпуса. В 1-й вошли соединения, подчиненные атаману, а во 2-й и 3-й – вновь прибывшие. Командующий каппелевцами генерал-майор С.Н. Войцеховский был назначен Главнокомандующим войсками «Российской Восточной окраины»⁵⁹.

К этому времени Г.М. Семенов опирался на верные ему войска и Японию, преследовавшую собственные корыстные цели. Посланник Великобритании в Китае Б. Олстон сообщал министру иностранных дел лорду Дж. Керзону, что японцы действуют согласованно с белыми армиями и дальнейшее существование режима Г.М. Семенова «всецело зависит от японских войск»⁶⁰. Вместе с тем, население Забайкалья крайне негативно относилось как к самому главнокомандующему, так и к проводимой им политике. К весне 1920 г. семеновское правительство оказалось перед лицом внутреннего кризиса.

В создавшихся условиях атаман предпринял попытку демократизации власти в Забайкалье с целью политического сближения с Приморьем и расширения социальной базы за счет привлечения правосоциалистических элементов, что стало особенно актуальным после провозглашения Дальневосточной республики 6 апреля 1920 г. на съезде трудящихся Прибайкалья. В это же время Г.М. Семенов объявил о

проведении выборов в представительный орган власти — Народное краевое совещание⁶¹.

28 апреля 1920 г. было введено в действие «Положение о выборах в Народное краевое совещание»⁶². Согласно данному документу, большинство населения Забайкалья отстранялось от участия в выборах «... за бунт в октябре 1917 г.». Кроме того, для ограничения числа голосующих вводились многочисленные цензы:

- возрастной: 25 лет;
- оседлости: 1 год;
- грамотности и др.

Женщины лишались как пассивного, так и активного избирательных прав. Стать членами Народного краевого совещания могли российские граждане, имеющие избирательные права и опыт «общественной или государственной деятельности»⁶³. Такая крайне расплывчатая формулировка позволяла уже на последней стадии отстранить от участия в работе представительного органа негодную кандидатуру.

Косвенные и многоступенчатые выборы проводились по следующей схеме. Сельское население избирало на волостном сходе одного уполномоченного. Уездное собрание уполномоченных из своей среды избирало «депутата Народного краевого совещания». Казачий круг избирал одного депутата от 4500 казаков. Депутаты от городского населения избирались гласными местной думы. От города с населением от 6000 до 50000 чел. — 1 депутат, свыше 50000 чел. — 2 депутата. Выборы производились тайным голосованием. Избранным считался кандидат, набравший абсолютное большинство голосов. В «Положении» говорилось, что по мере расширения территории нового «государства» число членов Народного краевого совещания будет увеличиваться. Каждый депутат в данный представительный орган власти подлежал «утверждению главнокомандующим всеми вооруженными силами дальневосточной окраины атаманом Семеновым». Главнокомандующий при этом имел право отстранения депутатов от исполнения обязанностей. Кроме того, члены совещания были обязаны дать клятву верности идеалам «правового государства» и личн главнокомандующему⁶⁴.

Принятый документ был крайне консервативным и носил

на себе отпечаток избирательного законодательства времен III Государственной думы. Полномочия Народного краевого совещания были сильно ограничены и не носили законодательного характера, что само по себе ставило под сомнение его успешную работу.

В результате проведенных в мае 1920 г. выборов в Народное краевое совещание было избрано 14 представителей крупной буржуазии. Его председателем стал кадет А.Г. Васильевский⁶⁵.

Вновь созданный в Забайкалье представительный орган фактически не имел власти и полностью зависел от произвола главнокомандующего. На практике Народное краевое совещание не могло серьезно повлиять на развитие обстановки, не имея соответствующих полномочий и не обладая авторитетом среди населения региона. Это прекрасно понимали и сами депутаты. Так, один из его членов, А.В. Виноградов, вынужден был признать: «Мы не можем смотреть на себя, как на действительных представителей народа, так как выборы происходили при страшно ненормальной обстановке, когда не знали, куда выбирают и для какой цели. При таком условии трудно создать краевое совещание сколько-нибудь авторитетным ... Необходимо провести принцип разграничения властей и чтобы краевое совещание являлось органом не законосовещательным, а законодательным»⁶⁶.

Понимая, что проведенных мероприятий недостаточно, в июне 1920 г. Г.М. Семенов провел еще одну реорганизацию власти. 26 июня было издано «Положение о Краевом Народном Собрании Восточной Окraiны России», состоящее из 7 разделов и 59 статей. Согласно данному документу, существующее в Чите Народное краевое совещание, сформированное в мае 1920 г., переименовывалось в Краевое Народное Собрание (КНС). Новый представительный орган учреждался для «обсуждения законодательных предположений, восходящих на утверждение главнокомандующего», т.е. лично Г.М. Семенова⁶⁷.

Краевое Народное Собрание должно было состоять из депутатов, избираемых на основании «Положения о выборах в Краевое Народное Совещание» от 28 апреля 1920 г. Новый представительный орган власти созывался и распускался исключительно указами Г.М. Семенова (ст. 3), который

определял продолжительность сессий, перерывы в них, а также кворум (ст. 4, 7). Председатель собрания и один его товарищ избирался Собранием из числа его членов на срок, определяемый самими депутатами. По истечении указанного срока эти лица могли переизбираться. Обо всех заседаниях председатель делал доклад главнокомандующему. Для решения общих вопросов под руководством председателя Собрания образовывался Совет из товарища председателя, секретаря и одного из товарищей последнего. Для предварительной разработки законов депутаты имели право создавать различные комиссии. Председатели комиссий избирались членами тех же комиссий⁶⁸.

При вступлении в должность депутаты были обязаны дать торжественное обещание по следующей форме: «Мы, нижепоименованные, обещаем перед всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Краевого Народного Собрания по крайнему нашему разумению и силам, памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся»⁶⁹. Члены Собрания обладали свободой высказывать мнения по делам, подлежащим их ведению. Депутаты получали ряд льгот: освобождение от воинской повинности; привлечение к судебной ответственности «в порядке и на основаниях для привлечения к ответственности высших должностных лиц Государственного Управления» (требовалось специальное разрешение самого Собрания, если подозреваемый не был задержан на месте преступления или на следующий день). Члены Собрания выбывали из его состава, если:

- отказывались дать торжественное обещание;
- отказывались сами, причем отказ должен был письмен-но заверяться самим председателем;
- утрачивали русское подданство;
- поступали на действительную воинскую службу;
- назначались на гражданскую должность с определен-ным окладом;
- не посещали заседания в течение двух месяцев без отпус-ка.

Депутаты лишались мандата по суду за преступления, лишаящие избирательных прав или влекущие за собой отрешение от должности, а также становясь несостоятельны-

ми должниками. Краевое Народное Собрание могло при необходимости отстранить любого своего члена специальным постановлением.

Каждый депутат получал ежегодное содержание и путевое довольствие на основании специальных правил. В случае избрания должностных лиц, состоящих на государственной службе, за ними сохранялись должности со всеми правами по государственной службе, кроме содержания.

Секретарь Краевого Народного собрания и его товарищ избирались из числа членов собрания на срок, определяемый самим собранием. По истечении данного срока те же лица могли избираться вновь (ст. 23). Секретарь осуществлял руководство канцелярией, создаваемой для ведения делопроизводства. При необходимости в составе собрания было возможно создание специальных комиссий по отдельным вопросам. Секретари подобных комиссий избирались их членами из своего состава (ст. 24).

К полномочиям Краевого Народного собрания относились следующие вопросы:

- предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмена, за исключением дел, касающихся существующего государственного устройства;

- бюджет с финансовыми сметами по отдельным ведомствам, а также ассигнования, не предусмотренные бюджетом;

- отчет по исполнению бюджета;

- дела об отчуждении части государственных доходов или имущества, требующие разрешения Верховной власти;

- железнодорожное строительство;

- вопросы утверждения акционерных компаний, требующие внесения дополнений и изменений в действующее законодательство;

- дела, вносимые на рассмотрение собрания Главномандующим, т.е. лично Г.М. Семеновым⁷⁰.

Депутаты имели право отменять или изменять существующие законы и издавать новые. Вместе с тем общее устройство государственной власти изменять не разрешалось в любом случае. Члены собрания могли обращаться за разъяснениями к отдельным управляющим ведомствами, за исключением

предметов, которые не подлежали оглашению. В последнем случае требовалось постановление Совета управляющих ведомствами (СУВ).

В целом законодательные полномочия Краевого Народного собрания носили достаточно ограниченный характер, поскольку главные вопросы государственного строительства изымались из его ведения. В основном, депутаты должны были заниматься решением хозяйственных вопросов и надзором за исполнением бюджета, исполняя технические функции по законодательному обеспечению управления.

В разделе VI определялся регламент работы данного представительного органа. Дела на рассмотрение собрания вносились по распоряжению главнокомандующего или управляющими ведомствами с одобрения СУВ. Согласно примечанию к статье 33, дела, не имеющие принципиального значения и не затрагивающие «существенных интересов государственной жизни», могли решаться по постановлениям СУВ, утвержденным Главнокомандующим, без рассмотрения депутатами. При этом требовалось соглашение председателей СУВ и КНС. Данное положение подрывало сами основы деятельности Краевого Народного собрания. В чрезвычайных обстоятельствах СУВ имел право представлять законопроекты на утверждение Главнокомандующего. Если атаман утверждал подобный документ, то последний вступал в действие. После этого в месячный срок законопроект отправлялся в Краевое Народное собрание. Такой закон прекращал свое действие через один месяц или при его неодобрении депутатами. Постановления Краевого Народного собрания принимались на общем заседании простым большинством голосов. При равенстве поданных голосов назначалось новое голосование. Если и на этот раз вопрос не решался, то голос председателя давал перевес. КНС обладало правом отмены результатов выборов, если за такое решение проголосует не менее двух третей его членов. Меньшинство могло в трехдневный срок представить председателю т.н. «мотивированное мнение меньшинства», которое прилагалось к журналу заседаний. Принятые депутатами законы возвращались управляющим ведомствами и затем представлялись на утверждение лично Г.М. Семенову⁷¹.

В практику деятельности Краевого Народного собрания

вводился институт согласительных комиссий. Согласительная комиссия создавалась в том случае, если депутаты, не отклоняя законопроект в целом, желали внести в него какие-либо изменения. Законопроект с внесенными изменениями возвращался в соответствующее ведомство СУВ для нового рассмотрения. В свою очередь СУВ мог согласиться с мнением депутатов и внести на новое рассмотрение измененный законопроект. В обратном случае дело передавалось в специально создаваемую согласительную комиссию, образуемую из равного числа членов СУВ (назначались председателем) и КНС (избирались депутатами). По результатам деятельности комиссии проект вновь вносился на рассмотрение в СУВ.

Законодательная инициатива осуществлялась депутатами путем подачи письменного заявления председателю собрания. К заявлению прилагался законопроект с объяснительной запиской. Если заявление подписывалось не менее чем одной десятой общего числа членов КНС, то председатель вносил его на рассмотрение общего собрания. При одобрении законопроекта он вырабатывался соответствующим ведомством. Если в месячный срок проект не вносился, депутаты имели право образовать специальную комиссию для его выработки. Выработанный таким образом документ через СУВ вносился на рассмотрение Главнокомандующего. Законы, принятые КНС, но не утвержденные атаманом Г.М. Семеновым, можно было рассматривать во второй раз только через один год, если не будет получено соответствующее разрешение⁷².

Анализ «Положения о Краевом Народном собрании Восточной Краины России» показывает, что данный представительный орган, хотя юридически и обладал законодательными полномочиями, находился под полным контролем исполнительной власти, а наиболее важные вопросы управления не входили в его полномочия, оставаясь в личном ведении атамана Г.М. Семенова. Кроме того, любой принятый КНС законопроект мог быть им не одобрен. Тем самым, несмотря на некоторое увеличение полномочий Краевого Народного собрания по сравнению с Краевым Народным совещанием, нельзя говорить, что оно обладало реальной властью. Можно с полной уверенностью утверждать, что и

самостоятельной политической силой семеновский парламент не являлся, так как формировался под полным контролем исполнительной власти из лояльных ей граждан, как правило, не обладающих собственным видением обстановки и идущих в кильватере политических установок действующего режима.

Одновременно с «Положением о Краевом Народном Собрании» было опубликовано утвержденное указом Главнокомандующего всеми вооруженными силами и походным атаманом всех казачьих войск Российской Восточной окраины генерал-лейтенантом атаманом Г.М. Семеновым «Положение о временном устройстве Государственной власти на территории Российской Восточной окраины»⁷³.

Согласно данному документу, вся полнота верховной власти на территории Российской Восточной окраины на основании указа Верховного правителя адмирала А.В. Колчака от 4 января 1920 г. принадлежала Г.М. Семенову (ст. 2). Атаман обладал огромными полномочиями. В первую очередь он имел право издавать указы по различным вопросам управления (ст. 4). Как главнокомандующий всеми вооруженными силами Г.М. Семенов наделялся чрезвычайными правами по обеспечению комплектования и снабжения вооруженных сил, а также по водворению гражданского порядка и законности (ст. 3). В его ведении оставались вопросы внешней политики, включая заключение договоров с иностранными государствами, объявление войны и заключение мира (ст. 5). Атаман единолично проводил кадровую политику: мог назначать и увольнять управляющих ведомствами, должностных лиц первых четырех классов, «а равно прочих должностных лиц, назначение и увольнение коих по действующим законам должно совершаться Верховной властью» (ст. 7). Кроме того, он обладал правом помилования осужденных, смягчения наказания и общего прощения совершивших преступления с прекращением судебного преследования и освобождение от суда и наказания (ст. 9)⁷⁴. Фактически Главнокомандующий являлся высшей судебной инстанцией, хотя судебная власть должна была осуществляться «именем закона установленными законом судами, решение коих приводятся в исполнение тоже именем закона» (ст. 18).

Законодательная власть осуществлялась атаманом и Краевым Народным собранием (ст. 19). Правом законодательной

инициативы обладал исключительно только Главнокомандующий (ст. 20). Он один мог отправить данное «Положение» на пересмотр в Краевое Народное собрание. Представительный орган имел право одобрить либо не одобрить предложенный закон. В любом случае все законы утверждались лично атаманом (ст. 21). В чрезвычайных обстоятельствах в перерывах между сессиями Краевого Народного собрания разрешалось издание законов по представлению Совета управляющих ведомствами лично Г.М. Семенову. При этом запрещалось внесение изменений «в настоящее «Положение», в «Положение о Краевом Народном Собрании», в «Положение о выборах». Действие подобного закона прекращалось в течение месяца после возобновления сессии Краевого Народного собрания в том случае, если соответствующий законопроект не будет внесен в Краевое Народное собрание или он не будет принят депутатами (ст. 22)⁷⁵.

Текущее управление делами Главнокомандующий осуществлял совместно с Советом управляющих ведомствами. По «Положению» учреждались ведомства:

- внутренних дел;
- юстиции;
- иностранных дел;
- финансов;
- торговли, промышленности и продовольствия;
- народного просвещения и вероисповеданий;
- земледелия и государственных имуществ;
- военное и морское;
- путей сообщения;
- государственный контроль⁷⁶.

Полномочия Совета управляющих ведомствами определялись законоположениями Учреждения министерств (т. 1 Свода гражданских законов) и другими законами (ст. 12). Управляющие ведомствами несли полную ответственность перед Главнокомандующим (ст. 13). Председательствовать на заседаниях Совета мог один из его членов по их собственному выбору. Причем на каждом заседании председатель переизбирался заново (ст. 16)⁷⁷. Все ведущие ведомства в Совете возглавили семеновские генералы. Главой СУВ был назначен кадет С.А. Таскин.

Таким образом, согласно «Положению о временном устройстве государственной власти на территории Российской Восточной окраины», на территории Восточного Забайкалья законодательно закреплялась военная диктатура атамана Г.М. Семенова, который, по сути, исполнял обязанности главы государства и правительства. Он юридически обладал высшими полномочиями в исполнительной, законодательной и судебной областях, единолично определял внутреннюю, внешнюю и военную политику существующего государственного образования. Краевое Народное собрание, не обладая правом законодательной инициативы, фактически не имело серьезных полномочий, поскольку, как отмечалось ранее, без утверждения главнокомандующим законы не имели юридической силы. Совет управляющих ведомствами оставался исполнительной технической инстанцией, целиком подчиненной атаману, и не играл самостоятельной роли. В вопросе формы государственного устройства Г.М. Семенов был сторонником унитарного государства. Ни в одном из документов возможность создания федерации или конфедерации принципиально не предусматривалась.

Несмотря на некоторые положительные изменения, проведенные мероприятия не смогли улучшить политическую обстановку в Восточном Забайкалье. Свидетельство этому – отказ не только правосоциалистических, но и буржуазных партий от сотрудничества с атаманом в рамках созданного представительного органа. Депутаты также считали, что существование собрания лишено всякого смысла. На заседании 13 июля 1920 г. его председатель А.Г. Васильевский заявил: «... теперь руки исполнительной власти должны быть развязаны; пусть она отвечает перед историей и народом. Нельзя путем парламентаризма расшатывать ее устои. Создание власти, не располагающей свободой действий, ответственной за свой состав и направление работ, мне кажется немыслимым»⁷⁸. Тем самым депутаты самоустраивались от принятия важнейших решений и не стремились препятствовать проводимой политике.

В это время в очередной раз изменились политические взгляды атамана. Если в апреле он выдвинул идею воссоздания Российской империи во главе с великим князем Дмитрием

Павловичем, то в августе выступил против монархии и интервенции, подчеркивая необходимость «воссоздания русской государственности» на базе Приморья. Переход Г.М. Семенова на державно-патриотические позиции объяснялся, конечно, эвакуацией японских войск и опасностью окончательного развала белого режима в Восточном Забайкалье⁷⁹. Атаман даже сместил «за реакционность» генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого с поста командующего армией и выслал его в Харбин. Новым главкомом был назначен генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий, бывший монархистом по убеждениям и сторонником «единой и неделимой России». Но даже Г.А. Вержбицкий считал, что проводимую политику необходимо скорректировать в сторону либерализма⁸⁰.

Понимая, что военно-политическая обстановка после эвакуации японского контингента из Забайкалья будет для него только осложняться, Г.М. Семенов вступил в переговоры с большевиками. На августовской конференции областных правительств Дальнего Востока во Владивостоке представители читинской делегации С.А. Таскин и генерал-лейтенант Р.А. Хрещатицкий настаивали на признании акта А.В. Колчака о передаче Верховной власти в Восточном Забайкалье и на Дальнем Востоке атаману Г.М. Семенову, создании Учредительного собрания, запрете коммунистической агитации и независимости будущего государства от Советской России. Естественно, данные условия не были приняты. Однако один из руководителей Приморской группы Дальбюро РКП (б) П.М. Никифоров предложил Р.А. Хрещатицкому отправить семеновские войска на польский фронт. Атаман согласился обсудить этот вопрос при личной встрече с представителями большевиков. Но договориться о чем-либо с большевиками атаману так и не удалось из-за отрицательной позиции Дальбюро ЦК РКП (б), в категоричной форме приказавшего П.М. Никифорову прервать все контакты с семеновскими эмиссарами⁸¹.

В создавшихся условиях Г.М. Семенов решил в очередной раз реформировать власть в Забайкалье. Он объявил о создании нового Краевого Народного собрания с передачей ему «всей полноты гражданской власти». Первое заседание было назначено на 28 августа 1920 г., но поскольку в

назначенный срок собралось лишь меньшинство его членов, заседание перенесли на 2 сентября. Краевое Народное собрание объявило о принятии на себя «всей полноты гражданской власти», но фактически никакой властью оно не располагало. В тот же день в Чите состоялось совещание представителей правосоциалистических общественных организаций, которое приняло решение потребовать немедленного роспуска Краевого Народного собрания за его тесную связь с семеновским режимом и за его просьбу оставить в Забайкалье японские войска. 3 сентября Краевое Народное собрание попыталось укрепить свое положение, расширив состав. Оно обратилось к ряду общественных организаций и ко всем политическим партиям с приглашением принять участие в его работе в качестве депутатов, но получило отказ. Стало ясно, что сохранить новый орган власти невозможно. Поэтому 8 сентября Г.М. Семенов позволил его членам принять решение о прекращении работы⁸².

Стремясь спасти свой режим, атаман был готов пойти по пути реформирования власти гораздо дальше. Поэтому он и согласился на требование эсеров и меньшевиков ликвидировать Краевое Народное совещание и вместо него создать «Временный Забайкальский народный совет», предоставив ему всю полноту гражданской власти до созыва нового «Народного собрания»⁸³.

Понимая, что этот новый орган власти реальной угрозы для него представлять не будет, Г.М. Семенов объявил о формировании «Временного Восточно-Забайкальского народного собрания»⁸⁴. По «Положению о выборах в законодательное народное собрание Восточного Забайкалья»⁸⁵ сохранялась мажоритарная избирательная система, уже действующая в регионе согласно «Положению о выборах в Народное краевое совещание» от 28 апреля 1920 г. Однако в новом документе содержалась установка «... если условия позволяют, то надо провести прямые выборы на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования по пропорциональной системе представительства» (ст. 2). Прямые выборы от населения, по мнению атамана, необходимо было провести на основе избирательного закона Всероссийского Временного правительства А.Ф. Керенского, естественно, с определенными изменениями

и поправками в соответствии с изменившимися условиями. Так, «Положение» предписывало выборы от городских поселений производить по правилам о выборах гласных городских дум от 15 апреля 1917 г. со следующими изъятиями:

1) Выборы производятся по ранее имеющимся спискам с внесением необходимых в них изменений не позднее кануна выборов. Выставление для всеобщего ознакомления исправленных списков отменяется.

2) «... число членов, подлежащих избранию от городского населения, определяется в зависимости от установленного законом числа гласных городской думы данного поселения и составляет $\frac{1}{8}$ этого числа ...»⁸⁶.

В сельской местности выборы должны были проводиться по «Положению о выборах волостных земских гласных» от 21 мая 1917 г. Однако при этом руководство избирательным процессом на местах возлагалось на волостные управы. Выборы должны были производиться по старым избирательным спискам с внесением в них новых избирателей. Списки выставлялись для всеобщего обозрения за семь дней до выборов⁸⁷. «Положение» юридически закрепляло сложную избирательную систему, состоящую из элементов как мажоритарной, так и пропорциональной избирательных систем. Кроме того, вводился институт представительства от общественных организаций. Торгово-промышленная палата, биржевой комитет и союз промышленников Забайкалья должны были направить в представительный орган 5 представителей; областной профсоюз — 5; каждая политическая партия — по 1. Общественные организации самостоятельно определяли порядок и способ избрания своих представителей в Народное собрание⁸⁸.

Новые изменения в системе органов власти Восточно-Забайкальского государственного образования наглядно показали, что атаман готов на словах провести значительную политическую модернизацию своего режима. Действительно, в течение февраля-сентября 1920 г. органы власти в Чите претерпели значительную трансформацию. В конечном счете Г.М. Семенов формально перешел на буржуазно-демократические позиции, пойдя на значительные уступки оппозиции. Это выразилось, в первую очередь, в кардинальном изменении избирательной процедуры на основе законов Временного

правительства, принятых в 1917 г. Однако воплощение данных идей на практике, если бы таковое и состоялось, представлялось в сложившихся условиях несколько запоздалым.

Избирательная кампания показала, что семеновский режим не пользуется авторитетом среди жителей региона. Коммунисты и большинство населения Восточного Забайкалья бойкотировали выборы. Из 7000 избирателей 2000 не явились на выборы (28 %), которые проводились в основном по мажоритарной избирательной системе и обеспечивали победу буржуазии. В собрании отсутствовали представители от большей части казаков, крестьян и бурят. Это объяснялось тем, что «сельское население отнеслось к выборам «недостаточно сознательно», а основная масса городских избирателей не смогла «за короткий срок сконцентрироваться и подготовиться к выборам»⁸⁹. Большинство во Временном Восточно-Забайкальском народном собрании получили правые социалисты, набравшие более 50 % голосов избирателей. Остальные места в собрании занимали кадеты, монархисты и представители т.н. «беспартийной» группы (зажиточные забайкальские казаки)⁹⁰. Председателем собрания был избран правый эсер К. Шрейбер.

Однако фактически и этот представительный орган находился под полным контролем атамана Г.М. Семенова, поскольку, во-первых, согласно «Положению о временном устройстве Государственной власти на территории Российской Восточной окраины», без утверждения Главнокомандующим никакие законы не имели юридической силы и, во-вторых, основы законодательной деятельности представительного органа не были изменены.

19 сентября 1920 г. Временное Восточно-Забайкальское народное собрание опубликовало декларацию с кратким изложением своей политической программы⁹¹. Главной целью деятельности собрания провозглашалось объединение с Советской Россией областей Дальнего Востока путем созыва Учредительного собрания Дальнего Востока для создания демократического государства-буфера на договорных началах. Объявлялось, что к этой цели собрание «пойдет путем всемерного содействия скорейшему созыву и работе конференции существующих областных правительств». Одной

из основных задач виделось скорейшее проведение всеобщих выборов в Забайкальское Народное собрание. При этом считалось необходимым добиться немедленного перехода всей полноты власти, как гражданской, так и военной, в руки депутатов. Также в их распоряжение должны были передаваться все государственные ценности в виде золотого фонда, продовольственных запасов и прочего, «где бы и в чем бы распоряжении они ни находились»⁹². Собрание обязывалось в ближайшее время принять все меры к действительному обеспечению гражданских свобод в полном объеме. В заключение указывалось, что депутаты выступают за объединение всех областей Дальневосточной окраины, Учредительное собрание и создание «демократического буфера, построенного на началах истинного народоправства и народовластия»⁹³.

Документ был подписан не только председателем собрания К. Шрейбером и секретарем Перфильевым, но и председателем Совета управляющих ведомствами А.В. Виноградовым, управляющим ведомством внутренних дел и уполномоченного по делам армии П. Малых, управляющим ведомством финансов М. Черниным и управляющим ведомством труда И. Чаплыгиным. Тем самым наметился раскол среди самой семеновской администрации. Однако подобные заявления, не подкрепленные военной силой, не имели какого-либо практического значения и были полностью проигнорированы атаманом.

О политических реформах своего режима атаман поспешил сообщить председателю Временного Народного собрания Дальнего Востока Ф.С. Мансбетову (Владивосток). Г.М. Семенов убеждал последнего в том, что отныне различий в политическом устройстве Восточного Забайкалья и Приморья не существует и можно начать переговоры по вопросу об объединении Дальнего Востока в «буферное государство дальневосточной российской окраины». По первоначальному плану атамана предусматривалось создание «буферной федерации» из двух областей (Забайкальской и Приморской), к которой позднее должны были присоединиться остальные районы Дальнего Востока. Высшим представи-

тельным органом «буферной федерации» должно было стать Восточно-Забайкальское народное собрание, пополненное представителями других областей⁹⁴.

Председатель Временного правительства Дальнего Востока А.С. Медведев оспаривал главенство Приморья в буферном строительстве. Он настаивал на том, чтобы в Забайкалье были в кратчайший срок проведены выборы во Временное Народное собрание Дальнего Востока. По мнению А.С. Медведева, после того, как Дальний Восток будет объединен вокруг Временного правительства, во Владивостоке состоятся общерегиональные выборы в Учредительное собрание, которое и решит вопрос о государственном устройстве буферного политического образования. Тем самым Временное правительство Дальнего Востока отклонило предложения Г.М. Семенова. Вскоре атаман выдвинул новые условия объединения: Забайкалье признает власть Временного правительства Дальнего Востока и распространит действия приморских законов на свою территорию, если за ним будет сохранен пост главнокомандующего вооруженными силами буферного государства⁹⁵. Не дожидаясь ответа владивостокского правительства, Г.М. Семенов начал подготовку к проведению выборов в Забайкалье во Временное Народное собрание Дальнего Востока на основе «Положения о выборах во Временное народное собрание Дальнего Востока» от 25 мая 1920 г. Но из-за резкого ухудшения военной обстановки семеновской администрации не удалось провести выборы. По требованию большевиков Временное правительство Дальнего Востока было вынуждено прервать политический диалог с Г.М. Семеновым.

К концу сентября 1920 г. японские войска оставили Читу⁹⁶. Еще в мае-июне в ходе переговоров представителей японских экспедиционных сил и большевиков на станции Гонгота и разъезде Алеур было заключено соглашение о прекращении боевых действий и намечен план отвода японских войск из Восточного Забайкалья. Стороны согласились с тем, что наилучшим способом к установлению спокойствия и порядка на Дальнем Востоке явится образование буферного государства с единым правительством без вмешательства в

дела этого государства вооруженных сил других государств⁹⁷. Таким образом, японское командование признало, что Забайкальский буфер во главе с Г.М. Семеновым не имеет шансов на длительное существование.

Генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий подчинил себя Восточно-Забайкальскому народному собранию и даже пообещал поддержать конференцию по объединению областей Дальнего Востока, которая мыслилась под эгидой Читы. Одновременно каппелевские генералы пытались примирить Г.М. Семенова с оппозиционным ему Народным собранием в Чите. 2 октября атаман окончательно убедился в том, что договориться с большевиками и приморскими правыми социалистами нет никакой возможности. Поэтому он публично заявил о своем подчинении барону П.Н. Врангелю.

В начале октября началось наступление частей Народно-революционной армии ДВР при поддержке партизанских отрядов с севера и юга на столицу Забайкалья. К этому времени белые части были сильно ослаблены и не могли оказать серьезного сопротивления. После ухода последних японских войск из Восточного Забайкалья началось отступление семеновцев на территорию Маньчжурии. 15 октября 1920 г. последние японские части ушли из Читы, а 22 октября 1920 г. семеновские войска оставили город. 21 ноября 1921 г. все Забайкалье было освобождено от белогвардейских войск. Части НРА ДВР взяли большие военные трофеи⁹⁸.

В 1920 г. в своих политических декларациях атаман Г.М. Семенов поддерживал буржуазно-демократическую модель политического устройства. Он не только сознательно пошел на создание нескольких представительных органов власти, но и постепенно значительно увеличивал их полномочия. Избирательное законодательство также значительно модернизировалось, и к концу 1920 г. оно в основных чертах соответствовало демократическим нормам своего времени. Но вместе с тем законодательная власть оставалась полностью подчиненной исполнительной ветви в лице самого атамана Г.М. Семенова как Главнокомандующего всеми вооруженными силами Восточной Российской окраины. Как показали события, нарочитый либерализм

атамана никого из его политических оппонентов не ввел в заблуждение. Его режим объективно представлял собой военную диктатуру с некоторыми элементами парламентской демократии, впрочем, крайне незначительными. Атаман стремился стать во главе антибольшевистского буфера, но его никто, кроме японцев, не хотел видеть в этой роли. Так или иначе, Г.М. Семенов полностью дискредитировал себя еще в 1919 г. Поэтому в 1920 г. выдвинутая им модель политического устройства региона оказалась недееспособной.

1.3. Буржуазно-демократическое государственное образование в Приморье (Временное Правительство Приморской областной земской управы 1920 г.)

В отличие от атамана Г.М. Семенова, находившееся у власти в Приморье с конца января 1920 г. правосоциалистическое правительство Приморской областной земской управы изначально выдвинуло умеренную либеральную программу. В обращении к населению Приморской области от 31 января 1920 г. объявлялось, что новая власть будет стремиться к восстановлению народоправства, законности, правопорядка, политических свобод, народного хозяйства, мирному прекращению интервенции и Гражданской войны⁹⁹. Ему удалось добиться освобождения политзаключенных, взятых под стражу колчаковскими властями, и закрытия реакционных газет. При этом правые социалисты не собирались препятствовать оформлению и деятельности массовых организаций рабочих¹⁰⁰.

В состав Временного правительства Приморской областной земской управы (ВПОЗУ)¹⁰¹ вошли А.С. Медведев (председатель; куратор управлений иностранных дел, юстиции, путей сообщения и военного совета), А.А. Меньшиков (управления государственных финансов, торговли и промышленности, снабжения и продовольствия), П.П. Попов (управление внутренних дел), С.И. Афанасьев (управления земледелия и государственных имуществ, труда), А.Н. Русанов (заместитель председателя), С.И. Белкин (секретарь)¹⁰².

Командование американских и чехословацких войск видело

в лице приморских правых социалистов силу, которая может возглавить антибольшевистскую оппозицию в регионе. Поэтому оно всеми силами стремилось привлечь Приморское земское правительство на свою сторону. В марте 1920 г. консульство США во Владивостоке предложило А.С. Медведеву, председателю Временного правительства Приморской областной земской управы, проект конституции, составленный В.С. Завойко¹⁰³. Данный документ, состоящий из 17 разделов и 292 статей, был рассчитан для всей России, но начать переустройство страны предполагалось с создания «Приморской земской республики» как ядра будущих «Дальневосточных Соединенных штатов». Предполагалось, что создаваемое государственное образование в политическом и социально-экономическом плане будет ориентироваться на США. При подготовке проекта использовались Конституция США 1787 г., законодательство Всероссийского Временного правительства А.Ф. Керенского, отдельные акты белых правительств Сибири и Дальнего Востока 1918-1919 гг.

В.С. Завойко полагал, что в социальных потрясениях России виноваты политические партии и борьба между ними. Поэтому, по его мнению, создать новую Россию могли только земства, и начать этот процесс было необходимо с Приморья.

Основными принципами строительства земской республики должны были стать народовластие, федерализм и разделение властей. Проект «Основных законов» строился на сочетании земского уклада с принципами государственного права США. Документ предусматривал широкие политические права, гражданские свободы граждан и социальные гарантии. Полностью запрещалась деятельность любых политических партий. Земля и ее недра объявлялись общенародной собственностью.

В отличие от подавляющего большинства проектов переустройства России, предложенных в годы Гражданской войны, проект В.С. Завойко предполагал федеративное устройство государства. Субъектами федерации выступали округа, получавшие достаточно широкую автономию. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти формировались на основе уже существующих земских органов, созданных на основе законодательства Всероссийского

Временного правительства 1917 г. Местные власти получали значительные полномочия в решении своих внутренних вопросов. В проекте довольно последовательно проводился принцип разделения властей. Высший орган законодательной власти, названный в тексте Законодательным собранием, был двухпалатным. Нижняя палата (Дума) избиралась прямыми выборами на один год, верхняя палата (Совет области) – законодательными органами округов (по два от каждого округа) на тот же срок. В Совет области могли входить пожизненные члены, избираемые на объединенных заседаниях обеих палат из числа старейших депутатов. Полномочия Законодательного собрания были довольно обширны: объявление войны и заключение мира; установление и взимание налогов и пошлин; учреждение судов и т.д. Парламент созывался два раза в год на очередные сессии. Но глава государства (Предводитель республики) мог объявить созыв внеочередной сессии по решению председателей обеих палат, или по требованию не менее 25 членов Думы, или по заявлению не менее чем 5 тыс. граждан¹⁰⁴.

Права Предводителя Приморской земской республики, фактически президента, были крайне широки. Глава государства объединял в себе функции главы государства и правительства, являлся главнокомандующим армией и флотом, имел право заключать от имени страны международные договоры, обладал правом накладывать вето на законопроекты, принимаемые парламентом. Данное вето можно было преодолеть лишь 2/3 голосов обеих палат. Президент избирался не прямым голосованием граждан, а Законодательным собранием сроком на 5 лет (на второй срок – на 4 года). Он мог быть отозван квалифицированным большинством в 2/3 голосов обеих палат парламента¹⁰⁵.

Судебная власть была представлена Высшим Областным судом, члены которого избирались пожизненно из числа лиц, имеющих высшее юридическое образование. Он являлся высшей апелляционной и кассационной инстанцией. Принятые им решения не подлежали ничьему пересмотру.

Избирательное право ограничивалось цензами: возрастным (активное избирательное право с 21 года, пассивное – с 32 лет); оседлости (2 года проживания в Приморье, что давало

право голоса беженцам); образовательным (умение бегло читать Конституцию и объяснить прочитанное). Область как субъект будущей федерации по статусу напоминала штат США. Главное отличие состояло в том, что власть в ней принадлежала земствам.

Документ, предложенный В.С. Завойко, стал единственным проектом из составленных в 1920-1922 гг., в котором вопросы политического устройства буферного государственного образования рассматривались системно, с учетом важных деталей и особенностей социально-политического и экономического развития региона. Предлагаемая автором буржуазно-демократическая модель в основных чертах (сильная президентская власть, двухпалатный парламент, федеративное государственное устройство) повторяла организацию политических структур США. Коренное отличие заключалось в запрете деятельности политических партий, что представлялось в создавшихся условиях физически неосуществимым, и автоматической передаче власти на местах земствам.

Председатель Приморского земского правительства А.С. Медведев признал проект В.С. Завойко заслуживающим внимания. Но этот проамериканский документ, направленный на отрыв Приморья от России, в условиях непрекращающейся Гражданской войны и интервенции имел в глазах большинства населения крайне негативную окраску. Поэтому он был оставлен без внимания и даже не рассматривался Приморским Народным собранием¹⁰⁶. Определенную роль в этом сыграло и решение американцев вывести свои войска из Приморья.

Весной 1920 г. обострилась внутренняя обстановка в Забайкалье. Среди каппелевцев росло недовольство действиями Г.М. Семенова. В начале марта 1920 г. каппелевские генералы С.Н. Войцеховский, Г.А. Вержбицкий, В.М. Молчанов, И.С. Смолин и др. для спасения Белого движения приняли решение сместить одиозного атамана и перейти на сторону Временного Приморского правительства. Каппелевцы стремились создать в Приморье независимое от японцев буферное государственное образование, чтобы с него начать восстановление буржуазно-либеральной России.

Политическая демократия, экономическая свобода, нали-

чие во Владивостоке сильных торгово-промышленных кругов импонировали заговорщикам. 24 марта 1920 г. эмиссары С.Н. Войцеховского во главе с полковником Петровым прибыли во Владивосток и начали переговоры с главой Приморского правительства эсерами А.С. Медведевым и главкомом Приморских революционных войск А.А. Краковецким. Переговоры с каппелевскими офицерами вели также политические руководители войск Приморья большевики С.Г. Лазо и П.С. Парфенов. Последние пытались организовать будущий контроль над белой армией, каппелевцы – сохранить организационную структуру войск. Обсуждались также вопросы ареста атамана Г.М. Семенова и подчинения войск Приморской земской управе. Общим было стремление создать антияпонскую военную силу будущего буфера. С.Г. Лазо убеждал Петрова бороться с японским засильем объединенными силами. В результате представители Временного Приморского правительства и каппелевские эмиссары пришли к следующему соглашению: бывшие колчаковские войска должны были перебазироваться в Приморье и стать основой новой армии; Г.М. Семенов отстранялся от власти и должен был быть арестован вместе со своим штабом; в Приморье формировался буфер под эгидой Временного Приморского правительства областной земской управы¹⁰⁷.

Однако, поскольку меры конспирации должным образом не соблюдались, сохранить в тайне переговоры не удалось. О них стало известно американцам, японскому командованию и эмигрантским лидерам в Маньчжурии. Поначалу диалог был воспринят положительно, поскольку считалось, что он положит начало формированию в Приморье белого буфера. Но потом выяснилось, что атаман Г.М. Семенов будет устранен, а каппелевцы перейдут на сторону приморских земцев. Такое решение не удовлетворяло прежде всего Японию. Поэтому представители японского командования обо всем сообщили в Читу. Получив сведения о планируемом предательстве, Г.М. Семенов снял С.Н. Войцеховского с поста командующего, назначив на его место монархиста генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого¹⁰⁸. Расправившись с некоторыми офицерами, атаман не решился репрессировать каппелевских генералов. С этого времени раскол между двумя белыми группиров-

ками, семеновцами и каппелевцами, стал открытым, что еще больше ухудшило политическое положение Белого движения на Дальнем Востоке.

4-6 апреля 1920 г. японские войска выступили по всему Приморью, атаковав части Приморской земской управы и партизан, располагавшихся открыто в крупных населенных пунктах¹⁰⁹. Наряду с антисеменовскими переговорами причиной этой акции стало принятие IV Дальневосточной конференцией РКП (б) в марте 1920 г. решения о восстановлении советской власти на Дальнем Востоке. Большевиков ввело в заблуждение соблюдение японцами нейтралитета в начале 1920 г. Такая позиция Японии объяснялась присутствием значительного числа американских и чехословацких войск в области. Очевидно, что принятое коммунистами решение было несвоевременным. Во время японского выступления были уничтожены практически все участники антисеменовских переговоров. Таким образом, стремление части белой армии создать буржуазный правосоциалистический антияпонский буфер на базе земского Приморья с опорой на каппелевские войска весной 1920 г. провалилось из-за жесткой позиции Японии¹¹⁰.

К началу апреля 1920 г. большая часть американских и чехословацких войск, чье командование сочувственно относилось к Приморскому земскому правительству, была выведена с Дальнего Востока¹¹¹. В таких условиях японское командование решило ликвидировать правительство области в его прежнем составе и устранить большевиков как главную опасность для интервентов. Японцы также стремились отомстить за т.н. «николаевский инцидент»¹¹². В качестве компенсации за него был занят Северный Сахалин и взято под контроль устье Амура.

Однако возмущение населения Приморья и консульского корпуса действиями японских войск 4-6 апреля не позволило ликвидировать Приморское земское правительство. 7 апреля 1920 г. оно было возвращено к власти во Владивостоке¹¹³. Тем не менее, японское командование навязало ему крайне тяжелый договор от 29 апреля 1920 г., согласно которому приморское правительство могло иметь всего лишь 4250 чел. в частях Народной охраны. При этом Народная охрана

получала оружие от японского командования. Кроме того, русские военные в Приморье не имели права находиться в 30-верстной полосе вдоль Уссурийской железной дороги¹¹⁴.

Летом 1920 г. большевики вновь попытались войти в контакт с каппелевскими офицерами с целью их привлечения на свою сторону. Для этого в Харбин выехал представитель Амурского ревкома Б. Жданов. Здесь он встречался с генерал-лейтенантом А.Н. Пепеляевым, но последний отказался от сотрудничества.

В интервью газете «Заря» в августе 1920 г. А.Н. Пепеляев высказал собственную позицию по поводу строительства буфера на Дальнем Востоке. Он считал приемлемым такое буферное государство, которое бы обеспечило самостоятельность территории к востоку от Байкала, прекратило Гражданскую войну и было бы к тому же независимым от большевиков. Предлагалось в течение двух месяцев созвать краевое Учредительное собрание, которое избрало бы правительство Дальнего Востока. А.Н. Пепеляев считал, что нужно объединить областные правительства Читы, Владивостока и Верхнеудинска, а также их армии для защиты независимого национального буферного образования. По мнению генерала, всем участникам конфликта было необходимо встать выше «партийных и классовых интересов» и гарантировать иностранным державам сохранение порядка на российском Дальнем Востоке¹¹⁵. Правда, было не совсем понятно, как подобное объединение могло получиться на практике, поскольку в обозначенных областях на тот момент существовали антагонистические политические образования (ДВР в Прибайкалье, семеновский режим в Чите, советская власть в Амурской области, правосоциалистическое Временное Приморское земское правительство в Приморье). Выступавший с беспартийных позиций, А.Н. Пепеляев не учитывал реального положения вещей. В целом его предложения, бывшие крайне наивными, в создавшихся условиях были неосуществимы из-за непримиримых политических разногласий между участниками Гражданской войны в регионе.

Практически одновременно с апрельскими событиями 1920 г. в Приморье 6 апреля в Верхнеудинске была официально

провозглашена Дальневосточная республика. 14 мая 1920 г. Советское правительство признало Временное правительство ДВР и выразило готовность немедленно «вступить в официальные дипломатические сношения на предмет заключения торгово-экономических и политических соглашений»¹¹⁶. По согласованию с ЦК РКП (б) дальневосточные коммунисты отошли от жестких классовых принципов, согласились признать необходимость многоукладной экономики, многопартийности, парламентской демократии, отказались от декларирования строительства социализма и советской системы. В конце октября 1920 г. в Чите прошла конференция по объединению Дальнего Востока. Согласно декларации конференции весь регион от р. Селенга и Байкала до Тихого океана объявлялся независимой самостоятельной республикой с демократической властью. Правительства, находившиеся на данной территории, лишались государственных функций и становились органами областного управления¹¹⁷.

Процесс формирования политической системы ДВР был достаточно длительным и завершился принятием Основного закона (конституции) в апреле 1921 г.

Высшим органом законодательной власти Дальневосточной республики становилось Народное собрание, избираемое всеобщим, прямым, равным, тайным голосованием по пропорциональной системе сроком на 2 года при норме представительства 1 депутат от 15000 граждан. Активное и пассивное избирательное право получали все граждане по достижении 18 лет без различия пола, вероисповедания и национальности, не ограниченные в правах по суду. Законодательной инициативой обладали не только члены Народного собрания, Правительство и Совет министров, но и любой гражданин. Для того, чтобы частный законопроект стал рассматриваться, было необходимо собрать 1000 подписей. Полномочия парламента были достаточно широкими, включая в себя законотворчество по всем вопросам «государственной и общественной жизни», объявление и заключение мира, ратификацию договоров с иностранными державами, контроль за бюджетной и денежной политикой, высший надзор за

управлением. Кроме этого, в его ведение попадало «разрешение всех других вопросов, которые Народное собрание признает необходимым подвергнуть своему рассмотрению»¹¹⁸. По результатам выборов в парламент представительство в нем получили не только большевики и правосоциалистические партии (эсеры, меньшевики, народные социалисты), но и кадеты.

Правительство ДВР совместно с Советом министров являлось высшей исполнительной властью, фактически исполняя обязанности коллективного президента. Оно состояло из 7 членов, избираемых парламентом сроком на 2 года. Правительство осуществляло общее управление государством, его внешней и внутренней политикой, формировало Совет министров, определяло военную политику, составляло предварительный вариант бюджета, имело право заключать концессии, таможенные, торговые и иные договоры с иностранными державами¹¹⁹. Правительство Дальневосточной республики в 1920-1921 гг. возглавлял А.М. Краснощеков, а позднее Н.М. Матвеев. Совет Министров имел исполнительно-распорядительные функции и был коалиционным. В него входили 9 большевиков, 3 меньшевика, 3 эсера и 1 народный социалист. Правые социалисты занимали посты министров финансов, промышленности, национальных дел, просвещения, юстиции, председателя правления Дальбанка, ряд мест заместителей министров. Большевики руководили министерствами труда, земледелия, торговли, почт и телеграфа, а также Народно-революционной армией (НРА ДВР) и флотом, министерством внутренних дел, госбезопасностью (Государственной политической охраной). В их руках были также министерство иностранных дел, Госконтроль и Верховный суд. Первым председателем Совета министров стал большевик П.М. Никифоров¹²⁰.

Важной особенностью политической системы ДВР стало предоставление «туземным народностям и национальным меньшинствам права на широкое самоопределение». Так, согласно конституции, в отдельную административно-территориальную единицу выделялась Бурят-Монгольская автономная область. Малые народности Забайкалья и Дальнего Востока получали культурно-национальную автономию¹²¹.

Дальневосточная республика, созданная на основе буржуазно-демократической модели политического устройства, стала альтернативой Советской России и белых правительств региона. Формально ДВР не была советским государством, что давало широкие возможности для дипломатических маневров. В целом ее политическая система оказалась одной из самых демократичных в мире начала XX в. Это позволяло надеяться на широкую поддержку населения Забайкалья и Дальнего Востока и показывало, что ради победы в Гражданской войне большевики готовы пойти на значительные уступки, отказавшись от жестких догматов. С другой стороны, политический строй ДВР задавал ориентиры для антибольшевистских сил, которые вынуждались тем самым пойти на демократизацию своих режимов. Особенно ярко этот процесс проявился в Приморье в 1920 г., когда у власти в области находилось Временное Правительство Приморской областной земской управы.

Политическая структура Приморского земского государственного образования законодательно начала выстраиваться весной 1920 г., после японского выступления.

20 апреля 1920 г. А.С. Медведев на совещании представителей общественных организаций и политических партий объявил ближайшие цели и задачи Приморского земского правительства, подтвержденные затем в правительственных декларациях, опубликованных в приморской прессе 6 и 30 мая. В данных документах намечалась единая, «приемлемая всеми слоями населения», основа политического и экономического строительства нового государственного образования. «Основа эта — построение верховной власти на принципах народовластия, а в области хозяйственно-экономической жизни края — неуклонная защита справедливых интересов труда и предоставление широкой возможности для проявления здоровой частной инициативы капитала в области торговли и развития производительных сил на территории нашего Дальнего Востока»¹²².

Главным препятствием для деятельности правительства назывались «реакционные антидемократические группы так называемых «семеновцев». Поэтому демократические силы были вынуждены действовать разрозненно во Владивостоке

и Верхнеудинске. Приморскими правыми социалистами признавалось безусловно необходимым устранение данного препятствия. Такая позиция означала вступление в вооруженную конфронтацию с атаманом Г.М. Семеновым, контролирующим часть Восточного Забайкалья. Ликвидация т.н. «читинской пробки» предполагалась при получении официального заверения японского командования о своем отказе поддерживать семеновцев. Урегулирование данного вопроса на дипломатическом фронте возлагалось на Верхнеудинское правительство. В свою очередь Владивостокское правительство обязывалось оказывать в этом деле всю возможную помощь.

В перспективе оптимальным вариантом политического устройства для объединенного Дальнего Востока, согласно установкам правых социалистов, виделась парламентская республика. Главную роль в системе государственного управления должно было играть избранное всем населением Народное собрание. Правительство, несшее ответственность перед парламентом, формировалось Народным собранием. В области внешней политики предполагалось установление добрых взаимовыгодных отношений с иностранными державами, «имеющими свои интересы на Дальнем Востоке»¹²³.

Таким образом, приморские земцы являлись сторонниками буржуазно-демократической модели политического устройства европейского типа. Такой подход отвечал интересам, прежде всего, иностранных держав. С другой стороны, принятие подобной декларации показывало желание правительства сотрудничать с местными торгово-промышленными кругами. Большевики для предотвращения японских провокаций поддержали Временное правительство Приморской областной земской управы¹²⁴.

В апреле 1920 г. началась разработка основных нормативных актов, юридически устанавливающих полномочия различных ветвей власти в рамках создаваемого буферного государства под эгидой ВППОЗУ.

В результате переговоров между различными политическими группами, в первую очередь большевиками и правыми социалистами, одним из первых было разработано и 25 мая 1920 г. опубликовано «Положение о выборах во Временное

Народное собрание Дальнего Востока»¹²⁵. Согласно данному документу, депутаты Временного Народного собрания Дальнего Востока избирались от:

- сельского населения по волостям, станичным округам и другим соответствующим административным единицам;

- от городского населения по городам и поселкам городского типа;

- от организаций торгово-промышленного класса (имелись в виду биржевые комитеты и торгово-промышленные палаты);

- от производственных и профессиональных рабочих союзов;

- от политических партий¹²⁶.

Избрание по волостям производилось волостными земскими собраниями или другими представительными органами, заменяющими земские собрания; по станичным округам и другим административным единицам — соответствующими представительными органами самоуправления. От каждой сельской единицы предполагалось избрать по одному депутату. Если позволяли местные условия, то можно было провести прямые выборы непосредственно населением этих избирательных единиц на основе всеобщего избирательного права. Решение данного вопроса возлагалось на местные представительные органы самоуправления. В таком случае избирательным правом пользовались лица, имеющие право участвовать в выборах волостных земских гласных. Сами выборы производились на основе «Положения о выборах волостных земских гласных» от 21 мая 1917 г. с некоторыми изъятиями:

- руководство выборами возлагалось на волостные управы или соответствующие им исполнительные органы;

- для производства выборов должны были использоваться уже имеющиеся избирательные списки с внесением в них новых избирателей по предоставлению последними заявления не позднее, чем накануне дня голосования;

- день, час и место производства выборов определялось волостными управами или соответствующими им исполнительными органами;

- точное время и место проведения выборов объявлялось не позднее, чем за неделю до голосования;

— протесты и жалобы на включение или исключение тех или иных избирателей в списки, а также протесты и жалобы на допущенные при выборах ошибки должны были подаваться непосредственно во Временное Народное собрание не позднее 3 дней от голосования¹²⁷.

В городах избрание депутатов производилось путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. От каждого городского поселения, в котором действовало поселковое управление по закону от 15 июля 1917 г., в Народное собрание избиралось по одному депутату. Число членов, подлежащих избранию от городских поселений, в которых было введено Городское Общественное Управление, определялось в зависимости от установленного законом числа гласных городских дум данного городского поселения и составляло 1/8 часть данного числа (округление производилось по правилам математики). От Никольска-Уссурийского (39 гласных) избиралось 5 депутатов, от Хабаровска (58 гласных) — 7 депутатов, от Благовещенска (67 гласных) — 8 депутатов и т.д.¹²⁸ При этом от Владивостока в качестве исключения избиралось 25 членов Народного собрания. Выборы от городских поселений производились согласно правилам о выборах гласных городских дум от 15 апреля 1917 г. с теми же изъятиями, что и при производстве выборов в сельской местности¹²⁹.

От предпринимательских кругов избрание депутатов проходило на соединенных собраниях уполномоченных биржевых обществ, торгово-промышленных палат, советов, съездов горно- и золотопромышленников, советов представителей коммерческих кредитных учреждений, обществ рыбо- и лесопромышленников, союзов мукомолов по 5 депутатов от каждой из перечисленных групп. Как и в случае с числом депутатов от Владивостока, в качестве исключения от Приморской области организации «торгово-промышленного класса» избирали 10 членов собрания. Созыв собрания, порядок избрания и число уполномоченных от отдельной организации определялось областными торгово-промышленными палатами, а при отсутствии последних — биржевым комитетом областного города¹³⁰.

Представительство от производственных и профессиональ-

ных союзов определялось областными советами (или объединениями) производственных или профессиональных союзов, а при их отсутствии – центральным бюро профессиональных союзов областного города по 5 депутатов от каждой области. Только от Приморской области избиралось 10 депутатов¹³¹.

Каждая политическая партия избирала по 1 члену собрания. К числу партий, имеющих право участвовать в выборах, относились следующие:

- российская коммунистическая партия (большевики);
- российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевики);
- левые социалисты-революционеры;
- партия социалистов-революционеров;
- сибирский союз социалистов-революционеров;
- партия социалистов-революционеров – максималистов;
- трудовая народно-социалистическая партия;
- партия народной свободы.

Право на представительство других партий, действующих на территории Дальнего Востока, определялось специальным постановлением Временного Народного Собрания¹³².

Таким образом, «Положение о выборах во Временное Народное собрание Дальнего Востока», созданное на основе избирательного законодательства Всероссийского Временного правительства 1917 г., предполагало комбинированное формирование Временного Народного собрания Дальнего Востока (на основе представительства от различных организаций и выборности депутатов от населения).

На прошедших в июне 1920 г. выборах убедительную победу одержали большевики. Так, на избирательных участках Владивостока 13 июня 1920 г. за кандидатов от кадетов и цензовой буржуазии голосовало 4018 чел., а за кандидатов от социалистического блока 22564 чел.¹³³ При этом правые социалисты получили лишь 1166 голосов, в то время как большевики – 21398 голосов¹³⁴.

Полномочия депутатов приморского парламента определялись «Положением о Временном Народном собрании Дальнего Востока»¹³⁵. Временное Народное собрание, согласно этому документу, осуществляло законодательную власть совместно с Временным правительством Дальнего Востока.

Ни один закон не вступал в силу без его принятия депутатами и без одобрения правительством. В «Положении» не оговаривалось, каким образом депутаты могли преодолеть такое правительственное «неодобрение». Право законодательной инициативы принадлежало парламенту и правительству. Законопроекты, вносимые на рассмотрение представительного органа по инициативе его членов, должны были быть подписаны не менее чем 10 депутатами¹³⁶.

Во время перерыва сессий, а также в чрезвычайных обстоятельствах, делающих невозможным на неопределенное время созыв заседаний Временного Народного собрания, правительство имело право издавать за коллективной ответственностью управляющих ведомствами постановления, имеющие обязательную силу наравне с законом. Такие постановления должны были вноситься в парламент к его первому заседанию. Они теряли силу при их отклонении депутатами. Собрание могло приостановить действие чрезвычайного постановления впредь до окончания его рассмотрения. Чрезвычайными постановлениями запрещалось изменять Положения о Временном Народном собрании и о выборах во Временное Народное собрание¹³⁷.

Совет управляющих ведомствами в целом и каждый управляющий ведомством в отдельности несли ответственность перед Народным собранием. Кроме политической ответственности, депутаты имели право независимо от общего порядка предания суду привлечь управляющих ведомствами к ответственности за преступления¹³⁸.

Временное Народное собрание пребывало в том же городе, где пребывало Временное правительство Дальнего Востока. Приморский парламент, избранный по постановлению правительства от 25 мая 1920 г., имел правомочия до открытия постоянного Народного собрания. Если таковое не будет открыто до 1 июля 1921 г., то к этому сроку назначались общие перевыборы членов собрания. Данный представительный орган носил фактически временный характер и имел годичный срок полномочий. Продолжительность и перерывы сессии, роспуск собрания до истечения указанного выше срока и назначение новых выборов определялись в законодательном порядке. Во время перерыва сессии правительство могло

созвать депутатов на экстренную сессию при наличии чрезвычайных обстоятельств, если этого требовали не менее чем 50 членов Народного собрания¹³⁹.

Временное Народное собрание избирало из своей среды президиум и путем наказа определяло порядок производства и рассмотрения дел. Члены парламента от волостей и станичных округов, избранные волостными земскими собраниями и другими соответствующими представительными органами, а также депутаты, избранные торгово-промышленными организациями, производственными и профессиональными союзами, политическими партиями, могли быть отозваны и заменены другими путем досрочного производства перевыборов соответствующими избирательными коллегиями¹⁴⁰.

Временное Народное собрание обладало следующими правами:

- рассматривать и принимать законы по всем вопросам государственной и общественной жизни, не исключая вопросов об изменении Положений о Временном Народном собрании и о выборах во Временное Народное собрание;

- осуществлять высший надзор за управлением, назначать парламентские комиссии;

- рассматривать и одобрять политические трактаты и торговые договоры с иностранными государствами;

- утверждать бюджет и рассматривать отчеты по его исполнению, установление налогов, пошлин и повинностей, утверждение новых займов и размеров эмиссии;

- решать все другие вопросы, которые предоставлены данным «Положением» и будут предоставлены специальными законодательными актами.

Народное собрание не имело права принимать законы о введении какой-либо государственной религии, отмене свободы печати, собраний, союзов и стачек, права граждан на неприкосновенность их личности, жилища и имущества¹⁴¹.

Депутаты Народного собрания имели значительные права. Они не подлежали никакой ответственности за высказанные мнения или голосование при исполнении своих обязанностей. Члены собрания имели право неприкосновенности. Их нельзя было подвергать судебному преследованию и аресту без

разрешения парламента, если только депутат не будет схвачен на месте преступления. В таком случае по требованию Народного собрания арестованный мог быть освобожден, а судебное преследование приостанавливалось на все время, пока продолжались полномочия данного члена парламента по его специальному постановлению¹⁴².

Тем самым приморский парламент наделялся значительными полномочиями и мог реально влиять на политическую жизнь региона, в отличие от параллельно создаваемого в Восточном Забайкалье по приказу Г.М. Семенова Краевого Народного собрания Восточной окраины России.

Приморское Народное собрание начало свою работу во Владивостоке 20 июня 1920 г. В его состав вошли делегаты только от Приморья, Сахалина, Камчатки и полосы отчуждения КВЖД. В работе данного органа приняли участие представители следующих политических группировок: крестьянская фракция (75 депутатов), значительная часть которой поддерживала большевиков (26 депутатов), получивших, таким образом, большинство; правые социалисты (20 депутатов) блокировались с меньшинством крестьянской фракции; кадеты и беспартийные представители буржуазии получили несколько больше 10 мест¹⁴³. Через несколько дней после своего открытия Народное собрание объявило, что основными своими задачами оно ставит ликвидацию интервенции, объединение Дальнего Востока и создание буржуазно-демократического буферного государства.

В отличие от высшей законодательной власти, полномочия высшей исполнительной власти в Приморье не были четко определены нормативными актами. Организация и деятельность Совета управляющих ведомствами вообще не была юридически урегулирована. Такая ситуация в последующем стала довольно характерной для дальневосточных правительств.

Тем не менее, на основе анализа имеющихся документов можно установить сферу и рамки полномочий высших исполнительных органов власти Приморья. Временное Правительство Приморской областной земской управы было создано социалистическими кругами области в период ликвидации колчаковского режима. В его состав вошли 5 известных приморских земских деятелей во главе с правым эсером А.С. Медведевым. Согласно «Временному положе-

нию о составе Временного правительства», изданному в мае 1920 г., вместо выбывших членов правительства Временное Народное собрание могло избрать новых лиц¹⁴⁴. Временному правительству принадлежала верховная исполнительная власть.

Законодательные полномочия правительства оговаривались в «Положении о Временном Народном собрании Дальнего Востока». Приморский парламент осуществлял законодательную деятельность совместно с правительством (ст. 1). Правительство в перерывах между сессиями и в чрезвычайных обстоятельствах имело право издавать нормативные акты, которые депутаты могли впоследствии утвердить либо отклонить (ст. 4). Сфера законодательной деятельности правительства и Народного собрания не разграничивалась¹⁴⁵. Поэтому правительство издавало законы, касающиеся всех вопросов общественной жизни области.

Фактически Временное правительство Дальнего Востока играло роль коллективной главы государства и имело значительный объем полномочий:

- назначало высших должностных лиц;
- самостоятельно проводило внешнюю политику;
- обладало правом помилования преступников;
- ограничивало права и свободы граждан;
- принимало меры по борьбе с контрреволюционными элементами и т.д.¹⁴⁶

Правительство имело полномочия по созыву Народного собрания (в том числе на экстренные сессии)¹⁴⁷. Однако оно не обладало правом роспуска парламента. В «Положении о Временном народном собрании Дальнего Востока» отсутствовал пункт об ответственности высшей исполнительной власти перед Народным собранием. Последнее не могло выразить недоверие правительству или потребовать его ухода в отставку. Кроме того, отсутствовало положение о судебной ответственности членов правительства.

Временное правительство Дальнего Востока создало достаточно разветвленный административный аппарат. Он представлял собой совокупность различных государственных органов и должностных лиц, которые осуществляли функции управления под общим контролем правительства.

В феврале 1920 г. при ВППОЗУ был создан Юридический совет. В его состав вошли 5 известных приморских правоведов. На данный орган возлагались следующие функции:

- подготовка правительственных законопроектов;
- оказание юридической помощи членам правительства;
- разработка мероприятий административного характера;
- представление заключений по всем делам государственного управления¹⁴⁸.

Позднее в области функционировали и иные советы, носившие схожие функции: финансово-экономический, военный, по финансированию самоуправления и т.д.

В конце июня 1920 г. был образован Совет управляющих ведомствами. Управляющие ведомствами, назначаемые и смещаемые правительством, обладали правами министров Всероссийского Временного правительства 1917 г. СУВ был сформирован на коалиционных началах. В его состав вошли, кроме большевиков, представители правых социалистов и приморской буржуазии: председатель – П.М. Никифоров, управляющий ведомством транспорта – И.Г. Кушнарв, продовольствия – А.С. Якум (большевики), юстиции – А.В. Грозин (народный социалист), финансов – И.И. Циммерман, промышленности и торговли – В.Ю. Бриннер (капиталисты), иностранных дел – В.А. Виноградов (кадет), государственного контроля – Б.Я. Исакович (директор Русско-Азиатского банка), военных дел – генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, управляющий делами – В.И. Дмитраш (народный социалист). Несколько позднее были образованы ведомства внутренних дел, просвещения, земледелия, труда¹⁴⁹.

Управляющий конкретного ведомства направлял, координировал и контролировал деятельность всех служб своего ведомства. Его полномочия основывались на нормативных актах о министерствах еще царского времени. Внутренняя организация ведомства включала в себя специализированные управления, отделы, канцелярии и иные службы. Во главе основных структурных подразделений ведомства находились чиновники, занимающие посты заместителей управляющего. Именно они составляли руководящее ядро каждого ведомства. Деятельность СУВ находилась под контролем парламента,

перед которым, согласно «Положению о Временном Народном собрании Дальнего Востока», Совет целиком и отдельные управляющие ведомства были политически ответственны. За совершение должностного преступления члены Народного собрания имели право привлечь к ответственности любого управляющего ведомством¹⁵⁰.

Таким образом, высшая законодательная власть в Приморье принадлежала Временному Народному собранию Дальнего Востока, высшей исполнительной властью обладало Временное правительство Дальнего Востока, Совет управляющих ведомствами являлся, в свою очередь, высшим исполнительно-распорядительным органом.

ВППОЗУ внесло значительные изменения в правовое положение земских учреждений. Земства, составившие систему местных органов власти, наделялись государственными полномочиями. Так, областные земские учреждения становились вышестоящими местными государственными органами власти. При этом без их ведома запрещались любые правительственные мероприятия на определенной территории. Полномочия земских учреждений расширились. Теперь они стали осуществлять общий надзор и контроль поступления государственных налогов, руководство местной промышленностью, разрешать вопросы продовольственного снабжения населения и т.д.¹⁵¹

Система выборов уездных земских гласных также значительно изменилась. От прямого избрания этих лиц населением было решено отказаться. Они должны были избираться на волостных совещаниях и на собраниях городских дум. Главная причина заключалась в значительных трудностях при организации прямых выборов из-за продолжающейся в регионе Гражданской войны. Кандидаты выдвигались не менее чем 5 гласными. Избранными считались кандидаты, набравшие не менее 50 % гласных волостного собрания или городской думы. Положение о числе уездных земских гласных формулировалось нечетко. Утверждалось, что «число гласных будет зависеть от числа жителей. Число гласных будет пропорционально числу населения». Но точная пропорция не устанавливалась¹⁵². На практике, однако, из-за изменившейся политической обстановки реализовать данные положения не

представилось возможным. Разнообразие органов местного самоуправления в Приморье осталось неизменным.

Судебная система в Приморье создавалась на компромиссной основе с учетом опыта императорской России, Всероссийского Временного правительства 1917 г. и Советской России. В конце марта 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока опубликовало «Временное положение о судостроительстве и судопроизводстве в Приморской области». Данный нормативный акт закреплял достаточно сложную и громоздкую судебную систему:

- народный местный суд;
- съезд местных народных судей;
- окружной суд;
- судебная палата¹⁵³.

Народные суды организовывались в целом по советской схеме, а окружной суд и судебная палата оставались буржуазными судебными учреждениями. Такая ситуация объясняется сложной политической обстановкой в регионе. В данных условиях было невозможно создать единую судебную систему.

Вместе с тем, практическая деятельность Временного Приморского правительства сталкивалась со многими сложностями. 7 июля 1920 г. во Владивостоке, в связи с отставкой из-за противоречий внутри правительства П.М. Никифорова, был сформирован новый коалиционный кабинет во главе с меньшевиком М.С. Бинасиком, в состав которого вошли и кадеты, получившие посты управляющих ведомствами иностранных дел, финансов, торговли и промышленности. Большевики согласились возглавить ведомства труда и путей сообщения¹⁵⁴. Включение в Совет управляющих ведомствами кадетов можно считать значительной уступкой правым силам. Но, поскольку Приморская областная земская управа придерживалась демократических ценностей и нуждалась в союзниках в буржуазной среде, по-другому быть и не могло. Естественно, такой ход импонировал и союзникам.

К ноябрю 1920 г. ситуация в Приморье обострилась еще сильнее. Коалиция различных социалистических группировок и кадетов, находившаяся у власти, распалась из-за непримиримых внутренних разногласий. Приморское земское правительство пыталось построить в регионе буржуазно-

демократическое государственное образование европейского типа. Но, будучи слабыми в военном отношении, правые социалисты, составлявшие основу правительства, были вынуждены сотрудничать с большевиками. Такое положение не устраивало имевшие большое влияние в регионе торгово-промышленные круги и командование интервентов. Не сумев найти компромисс, в декабре 1920 г. Временное Правительство Приморской областной земской управы ушло в отставку¹⁵⁵. Его место заняло Областное управление ДВР во главе с большевиком В.Г. Антоновым¹⁵⁶. Замена руководства региона была связана еще и с тем, что японцы объявили в Приморье «нейтралитет».

Большой проблемой для новых приморских властей стало размещение в области прибывающих по КВЖД после ликвидации «читинской пробки» белых войск. Ситуацию осложнял тот факт, что каппелевцы и семеновцы не были разоружены китайскими властями благодаря серьезной поддержке Харбинского консульского корпуса¹⁵⁷.

Во Владивостоке представитель каппелевского командования полковник Л.Л. Ловцевич вел переговоры с и. о. председателя Народного собрания Приморья генерал-лейтенантом В.Г. Болдыревым и представителями цензовиков области о продвижении и размещении белой армии. После прибытия семеновцев и каппелевцев в Приморье предполагалось произвести переворот и создать в красном буфере белый буфер¹⁵⁸.

Естественно, создававшаяся ситуация не могла удовлетворить большевиков. Поэтому Народное собрание Приморья приняло решение не пропускать белые эшелоны на территорию области. Но В.Г. Болдырев дал указание управлению военных сообщений Уссурийской железной дороги пропустить войска в Приморье. Эсеры и цензовики также поддерживали данное распоряжение¹⁵⁹. Подобное развитие событий говорило о нежелании белых капитулировать. Они все еще пытались найти ходы, способные привести к победе над большевиками хотя бы только в отдельном регионе страны.

Практически одновременно с поражением атамана Г.М. Семенова в Забайкалье в Крыму в ноябре 1920 г. была

окончательно разбита армия барона П.Н. Врангеля. Гражданская война в центре страны и в Сибири фактически закончилась. Некоторые большевики считали, что и на Дальнем Востоке период наиболее ожесточенной борьбы с контрреволюцией завершён и осталось только дожидаться эвакуации японских войск. Но, как показало время, данная позиция оказалась ошибочной.

Таким образом, на протяжении 1920 г. все без исключения политические группировки, участвовавшие в Гражданской войне на Дальнем Востоке, стремились к созданию прочной коалиции под своей эгидой. При этом каждая группировка, естественно, преследовала свои цели и имела отличные от других взгляды на политическое будущее региона. Из-за значительных разногласий по ключевым вопросам государственного строительства антибольшевистские силы так и не сумели консолидироваться для продолжения борьбы с коммунистами. В своих программных документах и заявлениях лидеры антибольшевистских сил придерживались буржуазно-демократической модели политического устройства. Ими признавалась необходимость создания представительного органа власти с законодательными полномочиями, избираемого на основе демократических процедур. Однако их практическая деятельность по вопросу о создании органов государственной власти сильно расходилась с теоретическими положениями. Так, в Забайкалье при атамане Г.М. Семенове, несмотря на наличие представительного органа власти с законодательными полномочиями, фактически существовала военная диктатура с опорой на японских интервентов.

К концу 1920 г. на большей части Дальнего Востока установилась власть ДВР. Однако положение в Приморье, в связи с прибытием сюда белых войск из Забайкалья, было неопределённым. На начало 1921 г. представители Белого движения области и эмигрантских кругов планировали политический переворот, в результате которого в области должен был быть образован т.н. «чёрный буфер».

---

¹ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 300-301.

- ² Там же. С. 309-310.
- ³ Перейра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 124.
- ⁴ Фоминых С.Ф. «Демократическая контрреволюция» в Сибири периода крушения колчаковщины (по материалам американской дипломатической переписки) // Классы и политические партии в Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 161-165.
- ⁵ Юрченко Е.С. Отношение администрации США к небольшевистским правительствам в России в 1917-1920 гг. Автореф. канд. дисс. Хабаровск. 2011. С.22. 23.
- ⁶ Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917-1922 гг. Хабаровск, 2005. С. 126.
- ⁷ В Политцентр вошло 7 человек: бывшие члены Учредительного собрания Ф.Ф. Федорович, В. Коногов, А. Иваницкий-Василенко, известные в Сибири меньшевики Ахматов и Косминский, а также эсеры Л. Гольдман и председатель Иркутской земской управы Я. Ходукин (См. Манифест Политцентра от 5 января 1920 г. // ГАХК. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 172. Л.1).
- ⁸ Смирнов И.Н. От колчаковщины к Советам. Приложение. Журнал объединенного заседания мирной делегации Политического центра с Реввоенсоветом 5 армии и Сибревкомом. 19 января 1920 г. // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 140.
- ⁹ Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 185.
- ¹⁰ Там же. С. 193-194.
- ¹¹ Подробнее см.: Гайдовское восстание во Владивостоке 17-20 ноября 1919 г. // Дальистпарт. Сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Кн. II. Владивосток. 1924; Документы о попытке гайдовского мятежа во Владивостоке против власти Колчака // Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Документы и материалы. Владивосток. 1995; Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983 и др.
- ¹² Генерал К.В. Сахаров был отстранен от командования. После чего главнокомандующим был назначен генерал В.О. Капель (См. Парфенов П. Последние дни правительства Колчака // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 91).
- ¹³ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917-1920 гг.). М., 1982. С.323.
- ¹⁴ Папин Л.М. Указ. соч. С. 78, 85; Иванов Вс.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 41-42, 49-50.
- ¹⁵ Парфенов П. Последние дни правительства Колчака... С. 91-93.
- ¹⁶ Более подробно об армии Политцентра см.: Степанов А. «Красный калейдоскоп гражданской войны» – НРА Политцентра и Восточно-Сибирская советская армия (1920 г.) // Цейхгауз. 2001. № 1. С. 40-42.
- ¹⁷ Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы будущего развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917-1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 197.
- ¹⁸ В числе арестованных были самые активные деятели Политцентра: Б. Марков, П. Михайлов, капитан Петров, В. Ермолаева и др. В последствие все они были расстреляны. См.: Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Сибирские огни. 1924. № 4. С. 125.
- ¹⁹ Парфенов П. Последние дни правительства Колчака... С. 97.
- ²⁰ ГАХК. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 2. Л. 305.
- ²¹ Там же.

- 22 Борьба за власть Советов в Приморье (1917-1922 гг.). Владивосток, 1955. С. 292-294.
- 23 Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы... С. 199.
- 24 Подробнее см.: Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 230-232.
- 25 Папин Л.М. Указ. соч. С. 99.
- 26 Парфенов П. Последние дни правительства Колчака... С. 103.
- 27 Семенов Г.М. Указ. соч. С. 233.
- 28 Светачев М.И. Указ. соч. С. 202.
- 29 Манифест Политцентра от 5 января 1920 г. // ГАХК. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.
- 30 Кожевников В.А. Государственное устройство России в планах антибольшевистской оппозиции (1917-1922 гг.). Воронеж, 2003. С. 247.
- 31 Папин Л.М. Указ. соч. С. 97.
- 32 ГАХК. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.
- 33 Парфенов П. Последние дни правительства Колчака... С. 109.
- 34 Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы... С. 201.
- 35 Ширямов А. Указ. соч. С. 129.
- 36 Мухачев Б.И. Александр Краснощек: Историко-биографический очерк. Владивосток, 1999. С. 108.
- 37 Смирнов И.Н. Указ. соч. С. 138.
- 38 Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы... С. 202.
- 39 Смирнов И.Н. Указ. соч. С. 139.
- 40 Журнал объединенного заседания мирной делегации Политцентра с Реввоенсоветом 5 армии и Сибревкомом от 19 января 1920 г. // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 140-147.
- 41 Мухачев Б.И. Указ. соч. С. 107.
- 42 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С. 85, 97; Т.42. С. 93, 95; Т.51. С. 137, 334.
- 43 Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 342.
- 44 При отступлении командующий Восточным фронтом генерал-лейтенант В.О. Каппель провалился с лошастью в прорубь и тяжело заболел крупозным воспалением легких. 26 января В.О. Каппель умер от воспаления легких на разъезде Утай. В его честь отступающие колчаковские войска стали называть себя каппелевцами. Командование принял его заместитель генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский. См.: Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы... С. 204.
- 45 Ширямов А. Указ. соч. С. 133.
- 46 Там же. С. 138.
- 47 Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. II. Пекин, 1921. С. 493, 553.
- 48 Семенов Г.М. Указ. соч. С. 236-238.
- 49 Подробнее см.: Крушанов А.И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (март 1917 - март 1920 гг.). Владивосток, 1962. С. 276-277.
- 50 Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917-1922 гг.). Хабаровск, 2012. С. 155.
- 51 ГАПК. Ф. 715. Оп. 1. Д. 59. Л. 22; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 936. Л. 11.
- 52 РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 168. Л. 11.
- 53 Подробнее см.: Куций Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции 1918-1920 гг. Владивосток, 1967. С. 291-292.

- 54 Крушанов А.И. Указ. соч. С. 290-291.
- 55 Там же. С. 296.
- 56 Парфенов П. Последние дни правительства Колчака // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 107.
- 57 Вестник Забайкалья. 1920. 1 февраля.
- 58 Там же.
- 59 Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Хабаровск. 1996. С. 12-13.
- 60 РГИА ДВ. Ф. Р-726. Оп. 3. Д. 32. Лл. 89-90.
- 61 Забайкальская новь. 1920. 27 апреля.
- 62 Вестник Забайкалья. 1920. 28 апреля.
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России... С. 160.
- 66 Дальневосточное обозрение. 1920. 19 июня.
- 67 Вестник Забайкалья. 1920. 4 июля.
- 68 Там же.
- 69 Там же.
- 70 Там же.
- 71 Там же.
- 72 Там же.
- 73 Там же.
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Там же.
- 77 Там же.
- 78 Вестник Забайкалья. 1920. 23 июля.
- 79 Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 - ноябрь 1922 г.): Док. и материалы. В 2-х частях. Владивосток. 1993. — Ч. 1. С. 270, 273-277.
- 80 Ципкин Ю.Н. Белое движение.... С. 30.
- 81 Там же. С. 31.
- 82 Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск. 1967. С. 218.
- 83 Забайкальская новь. 1920. 4 сентября.
- 84 Там же. 11 сентября.
- 85 Там же. 26 сентября.
- 86 Там же.
- 87 Там же.
- 88 Там же.
- 89 Там же. 30 сентября.
- 90 Там же. 21 октября.
- 91 Там же. 19 сентября.
- 92 Там же.
- 93 Там же.
- 94 Воля. 1920. 18 мая.
- 95 Забайкальская новь. 1920. 27 августа.
- 96 Кушый Г.С. Становление Советской власти в Приморье. 1917-1922. Владивосток. 1977. С. 121.
- 97 Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Хабаровск. 1996. С. 44-45.
- 98 Героические годы борьбы и побед. М., 1968. С. 218-219.
- 99 РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 168. Л. 29.
- 100 Беликова Л.И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. Хабаровск. 1967. С. 174-178.

- ¹⁰¹ Временное правительство Приморской областной земской управы в исторических работах также называется Приморским земским правительством.
- ¹⁰² РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 166. Л. 5.
- ¹⁰³ В.С. Завойко – полковник, бывший корниловский офицер. В 1918 г. под именем полковника Курбатова приехал из Европы на Дальний Восток. Служил в штабе атамана Семенова. В начале 1920 г. находился во Владивостоке.
- ¹⁰⁴ Сонин В.В. Американский проект конституции для Приморья (1920 г.) // Дальневосточная панорама. 1991. № 1. С. 51
- ¹⁰⁵ Он же. Дальневосточная конституционная модель (1920-1922 гг.) // Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Сб. науч. Статей. Владивосток, 1998. С. 182.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 183.
- ¹⁰⁷ Парфенов П. Переговоры с командованием белых Сибирских армий // Пролетарская революция. 1926. № 11. С. 150-151.
- ¹⁰⁸ С.Н. Войцеховский уехал во Владивосток, а позднее в Китай. В 1921 г. принял чехословацкое подданство и вступил в армию республики, в которой занимал крупные командные посты. После оккупации Чехословакии немцами был министром обороны в подпольном правительстве страны. После освобождения Чехословакии С.Н. Войцеховский был арестован СМЕРШ и приговорен к 10 годам заключения. Он умер 7 апреля 1951 г. в Озерлаге (Иркутская область). (См. Новиков П.А. Сергей Николаевич Войцеховский // Белая армия. Белое дело. 2001. № 9. С. 87-89).
- ¹⁰⁹ Подробнее см.: Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 369-370; Куцый Г.С. Становление Советской власти в Приморье... С. 114-115.
- ¹¹⁰ Вопрос о возможности объединения каппелевцев и большевиков на патристической основе достаточно дискуссионен. Подробнее см.: Ципкин Ю.Н. О возможности компромиссов и привлечения части белой армии для борьбы с интервенцией в Дальневосточной республике // Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. трудов. Владивосток, 1992. С. 173-183.
- ¹¹¹ По данным С.С. Поповой, в 1920 г. через Тихий океан было эвакуировано 67700 чел. Последние чехословаки эвакуировались из Владивостока в сентябре 1920 г. Вывели свои войска американцы и другие страны. (Попова С.С. Страницы биографии Мориса Жанена // История белой Сибири. Тезисы 4-й науч. конфер. Кемерово, 2001. С. 234).
- ¹¹² В феврале 1920 г. партизанские отряды под командованием анархиста-максималиста Я. Тряпицына заключили договор о нейтралитете с японским гарнизоном и вошли в Николаевск-на-Амуре. Здесь Я. Тряпицын развернул «красный террор». 12 марта японский гарнизон и вооруженная местная японская колония напали на партизан, но были полностью разбиты. Большинство японских военнопленных было расстреляно. Захватив в городе мощную радиостанцию, Тряпицын выступил против создания на Дальнем Востоке буферного государства и призвал к войне против Японии. 22 марта 1920 г. НКВД РСФСР выразил сожаление в связи с произошедшим и предложил начать мирные переговоры между Советской Россией и Японией. В июне отряд Тряпицына оставил город из-за высадки японских войск на Нижнем Амуре. При этом Николаевск-на-Амуре и несколько сел в округе были сожжены, а население угнано в поселок Керби. Здесь в отряде произошел переворот, руководимый большевиками. Тряпицын был расстрелян. Подробнее см.: Дальневосточная республика. Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 - ноябрь 1922): Документы и материалы в 2-х частях. Владивосток, 1993. Ч. 1. С. 28-39, 225-232; Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999. С. 104-128 и др.

¹¹³ Председатель Совмина ДВР П.М. Никифоров позднее высказал мысль о «национальном противояпонском фронте». Летом 1920 г. В СУВ Приморского земского правительства оформилась коалиция большевиков, правых социалистов и кадетов, но единый создать антияпонский фронт не удалось из-за непримиримых разногласий. (См. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1963. С. 207-220).

¹¹⁴ Несколько позже японцы оставили участок Хабаровск-Иман (сейчас – Дальнереченск). Данная территория была занята частями НРА ДВР.

¹¹⁵ Генерал Пепеляев и буфер // Заря. 1920. 26 августа.

¹¹⁶ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 156. Л. 46.

¹¹⁷ Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Указ. соч. С. 159.

¹¹⁸ Борьба за власть Советов в Приморье. Владивосток. 1955. С. 567-568.

¹¹⁹ Там же. С. 568-571.

¹²⁰ Более подробно о политическом и экономическом строе ДВР см.: Авдеева Н.А. Дальневосточная народная республика (1920-1922 гг.). Хабаровск, 1957; Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики, 1920-1922. Владивосток, 1990 и др.

¹²¹ Борьба за власть Советов в Приморье. С. 580-582.

¹²² ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 156. Л. 48.

¹²³ Там же. Л. 49.

¹²⁴ Воззвание Дальневосточного Краевого комитета Коммунистической партии к населению Дальнего Востока от 7 апр. 1920 г. // Борьба за власть Советов в Приморье. С. 447.

¹²⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 212. Лл. 106-3.

¹²⁶ Там же. Л. 106.

¹²⁷ Там же. Л. 206.

¹²⁸ Там же. Л. 2.

¹²⁹ Там же. Л. 206, 3.

¹³⁰ Там же. Л. 2.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. Л. 206.

¹³³ Дальневосточное обозрение. 1920. 15 июня.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 156. Лл. 54-58.

¹³⁶ Там же. Л. 54.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. Л. 56.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. Л. 57.

¹⁴² Там же. Л. 57-58.

¹⁴³ Амурская правда. 1920. 7 августа.

¹⁴⁴ Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики. Владивосток. 1990. С. 38.

¹⁴⁵ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 156. Л. 54.

¹⁴⁶ Сонин В.В. Становление... С. 39.

¹⁴⁷ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 156. Л. 56.

¹⁴⁸ Вестник Временного правительства Дальнего Востока. 1920. № 1.

¹⁴⁹ Сонин В.В. Становление... С. 322.

¹⁵⁰ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 156. Л. 54.

¹⁵¹ РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 174. Лл. 1-3.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Сонин В.В. Становление... С. 54.

- ¹⁵⁴ Папин Л.М. Указ. соч. С. 170.
- ¹⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 168. Л. 166.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 170.
- ¹⁵⁷ Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. 1920-1922. М.-Л., 1928. С. 267, 269-270.
- ¹⁵⁸ «Дело не получило благословения бога». Публицистика и мемуары белых. Хабаровск, 1992. С. 363.
- ¹⁵⁹ Ципкин Ю.Н. Белое движение... С. 33.

ГЛАВА 2 БЕЛЫЕ РЕЖИМЫ В ПРИМОРЬЕ (1921 – ОКТЯБРЬ 1922 гг.)

2.1. Разработка проектов политического устройства Дальнего Востока на Съезде несоциалистических организаций Дальнего Востока

К началу 1921 г. в Приморье политическая обстановка продолжала оставаться сложной и неоднозначной. Формально власть в регионе принадлежала Приморскому областному управлению Дальневосточной Республики во главе с большевиком В.Г. Антоновым. По русско-японскому соглашению от 29 апреля 1920 г. вооруженные силы Приморья были значительно ограничены и могли насчитывать не более 4250 чел. Использование партизанских отрядов для поддержки действующей власти было нежелательным по политическим соображениям¹. В области находился значительный японский военный контингент, а также остатки войск семеновцев и каппелевцев, переехавших в область по КВЖД после разгрома в Забайкалье. Поэтому власти ДВР не могли полностью контролировать ситуацию на территории Приморья². После разгрома войск барона П.Н. Врангеля и ликвидации т.н. «читинской пробки» область оставалась последним регионом России, где антибольшевистские силы могли действовать легально. Только здесь еще сохранялись относительно крупные военные силы белых и интервентов. Прибывшая из Забайкалья белая армия начала оказывать серьезное воздействие на политическую жизнь региона. Ее пытались привлечь на свою сторону различные антибольшевистские силы области и маньчжурской эмиграции.

Политическая борьба в Приморье обострялась не только в связи с прибытием в область значительных по местным масштабам вооруженных сил, но и потому, что в конце 1920 – начале 1921 гг. в ДВР развернулась избирательная кампания в Учредительное собрание республики. Выборы в Учредительное собрание ДВР были всеобщими, равными, прямыми при тайной подаче голосов. Такой порядок позволил участвовать в них всем оппозиционным силам, в том числе

солдатам и офицерам белых армий и антикоммунистическим группировкам, которые рассчитывали создать в будущем законодательном органе ДВР собственные фракции³.

В 1920 г., после краха колчаковского режима, антибольшевистские силы произвели перегруппировку своих рядов и корректировку тактики. Создавались новые организации, объединения и блоки. Ни одной из многочисленных организаций, возникших в это время, не удалось выработать четкую модель постбольшевистского политического устройства региона. В различных программных документах рассматривались лишь отдельные аспекты государственного строительства. Зачастую подобные проекты составлялись без учета мнения широких слоев населения и поэтому не могли быть реализованы без военной и финансовой поддержки интервентов.

Так, в конце 1920 г. средняя и мелкая буржуазия Приморья (Торгово-промышленный союз, Союз рыбопромышленников, Союз домовладельцев, Русское студенческое общество, Русское обновленное общество и др.) создали т.н. «национал-демократическую группу (союз)», оформившуюся в январе 1921 г. в «Национал-демократическую партию». Ее основателями стали известные приморские предприниматели С.Д. и Н.Д. Меркуловы, С.П. Руднев, торгово-промышленники Д.И. Густов, Н.И. Кузьмин и др. Печатным органом новой партии стала газета «Слово» (редактор — полковник Н.А. Андрушкевич)⁴. «Национал-демократы» выступали за Всероссийское Учредительное собрание, политические свободы и гражданские права личности, сильную исполнительную власть, введение частной собственности крестьян на землю. Они считали необходимым условием сохранения японской интервенции и были готовы блокироваться с любыми несоциалистическими силами, от конституционных монархистов до кадетов. «Национал-демократы» поставили своей задачей объединение всех несоциалистических сил Дальнего Востока. 20 декабря 1920 г. во Владивостоке была создана комиссия, которой поручалось принимать «все зависящие меры к недопущению коммунистической власти». Она получила полномочия вступать в соглашение с представителями иностранных держав для изменения существующего порядка⁵.

В Маньчжурии в это время противники большевиков также создавали новые организации, имевшие тесные связи с приморскими. Центром их деятельности стал Харбин, где был создан несоциалистический блок, который возглавляли миллионер Чистяков, кооператоры А.И. Беляков, В.А. Маракушин, архиерей Нестор, редактор газеты «Русский голос» и руководитель т.н. «Восточно-национального государственного объединения» С. Востротин, бывший казанский журналист В.Ф. Иванов и др.⁶ Там же в конце 1920 г. доктор Краевский со своими сторонниками организовал «Лигу свободы и прав человека». Эта немногочисленная организация придерживалась либеральных идей американского образца.

В сентябре 1920 г. в Харбине образовалось «Русское обновленное общество» во главе с профессором Н.И. Миролюбовым. Во Владивостоке существовал филиал общества во главе с К.Е. Мякининым⁷. В уставе этой организации отмечалось: «Общество признает власть, избранную народом, и такую власть будет поддерживать во всех ее начинаниях на благо родины ... ставит своей первой и главной задачей — успокоение страстей, умиротворение враждующих соотечественников ... протестует против всяких насильственных мероприятий, выдвинутых партиями социалистов и коммунистов»⁸. В целом, в идеологическом плане общество придерживалось модернизированной программы кадетской партии, по которой республика признавалась наиболее приемлемой формой политического устройства.

Кроме того, в Маньчжурии активно действовало значительное количество немногочисленных антибольшевистских организаций и объединений: монархически настроенный «Русский национальный комитет» во главе с Толстым-Милославским, «Орден мстителей» под руководством полковника Делимарского, «Общество возрождения России», которое возглавлял монархист П.В. Оленин и т.д. Относительно крупной организацией был «Национально-экономический союз», преобразованный позднее в «Русское национально-экономическое объединение». Оно ставило задачу объединения Дальнего Востока под властью несоциалистического правительства, которое должно было состоять из

представителей казачества, предпринимателей, а также т.н. «демократической общественности». Из всех маньчжурских объединений несоциалистической направленности наибольшую активность проявлял «Дальневосточный союз русских журналистов», членами которого были известные еще по колчаковскому «Русскому бюро печати» Вс.Н. Иванов, В.Ф. Иванов, П.В. Васильев и др.⁹ Значительная часть данных организаций ориентировалась на Японию.

Очень влиятельной фигурой в полосе КВЖД оставался Д.Л. Хорват, вокруг которого образовалась группа сторонников — «людей с крупными чинами» — довольно гибких политических взглядов (от эсеров до кадетов). Их отношение к несоциалистам, опиравшимся на Японию, было неоднозначным. Так, генерал-лейтенант М.К. Самойлов заявил: «Скорее я пойду под высокую руку товарища Ленина, чтобы впоследствии свести с ним свои счета, чем соглашусь служить Японии»¹⁰.

Радикальные заявления и политические пристрастия несоциалистов оттолкнули от вступления в их ряды многих кадетов и предпринимателей, придерживавшихся более умеренных взглядов и не желавших возрождения белой диктатуры в «чистом» виде¹¹. Главной проблемой для Белого движения на данном этапе было отсутствие достаточного финансирования. Представители зачастую малочисленных организаций в основном занимались добычей средств к существованию, а не выработкой программы государственного строительства.

В конце 1920 — начале 1921 гг. в среде некоторых противников советской власти проявилась тяга к либерализации политических программ. Представители крупной приморской буржуазии создали т.н. «демократическую группу», которая в политическом плане значительно дистанцировалась от других несоциалистов. Среди руководителей «демократов» были известные предприниматели Б.Ю. Бриннер, И.И. Циммерман, В.Р. Аничков, В.Я. Исакович, бывший член ЦК партии кадетов Л.А. Кроль, бывший член Уфимской Директории кадет В.А. Виноградов, бывший главнокомандующий войсками Директории генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, бывшие активные члены эсеровской партии А.Н. Кругликов,

И.А. Якушев и др. Печатным органом организации стала газета «Вечер» (главный редактор – бывший председатель Высшего Совета снабжения Директории правый эсер М.Н. Павловский). Многие лидеры «демократов» входили в состав Совета управляющих ведомствами Временного правительства Приморской областной земской управы и сотрудничали с большевиками¹².

В мае 1921 г. «демократическая группа» оформилась в «Дальневосточный Демократический союз». В заявлении его инициативной группы говорилось, что целью организации является «установление демократического строя, обеспечивающего гражданский мир и правопорядок». Это должно было само собой устранить предлог для пребывания войск интервентов на территории российского Дальнего Востока. В отличие от «национал-демократов», представители «Демократического союза» выступали за такой государственный строй, при котором действия исполнительной власти находились бы под постоянным контролем представительного органа, а личные и публичные права граждан были бы обеспечены¹³.

Платформа «Демократического союза», принятая 4 мая 1921 г. Учредительным собранием данной организации, нацеливала «демократов» на борьбу против всякого рода экстремизма, исходящего не только от большевиков, но и от крайне правых несоциалистов, монархистов, атаманщины. Главной целью союза считалось создание демократического лагеря под лозунгом «Ни коммунизма, ни реакций!». Были сформулированы и текущие задачи организации: обеспечение политических и личных свобод граждан, парламентского контроля над исполнительной властью во всех без исключения областях государственного управления и хозяйства, борьба со злоупотреблениями чиновников. Союз выступал за гласность суда и независимость судей от исполнительной власти. «Демократы» заявили о своем желании изменить Конституцию ДВР парламентским путем. В президиум «Демократического союза» были избраны А.Н. Кругликов (председатель), Л.А. Кроль и В.Г. Болдырев¹⁴.

В политическом плане данная несоциалистическая организация во многом следовала т.н. «новой тактике» российской эмиграции, которая включала в себя отказ от иностранной военной интервенции и переход к «разложению

большевизма внутренними средствами». На базе «новой тактики» предполагалось сближение кадетов и правых социалистов, что и произошло в Приморье¹⁵. Политическая модель, выдвинутая «Демократическим союзом», носила либерально-демократический характер. В ней нашли отражение кадетские и правосоциалистические взгляды. Вместе с тем, «демократы», будучи несоциалистами, пытались отмежеваться от правого крыла Белого движения в лице «Национал-демократического союза».

На выборах в Учредительное собрание ДВР «Демократический союз» выступил со своей программой, включающей в себя создание поста президента Дальневосточной Республики, управляющего при помощи кабинета, ответственного перед Народным собранием, которое должно было стать постоянно действующим парламентом после принятия Конституции. Указы президента вступали бы в действие, если они не противоречили закону и были утверждены Собранием Министров. Собрание Министров представляло собой правительство, ответственное перед парламентом. В программе содержались требования всеобщего избирательного права на основе пропорциональной системы, соблюдения незыблемых прав граждан, организации эффективного местного самоуправления, гласного и правильного судопроизводства. В экономической области «демократы» выдвигали проект создания концессий для иностранного капитала, независимости кооперации, государственного контроля над торговлей и промышленностью, прочной денежной единицы, внешнего займа, уменьшения государственных расходов, ограничения армии, усиления борьбы с коррупцией, контроля над сбором налогов, регулирования взаимоотношений между трудом и капиталом¹⁶. Тем самым программа «Демократического союза» предлагала населению Дальнего Востока альтернативную большевистской демократическую модель политического и экономического устройства региона.

На выборах в Учредительное собрание Дальневосточной республики несоциалисты получили 53 депутатских мандата (из общего числа депутатов в 427 чел.). Приморские социалисты, включая большевиков, завоевали 49 мандатов¹⁷. Вместе с тем необходимо отметить, что в группу антиболь-

шевистских депутатов от Приморья не попал ни один представитель анархистов, семеновцев или монархистов¹⁸. Результаты выборной кампании наглядно показали отсутствие симпатий населения области к крайне правым политическим группировкам.

Процесс консолидации антикоммунистических организаций активизировался в марте 1921 г. В это время Советская Россия переживала внутренний кризис. Продолжался антоновский мятеж, в Западной Сибири в феврале 1921 г. началось крупное Ишимское крестьянское восстание. Особые надежды противников коммунистов возлагались на Кронштадтский мятеж.

Обострилась внутривластная обстановка и в Приморье. Крестьянская фракция Народного собрания области выступила против отправки в РСФСР части грузов Владивостокского порта. Раскол в парламенте сопровождался усилением антибольшевистских настроений¹⁹. В создавшихся условиях лидеры несоциалистов принимали значительные меры по укреплению своих позиций в регионе и стремились к консолидации антибольшевистских сил на основе единой политической программы. Именно с этой целью на март 1921 г. было запланировано проведение специального съезда.

Т.н. «Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока» был открыт 20 марта 1921 г. во Владивостоке²⁰. Как отмечалось в местной прессе, «На этот съезд охотно съехались все те, кто искренне хотел освобождения родины и родного народа от большевистского гнета»²¹.

В работе форума приняло участие около 300 делегатов от 51 организации правой ориентации: «Комитета спасения Дальнего Востока», Торгово-промышленной палаты, Биржевого комитета, Союза домовладельцев Владивостока, Союза рыбопромышленников, «Национал-демократической партии» и др.²²

На первом заседании перед делегатами выступил С.Д. Меркулов. Указывая на тяжелое положение в Приморье, он обвинил в этом власти ДВР: «... съезду предстоит огромная работа по выработке мер борьбы с преступной работой правительства и по восстановлению разрушенного»²³. Выступающий следом В.Ф. Иванов указал, что «съезд является первой попыткой открытого, активного выступления

несоциалистов». По его мнению, «во имя спасения русского Дальнего Востока несоциалистические организации должны быть готовыми принять всякую дружескую помощь извне ... будущее должно мыслиться как образование в Приморской области центра с верховной властью и представительным органом, задачей коих будет воссоздание Великой России»²⁴.

В завершение первого заседания съезда несоциалистов его председателем был избран С.Д. Меркулов, товарищами председателя – А.А. Кропоткин, И.И. Еремеев, Н.И. Кузьмин, И.К. Артемьев, И.Ф. Соловей; секретарями – А.А. Старцев, М.А. Баранов, С.А. Смирнов, Н.М. Соколов, П.А. Алексеев²⁵.

На заседании 22 марта был выбран президиум и образованы следующие рабочие секции: политическая, финансово-экономическая, международная, административно-общественная, просвещения, церковно-общественная, сельскохозяйственная, рабочая, призрения, а также военная подсекция²⁶. Крупнейшую секцию – политическую (38 человек) – возглавил монархист князь А.А. Кропоткин, административно-общественную (20 человек) – К.Т. Лихойдов, военную подсекцию – бывший главнокомандующий белой армией генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий. Секции должны были подготовить свои постановления по обсуждаемым вопросам в итоговый документ.

Съезд несоциалистов, естественно, нашел поддержку среди командиров каппелевских войск: главнокомандующего генерал-лейтенанта Г.А. Вержбицкого, командира 3-го корпуса генерал-майора В.М. Молчанова, командира 2-го корпуса генерал-майора И.С. Смолина, направивших приветственные послания в адрес делегатов²⁷.

Правительство ДВР, вынужденное действовать в демократических рамках, не имело формальных поводов для запрета данного мероприятия. Не обладало возможностями для предотвращения съезда и Приморское областное управление ДВР. Председатель правительства ДВР А.М. Краснощеков в телеграмме ЦК РКП (б) и НКВД РСФСР высказал мнение о том, что съезд инспирировался японцами и приурочивался к антисоветским мятежам в Западной Сибири, Кронштадте, а также операциям барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в Монголии²⁸. Вместе с тем японские представители не

принимали участия в его работе. Однако участники съезда, как это выяснилось позднее, именно в Японии видели одного из своих главных союзников.

Принятая делегатами программа, позднее ставшая основой государственного строительства при создании т. н. «черного буфера», может быть охарактеризована как национал-буржуазная. В газете «Слово» неслучайно было заявлено: «Мы не демократы в том смысле, как это понимается в революционном лагере; мы не революционные демократы — сила воинствующая и разрушительная, мы демократы революционного творчества в пределах правого, национально-культурного государства»²⁹. Данная установка почти полностью совпадала с точкой зрения лидеров «Национал-демократической партии», чья политическая линия, в основном, и проводилась на данном форуме.

Деятельность съезда носила явный антибольшевистский характер. В частности, эта установка нашла свое отражение в критике Областного управления ДВР. В своей речи делегат В.Ф. Иванов отмечал, что «слабость правительства ощущается во всей его повседневной жизни: у правительства нет плана государственной работы и нет людей, которые бы смогли справиться с поставленными перед ними задачами». По мнению выступавшего, результатом деятельности правительства ДВР «является полная остановка промышленной и торговой деятельности, финансовая разруха, продовольственные затруднения, казнокрадство, взяточничество и пустая касса»³⁰. Считалось, что пришедшие к власти несоциалисты смогут кардинально улучшить положение.

По итогам деятельности секций делегаты приняли целый ряд резолюций, в которых излагалась программа действий несоциалистических сил Дальнего Востока и их взгляды на политическое устройство региона. На программные установки съезда заметное влияние оказало законодательство Российской империи и Временного Всероссийского правительства 1917 г.

Важнейшей являлась резолюция по текущему моменту, подготовленная политической секцией съезда. Главной задачей объявлялась борьба с большевизмом. При этом отмечалось, что ДВР не является самостоятельным полити-

ческим образованием. «Правительство это (ДВР), созданное по рецепту Московского совдепа, прикрывающееся флагом демократизма, по своей сущности и действиям является послушным исполнителем указаний СНК, а потому Съезд считает его столь же незаконным, как и само большевистское правительство Москвы»³¹. Тем самым, несоциалисты были готовы вступить в открытую конфронтацию с большевиками.

По поводу организации власти на Дальнем Востоке в резолюции высказывалось следующее мнение: «... впредь до восстановления законной верховной власти в России временно Верховная власть на Дальнем Востоке принадлежит всему русскому населению, которому принадлежит право избрания особого органа, являющегося выразителем верховной воли русского народа на Дальнем Востоке и ее представителем, обнимающим собою все функции управления и управляющего краем через подчиненные ему органы гражданских и военных лиц и учреждений»³². Таким образом, на территории Приморья предполагалось создание временного правительства под антибольшевистским знаменем. Далее в резолюции указывалось, что «съезд не мыслит управления верховной власти без законодательного народно-представительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»³³. Это решение в русле западной либеральной модели политического устройства было вызвано, с одной стороны, складывающейся обстановкой, с другой стороны – стремлением лидеров несоциалистов заручиться поддержкой населения Приморья и представителей союзников. Предполагалось также создать «подзаконный административный аппарат, всецело подчиненный центральной власти и оканчивающийся на местах властями, избранными населением», а также «независимый и близкий к населению суд»³⁴.

Первоочередными задачами новой власти провозглашались установление нормального правопорядка (обеспечение личной безопасности, защита частного имущества, охрана общественного достояния) и содействие населению в восстановлении хозяйственной жизни. Объявлялось, что несоциалисты, придя к власти, будут опираться на крестьянство, казачество и другие элементы, «которым чужды реставрационные стремления и невозможны какие бы то ни

было компромиссы и соглашения с большевиками». Вмешательство военных в жизнь населения области и гражданское управление обещалось свести к минимуму³⁵.

Конечной целью деятельности называлось восстановление «Единой, Великой и Свободной России, в которой народу будет обеспечено спокойное и свободное выражение своей созидающей воли через Всероссийское Учредительное собрание»³⁶. Таким образом, провозглашалась линия на создание унитарного государства, что во многом расходилось с позицией некоторых правых социалистов, сторонников федерализма (сибирских областников, большей части эсеров и меньшевиков).

В резолюции по церковному вопросу указывалось, что «возрождение мощи русского народа и государства нельзя мыслить без участия православной церкви в государственном строительстве». Одновременно с образованием высшей гражданской власти в области считалось необходимым «соорганизовать через Областной Собор временное Областное Высшее Церковное Управление на основании канонических правил православной церкви»³⁷. Для скорейшего решения данного вопроса съезд обратился к епископу Приморской области с просьбой о созыве Областного Церковного Собора. Несоциалисты отводили Русской православной церкви значительную роль в деле построения в Приморье антибольшевистского буржуазного государства, видя в ней одну из идеологических опор своей власти.

Вопросы организации местной власти рассматривались в резолюции, подготовленной административно-общественной секцией съезда³⁸. В документе отмечалось, что административное управление будет осуществляться в селах, волостях, уездах местным самоуправлением, в городах — городским самоуправлением, в области и крае — правительственными органами. Органы уездного, волостного и сельского самоуправления должны быть отделены от земского самоуправления и будут строиться по следующей схеме:

- всесословное сельское поселковое общество во главе с сельским сходом и старостой;
- волостной сход, возглавляемый волостным старшиной и волостным правлением (советом);
- уездный съезд (совет) волостных самоуправлений под председательством лица, назначенного центральной правительственной властью.

Во главе областного (губернского) управления находился начальник области, имеющий права губернатора по Общему Губернскому Положению. Здесь же функционировал областной (губернский) совет. Судебная система должна была действовать по судебным уставам времен императора Александра II с изменениями, внесенными в них законодательством Всероссийского Временного правительства 1917 г.

Согласно данной резолюции, сохранялись и земства. Указывалось, что земские учреждения должны пользоваться теми правами и обязанностями, которые им предоставлялись законом до марта 1917 г. При этом сохранялись закон 1917 г. о Всероссийских земских и городских союзах и закон о волостном земстве «с необходимыми изъятиями из него, вызываемыми образованием органов сельского, волостного и уездного самоуправления»³⁹. Следовательно, по мнению несоциалистов, одновременно должны были существовать две различные системы местного самоуправления, частично дублирующие функции друг друга.

Делегаты съезда планировали изменение избирательного законодательства. Должен был быть введен возрастной ценз (активное право с 21 года и пассивное – с 25 лет) и ценз оседлости (1 год). Выборы должны были проводиться по мажоритарной системе. От участия в выборах отстранялись армия, флот и полиция. В отношении казачьих войск было принято дополнение Грызова о том, что «самоуправление казачьих войск остается на основании принятых в этих войсках положений»⁴⁰. Тем самым участники съезда стремились соблюсти демократические процедуры, введя в избирательный процесс минимум ограничений и запретив армейским кругам участвовать в формировании законодательной власти.

В документах съезда была закреплена программа столыпинского аграрного переустройства. Указывалось, что земля должна быть предоставлена в личную частную собственность крестьянина. Мелкие собственники должны сохранить свои бывшие участки. Использование государственных, помещичьих, кабинетских, церковных и монастырских земель оставалось в руках нынешних владельцев. Величины наделов, отдаваемые в личную собственность, и размеры земель, выделяемые для нужд государства, промышленности, церкви и монастырей, будут

определяться Всероссийским Учредительным Собранием⁴¹. Таким образом, решение основных аграрных проблем откладывалось на более поздний срок.

В резолюции по вопросам внешней политики подчеркивалось, что «только продление пребывания впредь до установления правопорядка в крае японских войск» способно предохранить его от анархии. Отмечалась необходимость «поддержания дружественных отношений и сотрудничества с теми державами, которые по своему международному положению и политическим целям не заинтересованы в ослаблении и расчленении России и могут помочь русскому народу в выполнении им своих национальных задач»⁴². Принимая данный документ, несоциалисты завуалированно выступали за продолжение иностранной интервенции, понимая, что самостоятельно удержаться у власти будет практически невозможно.

В резолюции по проведению финансово-экономической политики в крае провозглашались жесткая экономия народных средств, необходимость согласовывать расходы с доходами, в первую очередь удовлетворять потребности народного хозяйства. В отношении налоговой системы вводились следующие принципы: доходность, уравнительность обложения, платежеспособность населения. Декларировалось бережное отношение к естественным богатствам⁴³.

Несмотря на то, что по многим вопросам делегаты были единодушны, съезд все же раскололся на два крыла – семёновское (прояпонское) и национал-буржуазное, поддерживаемое каппелевцами. В избранный Совет съезда несоциалистического населения Дальнего Востока вошли С.Д. Меркулов (председатель), Н.Д. Меркулов, С.П. Руднев, Н.И. Кузьмин, Д.И. Густов, В.Ф. Иванов, А.А. Кропоткин, А.Я. Макаревич, Е.М. Адерсон⁴⁴. Таким образом, блок несоциалистов Дальнего Востока возглавили лидеры «Национал-демократической партии». Ход работы съезда широко освещался несоциалистической прессой, пропагандировался на встречах делегатов съезда с общественностью и митингах.

Принятые делегатами документы составили альтернативный ДВР проект создания в Приморье буферного государства на основе буржуазно-либеральной модели политического

устройства европейского образца. В резолюциях съезда уже не говорилось о военной диктатуре, а концепция «непредрешения», характерная для Белого движения в 1918-1919 гг., значительно ослаблялась. Предлагаемые меры по демократизации политического режима должны были подготовить почву для восстановления российской государственности сначала в Приморье, а потом после победы в Гражданской войне и на территории всей страны.

Несмотря на определенные подвижки, в программе несоциалистов содержались неприемлемые для отдельных организаций правой ориентации положения. Одним из них была идея созыва нового Всероссийского Учредительного собрания, которая не находила безусловной поддержки среди всех антибольшевистских группировок. Тем самым достижение единства белого лагеря ставилось под угрозу. Так, в работе форума не участвовал «Демократический союз», хотя организации, входящие в его состав, и были представлены на съезде. Одновременно приморские несоциалисты, высказавшись за продолжение японской интервенции, фактически признали собственную слабость в военной и финансовой сферах. Однако главной проблемой Белого движения на заключительном этапе Гражданской войны оставалась чрезвычайно низкая поддержка среди населения Приморья. Именно поэтому съезд вынужден был искать опору среди интервентов. Но именно при таком подходе рассчитывать на расширение социальной базы не приходилось.

2.2. Белое Временное Приамурское правительство в 1921-1922 гг.

Съезд несоциалистических организаций, прошедший в марте 1921 г. во Владивостоке, поставил главной целью борьбы с большевиками создание в Приморье альтернативного ДВР буферного государственного образования на основе буржуазно-либеральной модели политического устройства. Практически сразу после съезда, 30-31 марта 1921 г., каппелевцы попытались совершить в области военный переворот⁴⁵. Властям ДВР удалось

довольно быстро его подавить. Японские части попытались разоружить правительственные силы, но после протестов властей ДВР были вынуждены вернуть оружие. Руководители Съезда несоциалистического населения Дальнего Востока поспешили заявить, что они не имеют никакого отношения к выступлению, которое является провокацией большевиков⁴⁶. Главной причиной неудачи этого «недоворота» стали плохая подготовка к выступлению и отсутствие вооруженной поддержки со стороны японских войск⁴⁷. Синхронизировать действия белых на Дальнем Востоке с крестьянскими восстаниями и мятежом в Кронштадте не удалось.

Тем не менее антибольшевистские лидеры не отказались от проведения еще одной попытки переворота в регионе. На этот раз подготовка была достаточно тщательной. В рядах японского руководства в начале 1921 г. возобладали сторонники решительных действий на Дальнем Востоке России. Поэтому в Токио было принято решение об увеличении финансирования интервенции, а также посылке нового воинского контингента на территорию Приморья. Произошли и кадровые перестановки. Так, генерал-лейтенант Ои Сигэмото был смнен на посту командующего экспедиционными войсками генералом Тачибана Коичиро, сторонником проведения агрессивной политики на территории российского Дальнего Востока⁴⁸.

В марте-апреле 1921 г. японские и французские представители провели ряд совещаний с лидерами белых группировок о предстоящих действиях. Японская делегация выдвинула проект соглашения, в котором предусматривалась помощь белым организациям, но при условии получения японцами концессий и льгот в торговле, а также размещения своих войск в стратегических пунктах российского Дальнего Востока. При принятии этих условий японское правительство обязалось поддерживать антибольшевистские организации региона и увеличить численность белых войск путем эвакуации в Приморье врангелевской армии, обеспечив снабжение всем необходимым для ведения боевых действий. Часть лидеров Белого движения выступила за кандидатуру генерала Д.Л. Хорвата как будущего руководителя нового режима.

Французы симпатизировали бывшему генерал-губернатору Приамурского края Н.Л. Гондатти. Японцы, как и ранее, делали ставку на атамана Г.М. Семенова⁴⁹. Согласованное выступление белых войск против ДВР и Советской России планировалось на вторую половину мая 1921 г.

26 мая 1921 г. каппелевцы и семеновцы с помощью японцев совершили переворот в Приморье и свергли областное управление ДВР⁵⁰. Выступление было организовано Советом съезда несоциалистических организаций во главе с С.Д. Меркуловым и верхушкой каппелевцев. Естественно, оно было согласовано с командованием японских войск в Приморье. Первоначально власть от Приморского Народного собрания перешла в руки «национального революционного комитета» (просеменовская группировка) во главе с генерал-майором Генерального штаба Д.А. Лебедевым. На следующий день по директиве японского штаба власть была передана Временному Приамурскому правительству⁵¹. Конечно, власти ДВР знали об угрозе перехода белых в Приморье к решительным действиям. Но из-за нехватки сил и, главным образом, из-за противодействия японских войск предотвратить мятеж в области не удалось.

Интересно, что США неоднозначно отреагировали на переворот. С одной стороны, во Владивостоке американские представители не препятствовали белым. С другой же, в Вашингтоне не желали продолжения японской интервенции. К тому же атаман Г.М. Семенов в качестве лидера будущего буфера не импонировал руководству США. 31 мая 1921 г. представитель госдепартамента вручил японскому послу меморандум с протестом против оккупации Дальнего Востока, в котором отмечалось, что «на друзьях России лежит обязанность держаться в стороне от домашних распри русского народа и не нарушать территориальной целостности страны»⁵². Дипломатические представители США понимали, что новый виток интервенции не приведет к нужному для них результату, т.е. экономическому доминированию на российском Дальнем Востоке. Поддерживать же Г.М. Семенова в его претензиях на власть было просто вредно, поскольку он к 1921 г. полностью скомпрометировал себя как политический лидер Белого движения.

Несоциалистические организации Приморья поддержали переворот. Так, Владивостокская городская дума 27 мая 1921 г. приняла постановление, в котором выражались признание и глубокая благодарность Дальневосточной национальной армии, «принявшей горячее участие в борьбе по свержению коммунистической власти», и обещалась всяческая поддержка этой армии в решении национальных задач⁵³.

В это же время атаман Г.М. Семенов не оставлял попыток стать во главе «черного» буфера. Приехав 2 июня 1921 г. из Порт-Артура, он предъявил претензии на высшую власть на Дальнем Востоке, ссылаясь на указ адмирала А.В. Колчака от 4 января 1920 г. о передаче ему всей полноты власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Г.М. Семенов опирался на верные ему части генерал-майора Н.И. Савельева, стоящие в Гродеково. Японцы видели в атамане человека, способного проводить нужную им политику на Дальнем Востоке, а потому оказывали ему всемерную поддержку.

В ходе переговоров Г.М. Семенова с главой Временного Приамурского правительства С.Д. Меркуловым последний дал понять, что не будет делиться властью и не собирается вступать в вооруженный конфликт с ДВР⁵⁴. На экстренном заседании Владивостокской городской думы 2 июня 1921 г. была принята резолюция по отношению к Г.М. Семенову. В данном документе гласные призывали атамана «... содействовать объединению обеих войсковых групп (семеновцев и каппелевцев) и устранению всякой розни в братских русских войсках». Его также «просили принять все зависящие от него меры к ненарушению устанавливающегося во Владивостоке и Приморье порядка и спокойствия, оказав содействие в этой работе Временному правительству». Со своей стороны Владивостокская городская дума заверяла, что «город Владивосток всегда будет поддерживать Г.М. Семенова в его борьбе с большевизмом»⁵⁵. 3 июня гласные приняли еще более жесткое постановление, в котором атамана просили «отказаться от своего намерения появиться во Владивостоке и Приморье»⁵⁶.

Иностранные державы, не желая усиления японских позиций в регионе, также негативно отнеслись к возможности возвращения Г.М. Семенова на политическую арену. 2 июня 1921 г. консульский корпус во Владивостоке принял резолю-

цию следующего содержания: «До тех пор, пока русскому народу не дана будет возможность выразить свое мнение о будущем способе управления Приморской областью, до тех пор, во-первых, атаман Семенов должен быть принужден оставить свое намерение высадиться в Приморской области и, во-вторых, что все семеновские силы, ныне здесь находящиеся или прибывающие во Владивосток или в его окрестности, должны быть разоружены»⁵⁷.

Однако, несмотря на столь негативную реакцию, японцы еще пытались переломить ситуацию в свою пользу. Так, 8 июня 1921 г. японское командование заключило договор с командующим семеновскими войсками в Приморье генерал-майором Н.И. Савельевым. Семеновцы обещали начать наступление на Хабаровск и взять его, а японцы — предоставить срочный заем в 500 тыс. иен и взять на себя снабжение белых частей оружием и снаряжением. По заключенному договору после свержения большевиков Г.М. Семенову передавалась гражданская власть на Дальнем Востоке. Договором предусматривались льготы для японских предпринимателей при получении концессий в регионе. Под контроль интервентов переходил Владивосток, Уссурийская железная дорога и КВЖД. В свою очередь японское командование обещало оказать Г.М. Семенову помощь вооружением, а также выделить ссуду в 5 млн. рублей⁵⁸.

Все же под давлением иностранных консулов японцы отказались от своих планов по поддержке Г.М. Семенова из-за опасения раскола в Белом движении, что предопределило его политический крах. Атаман собирался исправить положение, организовав вооруженное выступление в Приморье. Однако японское командование выступило против этой акции. Г.М. Семенов был вынужден уступить и осенью 1921 г. покинул Приморье. Безусловно, в связи с его уходом с политической арены Япония лишилась одного из своих важных союзников. Однако японское командование не оставляло попыток силового решения вопроса. Тем самым возможность установления в регионе военной диктатуры откладывалась. В создавшихся условиях такая политическая модель не удовлетворяла большинство антибольшевистских группировок региона.

Создание нормативно-правовой базы нового государственного образования началось практически сразу после событий 26 мая. Как отмечалось ранее, уже в ходе самого переворота вся полнота власти в области была передана Совету съезда несоциалистического населения Дальнего Востока (так теперь стал называться Совет съезда несоциалистических организаций). 26 мая 1921 г. Совет обратился к русскому населению Владивостока, Приморья и всего Дальнего Востока с «Заявлением», что в своей временной государственной деятельности он будет руководствоваться началами, провозглашенными в резолюциях избравшего его съезда. Сам совет, согласно данному документу, становился Временным Приамурским правительством (ВПП). В него вошли С.Д. Меркулов (председатель), И.И. Еремеев, А.Я. Макаревич, Е.М. Адерсон, Н.Д. Меркулов, т.е. фактически руководство «Национально-демократической группы» (союза). В «Заявлении» также излагались основные принципы политического устройства и политики нового режима, составившие т.н. «Конституцию». Временное Приамурское правительство объявило себя «носителем ни от кого не зависимой Верховной власти» (ставя, тем самым, новую исполнительную власть выше законодательной – Съезда несоциалистов), «беспартийным учреждением» и четко определило свою политическую ориентацию, назвав большевистскую партию и лиц, ей содействующих, противогосударственными и преступными, наказуемыми по суду⁵⁹. Гербом Приморской белой государственности стал двуглавый орел без корон, державы и скипетра. В центре орла был изображен Георгий Победоносец, поражающий копьём змия. В когтях правой лапы орла – трехцветный бело-сине-красный флаг с вышеописанным орлом посередине полотнища⁶⁰. В политическом плане новые приморские власти являлись сторонниками буржуазно-либеральной модели политического устройства. Меркуловское правительство было одним из немногих белых правительств, которые сознательно пошли на создание представительного органа власти с реальными законодательными полномочиями.

Высшей законодательной властью нового государственно-го образования должно было стать Приамурское Народное

собрание (ПНС). 14 июня 1921 г. ВПП был издан указ № 13 о выборах. Документ устанавливал срок начала работы представительного органа – 7 июля 1921 г. при кворуме в 50 человек. Выборы должны были проводиться в течение трех дней в городах Владивостоке и Никольске-Уссурийском (1-3 июля), в прочих местностях – в дни, назначенные районной комиссией. Сроком окончания полномочий Народного собрания определялся день созыва Учредительного съезда или его роспуск правительством⁶¹. Таким образом, ПНС, по мысли разработчиков, являлось временным представительным органом.

Согласно «Положению о выборах в Приамурское Народное собрание» (Приложение к указу ВПП № 13 от 14 июня 1921 г.), в области вводились всеобщие, равные, прямые выборы при тайной подаче голосов (ст. 1). Избирательными правами наделялись русские граждане обоего пола. Активным правом обладали граждане с 21 года, пассивным – с 25 лет (ст. 2). Избирательных прав лишались следующие категории населения:

- признанные безумными и сумасшедшими;
- глухонемые, находящиеся под опекой;
- осужденные за уголовные преступления;
- несостоятельные должники (ст. 3, 4)⁶².

Отдельным пунктом оговаривалось отстранение от участия в выборах лиц, принадлежавших к противоправным партиям. К таковым относились: коммунисты, анархисты, эсеры-интернационалисты, максималисты. Необходимо особо отметить тот факт, что избирательных прав лишались и те, кто, по мнению властей, осуществлял «политическую и социальную программу вышеуказанных партий путем противогосударственной борьбы средствами и мерами, воспрещенными законом» (ст. 29)⁶³. Такая формулировка позволяла не допустить на избирательные участки значительную часть населения Приморья, недовольную, по тем или иным причинам политикой ВПП. С другой стороны, в выборах могли принять участие каппелевцы и семеновцы, что гарантированно давало проправительственным силам несколько тысяч голосов.

Данное положение, конечно, шло вразрез принятой на Съезде несоциалистов резолюции об отстранении армии и флота от участия в выборах. Но в создавшихся условиях подобный шаг выглядел довольно логичным.

Чтобы принять участие в голосовании, было необходимо самостоятельно зарегистрироваться в определенном избирательном участке для внесения в избирательные списки. Невнесенные в списки не имели права голосовать. Зарегистрировавшийся гражданин получал специальную избирательную карточку, которая выдавалась по предъявлению паспорта или иного вида на жительство. Лица, не внесшие себя в списки или не явившиеся на выборы без уважительных причин, облагались штрафом от 1 до 50 руб. золотом на усмотрение районной комиссии⁶⁴. Такими жесткими мерами правительство собиралось бороться с бойкотом избирательной кампании.

В городах Владивостоке, Хабаровске и Никольске-Уссурийском выборы должны были проводиться по партийным спискам, а в «прочих местностях» — по мажоритарной системе. В последнем случае победитель определялся простым большинством голосов. В отличие от современного российского избирательного законодательства, для партий не было установлено проходного барьера, что давало шансы практически всем партиям, действующим в Приморье.

В «Положении» ничего не говорилось о норме представительства (числе избирателей, представленных одним депутатом). Избирательные районы в самом Приморье устанавливались произвольно, исходя из административно-территориального устройства области. Всего в Приамурское Народное собрание предполагалось избрать 160 депутатов:

- от Владивостока — 35;
- от Хабаровска — 15;
- от Никольска-Уссурийского — 13;
- от других городов — 9;
- от сельских районов Приморской области — 68;
- от о. Сахалин — 5;
- от Камчатки и Охотского побережья — 5;
- от полосы отчуждения КВЖД — 10⁶⁵.

Избирательная система в полосе отчуждения КВЖД значительно отличалась от общепринятой. Здесь депутаты должны были выбираться специальным Избирательным съездом, положение о котором разрабатывалось районной комиссией в Харбине и позднее утверждалось Центральной избирательной комиссией⁶⁶.

Выборы в Приамурское Народное собрание проводились по 10 партийным спискам. В них принимали участие несоциалистические группировки – «Национально-демократический союз», «Старообрядческое общество», две просеменовские организации и «Еврейское общество Владивостока». «Беспартийных» (близких к несоциалистам) представлял «Союз увечных воинов». К «демократам» относили себя «Дальневосточный демократический союз» и кадеты. Единым списком выступали правые эсеры и Союз трудового крестьянства. Большевики и Приморское областное исполнительное бюро Совета профсоюзов бойкотировали выборы, призвав население не участвовать в избирательном процессе.

Избирательное законодательство меркуловского правительства создавало условия для преобладания в будущем парламенте несоциалистов, что достигалось отстранением от участия в голосовании представителей большевиков и ряда иных левых партий. В целом «Положение о выборах в Приамурское Народное собрание» соответствовало западной либеральной модели политического устройства.

В начале июля 1921 г. состоялись выборы в Приамурское Народное собрание. По всем избирательным округам предполагалось избрать 160 депутатов, при этом 33 из них должны были быть избраны в Хабаровске (15), Камчатском и Охотском районах (5), на Северном Сахалине (3), полосе отчуждения КВЖД (10), которые в то время меркуловское правительство не контролировало.

В голосовании приняли участие около 20 % избирателей из зарегистрированных 150 тыс. Из них 7 тыс. были каппелевскими солдатами и офицерами, 1 тыс. – домовладельцами и коммерсантами. Неявка на выборы оказалась довольно высокой. Это объяснялось отсутствием поддержки правительства среди населения области, бойкотом выборов профсоюзами, деятельностью партизан в сельской местности

и др. Так, в Спасском районе проголосовало только 50 % избирателей, а в ряде сельских округов избирательный процесс из-за противодействия партизан был полностью сорван⁶⁷.

По данной причине срок открытия Народного собрания переносился дважды. Всего в парламент было избрано 87 депутатов⁶⁸. 43 депутата представляли проправительственные и правые группировки. Все же, несмотря на невысокую явку избирателей, выборы были признаны состоявшимися.

8 июля 1921 г., т.е. уже в ходе самих выборов, правительство приняло «Положение о Приамурском Народном собрании», определявшее его полномочия⁶⁹.

Народное собрание должно было осуществлять законодательную деятельность совместно с правительством. Законы, принятые данным представительным органом, не имели законной силы без одобрения Верховной власти в лице Временного Приамурского правительства. Законодательная инициатива принадлежала правительству, Совету управляющих ведомствами и Народному собранию. Указы и постановления ВПП, принятые последним в перерывах между сессиями и в чрезвычайных обстоятельствах, должны были рассматриваться Народным собранием и могли быть им отклонены. Но при принятии они имели обязательную силу наравне с законами⁷⁰.

Совет управляющих ведомствами назначался правительством, но нес ответственность и перед правительством, и перед Народным собранием, которое могло отдать под суд управляющего тем или иным ведомством в случае совершения преступления или злоупотребления служебным положением.

Приморский парламент имел следующие права и обязанности:

- рассматривать и принимать все законы, кроме вопросов, касающихся образования Верховной власти, органов высшего управления и законодательства, определения публичных прав граждан (политических и гражданских свобод) и основных вопросов общественного устройства (социального строя) как относящихся к основным законам, находящимся в ведении Учредительного съезда;

- право участвовать в высшем надзоре за управлением и назначать парламентские комиссии;

- рассматривать политические трактаты и торговые договоры с иностранными государствами;

— утверждать бюджет, налоги, пошлины, займы, повинности и размер эмиссии.

Срок деятельности Народного собрания ограничивался одним годом. Оно действовало в сессионном порядке (очередные и чрезвычайные сессии). Внеочередные сессии созывались по требованию не менее 50 членов Народного собрания. Впредь до созыва Учредительного съезда продолжительность и перерыв в сессии определялись правительством.

Одной из главных задач Народного собрания была выработка Закона об Учредительном Съезде будущего Учредительного Собрания, которое должно было избрать постоянные органы всех ветвей Приморской власти. Только будущий Учредительный съезд мог сместить Временное Приамурское правительство. Учредительный съезд обладал также правом сокращения срока работы Народного собрания и определения его компетенции⁷¹.

Таким образом, права Народного собрания были очень ограничены. Фактически оно не имело серьезных властных и контрольных полномочий. Хотя формально возможности парламентариев по сравнению с представительными органами, создаваемыми белыми правительствами ранее, были значительными, фактически они не могли влиять на политику ВПП. Решение важнейших вопросов политического устройства региона передавалось в ведение Учредительного съезда, который еще предстояло создать.

В это же время некоторые политические группировки Приморья, не получившие доступа к исполнительной власти, в своих проектах преобразования государственных учреждений также сильно ограничивали полномочия Народного собрания. Так, совещание представителей «демократической», кадетской, крестьянской и других фракций распущенного новым режимом Приморского Народного собрания, а также «Демократического союза», народных социалистов и правых эсеров обратилось к Временному Приамурскому правительству с альтернативным проектом преобразований и формирования власти. В проекте шла речь о переделе власти и участии в ней ряда партий и группировок торгово-промышленной буржуазии области. Совещание, тон в котором задавал

«Демократический союз», предложило преобразовать Верховную власть по соглашению с общественными группировками с правом персональной ответственности отдельных кандидатов. Верховная власть должна была назначать председателя Совета управляющих ведомствами и членов кабинета, но ответственность они должны были нести перед Народным собранием. Совещание предложило правительству объявить новые выборы в Народное собрание, установить истинно демократический строй, не допустить на территории Приморья атаманщины, агрессивной политики и инициативы военных действий по отношению к ДВР. По мнению авторов проекта, Народное собрание должно было провести только 3 сессии и прекратить свою работу. Сама Верховная власть должна была состоять из 7 чел., из которых 2 должны представлять несоциалистические группировки, 2 чел. — крестьян, 1 чел. — казаков и 2 чел. — т.н. «демократическую общественность»⁷².

Данный проект преобразования власти в Приморье предусматривал создание коалиционной Верховной власти в рамках буржуазно-либеральной модели политического устройства. При этом парламент не мог играть существенной роли, несмотря на ответственность перед ним кабинета, поскольку деятельность Народного собрания очень ограничивалась небольшими сроками его функционирования и тем фактом, что представители ведущих партий входили в состав правительства. Предлагаемые изменения не носили принципиального характера и всего лишь перераспределяли ключевые государственные посты между представителями различных антибольшевистских сил, тогда как меркуловское правительство целиком состояло из «несоциалистов».

Приамурское Народное собрание начало свою работу 21 июля 1921 г. При его открытии зарегистрировались всего 50 депутатов. Председателем парламента был избран прояпонски настроенный бывший городской голова Хабаровска К.Т. Лихойдов, товарищами председателя — генерал-лейтенант В.Г. Болдырев и В.П. Абоимов. В процессе работы ПНС было образовано 10 фракций: национал-демократическая (18 депутатов), крестьянская (11), демократическая (7),

несоциалистическая (9), смешанная, или «дикая» (12), казачья (7), «крестьянская трудовая партия» (4), социалистов-революционеров (4), кадетская (1), прогрессивно-демократическая (1)⁷³.

Правительство поддерживали национал-демократическая, несоциалистическая фракции и «крестьянская трудовая партия», в которую входили представители Всероссийского крестьянского союза и кооператоров. Монархисты сначала колебались, а впоследствии составили оппозицию справа. Сразу в оппозицию исполнительной власти встали демократическая, кадетская, прогрессивно-демократическая, эсеровская и крестьянская фракции, представлявшие довольно широкий спектр сил. По мере развития политической ситуации как фракции, так и отдельные депутаты создавали новые блоки.

Сразу после начала работы парламента законодательная власть вступила в конфликт с исполнительной. Это было обусловлено предшествующей политикой приморских властей. Народное собрание в лице оппозиции потребовало расширения полномочий и права контроля над исполнительной властью. Самую активную роль в этом процессе играли демократическая и кадетская фракции.

Некоторые члены Совета управляющих ведомствами были готовы пойти на компромисс с парламентом. Так, временно исполняющий обязанности председателя СУВ В.С. Колесников заявил о признании полной ответственности перед Народным собранием себя как председателя и Совета управляющих ведомствами в целом⁷⁴. Появилась возможность создать коалиционный кабинет, введя в его состав представителей от оппозиции. Однако С.Д. Меркулов, не собираясь ни с кем делиться властью, выступил резко против такого шага.

Вопрос о политическом устройстве региона занимал значительное место в деятельности Приамурского Народного собрания. Практически все влиятельные фракции имели собственное решение данного вопроса. Так, при обсуждении правительственной декларации депутат П.Л. Назаренко (крестьянская фракция) выдвинул следующую программу действий. В Приморье должна быть создана демократическая республика во главе с Народным собранием, избранным по

избирательному закону 1917 г. Позднее предполагалось создать Всероссийское Учредительное Собрание. Также восстанавливалось местное самоуправление, избираемое по закону 1917 г. В области гражданских прав предусматривались свобода слова, печати, собраний, союзов, политических и религиозных убеждений. Декларировалось равенство граждан перед законом. Суд должен был стать единым, гражданским и независимым от исполнительной и законодательной ветвей власти. В экономической области признавалась частная собственность. При этом предусматривалось введение государственного регулирования экономики и общественного контроля над хозяйственной деятельностью. Предполагалось провести национализацию отраслей общегосударственного значения, но только с разрешения представительного органа. При решении аграрного вопроса считалось необходимым безвозмездное отчуждение государственных, церковных, монастырских и помещичьих земель⁷⁵.

Представители крестьянской фракции Народного собрания хотели решить конфликт между коммунистами и их противниками мирным путем. Так, лидер фракции В.П. Абоимов заявил, что «все наши стремления будут вестись к тому, чтобы создать здесь (на Дальнем Востоке – Д.Л.) единую народную власть и создать ее мирным путем, посредством избрания единого представительного Народного органа власти – но не путем захвата власти, эта власть может включить в себя и голоса коммунистов, здесь должна быть не та власть, которая угодна существующему большинству»⁷⁶. Предлагаемая программа предусматривала создание в Приморье парламентской демократической республики с коалиционным правительством. В 1920 г. похожий проект пыталось реализовать Временное Приморское правительство областной земской управы, но потерпело неудачу из-за противодействия интервентов и белых.

Фракция социалистов-революционеров заявила в своей декларации о том, что конечной целью деятельности ПСР является построение социализма. Конечно, это заявление было воспринято всем Народным собранием крайне враждебно⁷⁷. В целом эсеры, имея в составе своей фракции всего 4 депутата, не могли серьезно повлиять на деятельность приморского представительного органа.

Мнение фракции Демократического союза было озвучено А.В. Сазоновым. В своем выступлении он выдвинул идею о том, что Свободная Россия должна стать федеративной республикой, состоящей из отдельных самостоятельных автономных областей, создаваемых по территориальному и национальному признакам. Планировалось ограничить вмешательство центрального правительства во внутренние дела автономий. Признавалась невозможность для антибольшевистских сил одержать победу в рамках всей России. Поэтому ставилась задача «объединить и сплотить в единое целое хотя бы Сибирь». Провозглашался лозунг: «Через свободную федеративную Сибирь к освобождению и восстановлению независимой России»⁷⁸. Проект «демократов» явился в то время единственным, в котором всерьез защищалась идея федеративного устройства государства. Однако в этот период идея федерализма уже никого особо не привлекала. Даже в декларации эсеров подобные лозунги были сняты, что объяснялось утратой последними социальной базы и резко изменившейся военно-политической обстановкой.

Проправительственные фракции полностью разделяли точку зрения властей, озвученную перед Народным собранием новым председателем Совета управляющих ведомствами В.Ф. Ивановым. В своем выступлении перед депутатами он подчеркнул: «... для нас нравственно обязательна идея Единой Неделимой России. Соединенные Штаты или Лоскутная Империя и Республика не наша идея»⁷⁹. Подобное заявление говорило о приверженности властей идеологии и политической практике правительства А.В. Колчака. Очевидно, что в изменившихся коренным образом условиях реализовать такую программу просто не представлялось возможным.

Официальная позиция «национал-демократов» и их союзников была изложена С.М. Широкогоровым (фракция Несоциалистического съезда). Главной задачей деятельности Народного собрания признавалась выработка избирательного закона для созыва Учредительного съезда, который должен был установить постоянную власть в крае и выработать основные законы, определяющие государственный и общественный строй. Также предполагалось укреплять

дружественные отношения со всеми государствами. Данное заявление означало, что правительство готово сотрудничать и с Японией. Это лишний раз подчеркивало слабость приморской исполнительной власти. Конечно, «национал-демократы» декларировали свое «непризнание» Советской России и ДВР⁸⁰.

Таким образом, идея непредрешения в несколько измененном варианте оставалась на вооружении приморских «национал-демократов». Такое решение проблемы не устраивало оппозицию в лице эсеров, «демократов» и их союзников. Показательно, что на заседаниях Приамурского Народного собрания обсуждение вопроса о созыве Учредительного съезда проходило очень медленно. Документ был закончен только весной 1922 г., что объясняется значительными разногласиями в среде самих приморских несоциалистов. Такая ситуация препятствовала выработке единой стратегии борьбы с большевиками и могла стать причиной острейшего конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти области.

В отличие от приморской законодательной власти полномочия исполнительной ветви не получили должного юридического закрепления, что было характерно для приморских режимов 1920-1922 гг. Тем не менее, исходя из анализа различных документов, можно заключить, что Временное Приамурское правительство на практике обладало значительными правами и фактически исполняло обязанности главы государства.

В условиях продолжающейся Гражданской войны ВПП наделило себя чрезвычайными полномочиями и зачастую самостоятельно проводило внутреннюю и внешнюю политику, полностью игнорируя мнение высшей законодательной инстанции. Так, зимой 1922 г. боевые действия против Дальневосточной республики были начаты без уведомления и согласия парламента. Переговоры с иностранными державами велись без участия представителей Народного собрания. ВПП, согласно «Положению о Приамурском Народном собрании», имело и большие законодательные полномочия. Народное собрание осуществляло законодательную власть совместно с правительством (ст. 1). Ни один закон

не мог вступить в силу без одобрения не только Народного собрания, но и ВПП (ст. 2). Правительство обладало правом законодательной инициативы (ст. 3) и в перерывах между сессиями и в чрезвычайных обстоятельствах могло издавать указы и постановления, имеющие обязательную силу (ст. 4). При этом Народное собрание могло отклонить подобные акты, пройдя соответствующую процедуру⁸¹.

Сказанное выше позволяет сделать вывод об отсутствии ответственности правительства перед парламентом. На практике большинство властных функций в рамках Приамурского государственного образования принадлежало исполнительной ветви власти. Народное собрание фактически было оттеснено на второй план, чего и добивались лидеры «национал-демократов».

Высшим исполнительно-распорядительным органом в Приморье стал Совет управляющих ведомствами (СУВ), образованный согласно «Положению об учреждении Совета управляющих ведомствами Приамурского Временного правительства» (указ № 25 от 5 июля 1921 г.)⁸². Полномочия СУВ были достаточно расплывчатыми. На него возлагались «направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и государственного управления». СУВ вменялось в обязанность предварительное рассмотрение законопроектов, направляемых в Народное собрание разными ведомствами, комиссиями и комитетами. Председателем СУВ мог быть один из управляющих ведомствами или особое лицо, назначаемое правительством специальным указом. Дела должны были решаться простым большинством. Голос председателя давал перевес. В заседаниях Совета с правом совещательного голоса участвовали представитель государственного контроля и различные специалисты⁸³. Первым председателем Совета управляющих ведомствами стал бывший казанский журналист и работник бывшего Русского бюро печати В.Ф. Иванов.

Права и обязанности отдельных ведомств и управлений не получили должного законодательного закрепления. Согласно указу ВПП № 1 от 26 мая 1921 г. в области создавались следующие исполнительные органы власти:

— ведомство внутренних дел (отделы: административно-

милицейский, городского и земского самоуправления, народного просвещения, почтово-телеграфный, здравоохранения, общественного призрения);

— управление финансово-экономической частью (отделы: государственное казначейство, государственный банк, прямых и косвенных налогов, торговли и промышленности, путей сообщения, государственных имуществ);

— ведомство юстиции;

— управление иностранными делами;

— государственный контроль;

— военно-морской отдел⁸⁴.

Ведомство внутренних дел, управление финансово-экономической частью и ведомство юстиции входили в Совет управляющих ведомствами. Управление иностранными делами, государственный контроль и военно-морской отдел подчинялись непосредственно ВПП.

Совет управляющих ведомствами не играл самостоятельной политической роли и был полностью подчинен правительству.

В Приамурском государственном образовании так и не сложилась четкая система органов местного самоуправления, хотя власти с самого начала пытались решить данную проблему.

По указу ВПП № 1 от 26 мая 1921 г. председателям городских дум и городским головам Владивостока и Никольска-Уссурийского предписывалось экстренно собрать гласных дум прежнего состава (бывших до 31 января 1920 г.), а городским управам вступить в управление городским хозяйством. Городским думами надлежало немедленно приступить к подготовке новых выборов городских гласных на срок 2 года⁸⁵.

2 июня 1921 г. были опубликованы «Временные правила о сельском самоуправлении». Согласно данному документу, временно, до установления Народным собранием, предполагалось сохранить существующие на тот момент органы сельского самоуправления под любыми наименованиями (комитеты, правления, советы и др.). Их представителям (председателям, старостам, комиссарам и т.д.) присваивались права сельских старост. Председатели волостных земских управ становились

волостными старшинами. Сельские старосты входили в состав Волостного съезда под председательством волостного старшины. Первый Волостной съезд созывался волостным старшиной, а последующие – Волостным советом. Волостной совет, являющийся исполнительным органом Волостного съезда, состоял из волостного старшины, исполняющего обязанности председателя, и двух членов, которые избирались Волостным съездом из своего состава из числа лиц, постоянно проживающих в волости. В ведение Волостного совета переходили вопросы волостного самоуправления, присвоенные бывшим Волостным правлениям. Волостной съезд имел право расширить полномочия своего исполнительного органа⁸⁶.

Принимая данные «Правила», правительство стремилось ограничить функции местного самоуправления решением чисто хозяйственных вопросов, что вызвало большое недовольство. В сложившихся условиях власти были вынуждены пойти на определенные уступки. 17 июня вышел приказ по ведомству внутренних дел об образовании Совещания по вопросу о разграничении функций правительственных учреждений и местных земского и городского самоуправления⁸⁷.

Комиссия не добилась существенных результатов. Представители местного самоуправления не собирались соглашаться с предложениями властей, значительно урезавшими их полномочия по сравнению с бывшими ранее, согласно законодательству, принятому в 1917 г. Временным правительством А.Ф. Керенского.

В ответ в печати выступил управляющий ведомством внутренних дел В.П. Разумов с «Основными положениями по вопросу устройства хозяйственно-административного и судебного аппарата на местах». Автор обвинил земства в сотрудничестве с большевиками и развале местного хозяйства. По его мнению, срочно требовалось ввести единый для всех хозяйственно-административный аппарат. В.П. Разумов считал необходимым, чтобы в земства «попали исключительно местные, хозяйственные и знающие нужды этого района люди ... надо ограничить круг избирателей и избираемых в земства лицами, проживающими в данном месте известный

срок, хотя бы годовой ... лица должны быть связаны с этим местом постоянными, самостоятельного характера занятиями, хозяйством или службой в государственных, частных или общественных учреждениях»⁸⁸. Подобная цензовая система на практике отстраняла бы от участия в выборах в органы местного самоуправления значительную часть населения.

Автор проекта особое внимание уделял финансированию хозяйственно-административного аппарата. Ввиду катастрофической нехватки средств расходы на местное самоуправление со стороны государства предполагалось свести к минимуму. Неправильным признавалось и переложение этих расходов на население. Выход виделся в переходе от денежного финансирования к натуральным повинностям. Казна должна была обеспечить «некоторую частичную помощь» по содержанию больниц и отчасти суда. Выборные старшины, старосты, сотские, десятские получали бы в таком случае минимальное жалование. Новые органы местного самоуправления в значительной степени должны были подчиняться исполнительной власти – уездным начальникам и начальникам полицейских районов, фактически они лишались самостоятельности⁸⁹.

Исходя из этих идей, было разработано и введено в действие «Временное положение о личных правах и управлении сельских обывателей». Сельское общественное управление состояло из сельского схода и старосты, сельский сход – из совершеннолетних сельских обывателей. Для решения вопросов устанавливался кворум в 50 %. На старосту возлагались обязанности по организации работы сельского схода, поддержанию в должном порядке местных дорог и мостов, сбору налогов и недоимок и т.д. Волостное управление состояло из волостного схода и волостного правления во главе со старшиной. В состав волостного правления входили сельские старосты, члены волостного правления, а также лица, избираемые из числа сельских обывателей. Собрание волостных старшин составляло уездный съезд. Председателем съезда являлся управляющий уездом, который назначался правительством и нес ответственность перед ним. Его функции ранее в Российской империи

исполняли предводитель дворянства и уездный исправник⁹⁰.

Выборы в данные органы местной власти были бойкотированы избирателями. Поэтому правительство приняло решение о возобновлении деятельности земств. При этом законодательные акты Временного правительства А.Ф. Керенского отменялись. Вводились новые «Временные правила для производства выборов волостных, уездных и губернских земских гласных». Согласно этому документу, земские гласные избирались на три года. Их число устанавливалось Земским собранием в зависимости от численности населения. Каждая волость или город образовывали избирательный округ, который, в свою очередь, делился на избирательные участки. Активное и пассивное избирательное право получали российские граждане с 21 года, имеющие недвижимое имущество и проживающие в указанной местности не менее 1 года⁹¹. Малоимущие слои населения отстранялись от участия в работе местного самоуправления.

Вновь создаваемая в Приморье система местных органов власти по своим полномочиям и избирательному законодательству явилось шагом назад даже по сравнению с земствами, действовавшими на основе законов Всероссийского Временного правительства 1917 г.

Временное Приамурское правительство внесло изменения и в систему органов юстиции. С июня 1921 г. в Приморье вводился суд присяжных. В основу его действий был положен Устав Российского уголовного суда издания 1914 г. и постановления колчаковского Совета министров от 10 января и 15 сентября 1919 г. о суде присяжных в губерниях и областях Восточной Сибири. Восстанавливалась независимость суда и несменяемость судей⁹².

В Приморье в полном объеме стал действовать судебный Устав 1864 г. За тяжкие преступления вводилась смертная казнь. Высшим судебным учреждением стала Судебная палата, созданная «на основаниях, предусмотренных учреждением Судебных Установлений и Уставами Гражданского и Уголовного Судопроизводства, в составе департаментов Гражданского, Уголовного, а также департамента админи-

стративной юстиции»⁹³. Ее решения и приговоры считались окончательными и не подлежали обжалованию. Одновременно Судебная палата являлась высшей кассационной инстанцией. Дополнительно она получала компетенцию бывшего Правительствующего Сената о взыскании убытков с должностных лиц и должностных преступлений⁹⁴.

Однако независимость приморских судебных органов во многом носила формальный характер. Тот факт, что РКП (б) была названа преступной организацией во внесудебном порядке, ставил фактическую независимость судебной власти в области под большой вопрос.

Таким образом, провозглашенный принцип разделения властей в Приамурском государственном образовании, по сути, не был реализован. Все реальные полномочия оказались в руках исполнительной власти, что позволяет назвать меркуловский режим олигархически-авторитарным. Такое положение объяснялось сложной обстановкой, в которой оказалось правительство, необходимостью противостоять ДВР и Советской России. Безусловно, сильная исполнительная власть в таких условиях была необходима. С другой стороны, меркуловское правительство претендовало на известный демократизм, который на практике реализовать не представлялось возможным, поскольку в регионе продолжалась Гражданская война. В целом можно заключить, что в ходе законодательной деятельности меркуловского правительства была воплощена формально буржуазно-либеральная модель политического устройства региона, выдвинутая национал-социалистами в 1920 г., предполагавшая создание унитарной президентской республики, где роль президента играл коллективный орган власти (Временное Приамурское правительство) при слабом парламенте с ограниченными законодательными полномочиями.

Осенью 1921 г. зависимость Временного Приамурского правительства от интервентов, особенно в финансовом отношении, еще более увеличилась. Недостаток финансовых средств вынуждал правительство заключать неравноправные торговые и концессионные соглашения с иностранными державами, что не прибавляло правительству авторитета в глазах приморского населения. В экономической области

Временное Приамурское правительство сделало ставку на рыночные отношения и свободу торговли, провозгласив частную собственность неприкосновенной. Необходимо отметить, что в этот период и в ДВР существовал институт частной собственности, а частному предпринимательству была предоставлена определенная свобода. Уже за два первых месяца правления Временного Приамурского правительства в его бюджете образовался значительный дефицит. Одним из важнейших финансовых источников пополнения бюджета оставалось налогообложение. Но этих денежных средств катастрофически не хватало. Для получения дополнительных доходов меркуловское правительство планировало заключить договоры об иностранных займах, ходатайствовать о раскрепощении колчаковских счетов в токийских и гонконгских банках, получить доходы от сдачи в аренду и концессии природных богатств региона, сокращения штатов, совершенствования налоговой базы⁹⁵.

Однако иностранные представители отклонили просьбы о раскрепощении счетов правительства Колчака и отказались оплатить счета союзного командования по эксплуатации Владивостокского порта и Уссурийской железной дороги. После этого меркуловское правительство перешло к распродаже грузов, скопившихся на складах в порту Владивостока.

Значительные средства приморские власти рассчитывали получить от сдачи в концессии месторождений полезных ископаемых, больших лесных площадей и рыболовных участков. Естественно, наибольшую выгоду из этого извлекли иностранные державы, прежде всего Япония и США. Тем не менее, меры по привлечению дополнительных средств в экономику Приморья ни к чему не привели. Со временем ситуация ухудшилась настолько, что меркуловский режим потерял всякую финансовую и политическую самостоятельность и стал полностью зависеть от союзников.

Интервенты всеми путями пытались отстоять свои интересы в регионе. Япония не отказалась от своих захватнических планов на Дальнем Востоке. На проходившей в Дайрене с 26 августа 1921 г. конференции японские представители попытались навязать ДВР ряд неравноправных договоров,

после принятия которых данное государственное образование фактически становилось бы полуколонией Страны Восходящего Солнца⁹⁶. Так, японская сторона выдвинула проект «Соглашения о торговле и прочем» (т.н. «17 требований», в т. ч. 3 секретных), который включал ликвидацию российских военных укреплений и военного флота на Тихом океане, превращение Владивостока в чисто торговый порт под иностранным контролем, возможность свободного плавания японских кораблей во внутренних российских водах, беспопышную торговлю японских подданных. Япония требовала также пересмотра ранее принятых рыболовных конвенций, расширения прав японских рыбопромышленников, подтверждения договоров с прежними российскими правительствами и белыми властями, аренды Северного Сахалина на 80 лет как компенсации за «никалаевский инцидент» и др. Самое же главное заключалось в том, что Япония обещала вывести свои войска с Дальнего Востока по своему усмотрению. Проект договора, представленный делегацией ДВР, предусматривал равноправие сторон и их взаимную выгоду. ДВР шла на уступки японской стороне в экономических вопросах в обмен на вывод японских войск⁹⁷. Когда делегация ДВР отклонила предложения интервентов, японское командование стало всеми силами подталкивать Временное Приамурское правительство к организации военного похода против ДВР. Целью данной акции было желание заставить ДВР принять неравноправный договор в Дайрене и расширить территорию, контролируемую меркуловским правительством⁹⁸.

Одновременно Япония попыталась расширить зону своего влияния и закрепить создавшееся положение дипломатически на начавшейся 12 ноября 1921 г. Вашингтонской конференции. Здесь глава японской делегации барон Сидехара Кидзюро попытался оправдать японскую интервенцию следующими доводами. Из его доклада следовало, что первоначально японцы помогали чехословакам и обеспечивали безопасность своих подданных в Сибири. После же т.н. «никалаевского инцидента» занятие северной части острова Сахалин явилось справедливой компенсацией за понесенные потери⁹⁹.

Но данные доводы не смогли никого убедить. Тем не менее,

Япония представила «Предварительный протокол реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской Империи, ныне именуемой Дальневосточной Республикой». Он должен был быть реализован, если на предстоявшей Генуэзской конференции Советская Россия не приняла бы условий иностранных держав по возврату долгов и реституции имущества¹⁰⁰. Данный документ был разработан в январе 1922 г. по взаимному соглашению представителя Японии в Вашингтоне Сидехары Кидзюро и представителя Франции А. Бриана, которые составили комиссию для уточнения и обсуждения протокола. Ранее министр иностранных дел Японии виконт Утида Ясуя и представитель Франции маршал Ж.Ж.С. Жоффри пришли к согласию о совместной защите своих интересов на Генуэзской конференции. Правда, в соглашении оговаривалось, что послы Японии и Франции в Генуе имели право вести сепаратные переговоры с представителями РСФСР, если они могли принести успех.

В основание вышеуказанного Протокола были положены материалы заседаний Вашингтонской конференции по дальневосточному вопросу, предварительных переговоров представителей держав и многочисленные доклады и жалобы иностранных резидентов и некоторых русских политических групп (скорее всего — представителей Белого движения) «на усилившуюся анархию на Дальнем Востоке». По замыслу Утиды, он должен быть представлен и реализован на предстоящей Генуэзской конференции, если Советская Россия не примет условий иностранных держав по возврату долгов, реституции имущества и компенсации за т.н. «никаевский инцидент».

В письме Ж.Ж.С. Жоффри Утида предлагал внести в протокол требование возобновления торговых отношений с Советской Россией на условиях Японии и Франции. Он также требовал роспуска Президиума III Интернационала «с обязательством не созывать интернациональных съездов, направленных на коммунизацию государств и колоний».

Протокол (и другие документы, попавшие в руки разведки ДВР во Владивостоке) предполагал ввод на российский Дальний Восток международных сил, в которых главную роль должны играть японские войска.

Сам «Предварительный протокол» состоял из XXI главы и 59 параграфов. Суть документа состояла в следующем. На территории ДВР образуется одна область, включающая и Камчатку. Область должна делиться на округа (губернаторства), уезды (департаменты), волости (общины). Это административное деление закреплялось комиссией из состава представителей великих держав. Область должна управляться губернатором, назначаемым на 5 лет вышеуказанной комиссией.

Согласно документу, генерал-губернатор должен был являться главой исполнительной власти со своим штатом советников. Он назначал всех лиц администрации и судей. Ему подчинялись все военные силы, причем последние должны были предоставляться «непосредственно граничащим правительствам», т.е. японскому. Милиция и жандармерия формировались по принципу добровольческого набора, а также из частей, эвакуированных из Европы. Речь шла о бывшей армии П.Н. Врангеля. Народно-революционная армия ДВР должна была быть распущена (глава III, XI, XII).

При генерал-губернаторе образовывался административный совет совещательного характера. Часть советников должна назначаться Токио, еще 6 (3 русских и 3 иностранных) должны избираться областным собранием и назначаться международной комиссией.

Глава V говорила об Областном собрании, избираемом из представителей всех народностей (или партий) на 5 лет. Собрание имело право законодательной инициативы по всем вопросам, касающимся интересов области, но его решения утверждались генерал-губернатором. Он же мог распустить собрание. Собрание собиралось раз в год на двухмесячную сессию во Владивостоке (главы V, VII, и XIV). Однако в документе не были определены ни правила выборов, ни нормы представительства. По сути, японцы выступали за марионеточный парламент по образцу представительных органов, созданных в Забайкалье атаманом Г.М. Семеновым еще в 1920 г. Активным и пассивным избирательным правом могли пользоваться только оседлые жители региона.

Все законы и постановления должны были издаваться на русском и японском языках. Чиновники и судьи могли назначаться из русских и японских подданных (главы XIII и XV).

В главе X была определена общая компетенция уголовных, торговых и духовных судов. При этом судьи должны были назначаться генерал-губернатором.

Каждая народность могла основывать частные школы, где преподавание должно вестись на родном языке. Высший надзор за школами принадлежал генерал-губернатору (глава XVI).

Права и привилегии русских подданных обеспечивались особым меморандумом, который должен был быть выработан на конференции в Генуе (глава XVIII), определявшей, по мнению разработчиков документа, и права русской буржуазии.

Статут области вырабатывался комиссией из делегатов заинтересованных держав (главы XX-XXI).

Таким образом, предложенный документ представлял модель японского оккупационного режима под международным флагом, который планировалось распространить в будущем на всю Россию.

Представителям Франции, Англии и США были направлены Препроводительные письма к Протоколу. В письме британскому послу в Токио министр иностранных дел Японии Утида предлагал поддержать прилагаемый проект в Генуе.

В депеше японскому послу в Вашингтоне Сидехаре от 15 февраля 1922 г. предписывалось обратить внимание правительства США на тесную связь РСФСР и ДВР и опасность, исходящую от них. Токио заявлял, что он выступает против раздела бывшей Российской империи, но целостность России зависит от умиротворения ее окраин. Если советские представители не примут условия, предложенные им в Генуе, необходимо немедленно провести реформы, обозначенные в Протоколе. В депеше также отмечалось, что белое Временное Приамурское правительство слабо и неопытно, и это, мол, не может оставлять японское правительство «равнодушным зрителем»¹⁰¹.

Речь, таким образом, шла о попытке создания единого фронта против РСФСР и ДВР, военном шантаже и угрозе новой союзной интервенции против нашей страны. В.И. Ленин не был уверен, что конференция в Генуе не будет сорвана до того, как советской делегации удастся огласить свою программу.

Вот почему важно было не допустить создания единого нового антисоветского альянса¹⁰².

Японское правительство инструктировало барона Сидехару опровергать все заявления делегации ДВР в США и материалы в американской прессе относительно этого документа. Но протокол лишний раз подтвердил наличие японо-французского сговора против РСФСР и ДВР.

Японское предложение не было принято ни в Вашингтоне, ни в Генуе в силу правильной тактики дипломатии РСФСР и ДВР, из-за укрепления позиций Советской России, близости окончания Гражданской войны и интервенции в России, заинтересованности держав в экономических отношениях с Советской страной и Дальневосточной республикой.

Это был успех дипломатии ДВР и РСФСР: Японии не удалось организовать новую объединенную интервенцию против Советской России¹⁰³. Естественно, он не был принят участниками Вашингтонской конференции¹⁰⁴.

Делегация Временного Приамурского правительства в Вашингтоне попыталась добиться от Великих держав своего дипломатического признания и практической помощи. Лидеры белых рассчитывали, что иностранные державы примут решение перебросить 40 тыс. солдат и офицеров армии П.Н. Врангеля на Дальний Восток. Но от данного плана Франция и Япония уже давно отказались¹⁰⁵. Делегации меркуловского правительства ничего добиться так и не удалось, поскольку все участники конференции, понимая слабость режима в Приморье, преследовали только свои частные интересы.

В ноябре 1921 г. в Приморье развернулась широкая подготовка белой армии к выступлению против ДВР. Планирующие наступление генералы во многом делали ставку на возможность восстания в тылу НРА ДВР населения, недовольного тяжелым экономическим положением в регионе.

30 ноября 1921 г. начался т.н. Хабаровский поход белоповстанцев против Дальневосточной Республики¹⁰⁶. Армией командовал генерал-майор В.М. Молчанов, долгое время занимавший высокие посты в каппелевских войсках. Несмотря на слабое оснащение и недостаток тяжелого вооружения, из-

за грубых ошибок командования НРА ДВР в оценке противника, наступление поначалу развивалось достаточно успешно. Белоповстанцам удалось захватить Хабаровск и продвинуться более чем на 100 километров западнее. Однако становилось ясно, что удержать захваченные территории на сколько-нибудь долгий срок не получится. Особых надежд на восстание в тылу НРА питать уже не приходилось. Усталость от Гражданской войны и собственный опыт населения не способствовали притоку новобранцев в ряды белой армии. Японское командование, инициировавшее поход, также не могло оказать вооруженной поддержки белоповстанцам по политическим мотивам.

Обстановка в тылу белоповстанцев во время всего Хабаровского похода оставалась нестабильной. Обострилась борьба между правительством и Народным собранием. Парламент высказывал недовольство нарушением регламента, назначениями и увольнениями должностных лиц в его обход, введением цензуры на информацию о заседаниях Народного собрания, организацией закрытых заседаний.

В ответ на критические замечания в свой адрес правительство распустило Народное собрание до февраля 1922 г. Но под нажимом каппелевского командования и из-за резко ухудшившейся экономической ситуации очередная сессия парламента была перенесена на январь 1922 г. Главным вопросом, обсуждавшимся на этой сессии, стал вопрос снабжения белоповстанческой армии. В условиях ведения военных действий меркуловский режим не мог обеспечить не только нормальное снабжение войск на фронте, но даже выплату жалования своей армии. Депутатам предлагалось принять чрезвычайный военный налог. Но, находясь под сильным давлением предпринимательских кругов, Народное собрание не одобрило этого шага. В этих условиях правительство так и не решилось возложить часть расходов на местную буржуазию, создав эффективный налоговый аппарат, или пойти на введение в области жестких мер государственного регулирования экономики. Важнейшей причиной ухудшения ситуации все же можно считать зависимость режима от иностранных компаний и японского

командования, толкнувшее приморские власти на самоубийственный Хабаровский поход.

Народное собрание в этот период не было единым в вопросах о будущем государственном устройстве региона и России в целом. Проправительственная часть парламента выступала за создание Директории. Но наиболее предпочтительным считалась идея созыва нового Земского собора. Левая оппозиция желала возвращения к ситуации 1920 г., когда в области существовала Приморская земская республика¹⁰⁷.

Тем временем наступательный порыв белоповстанцев иссяк. На фронте обозначился перелом в пользу НРА ДВР. В результате тяжелых боев под Волочаевкой 10-12 февраля войска генерал-майора В.М. Молчанова были вынуждены отступить, сдать Хабаровск без боя и вернуться на первоначальные позиции. В конце концов, изначально авантюристический Хабаровский поход закончился полным крахом, что еще раз продемонстрировало политическую несамостоятельность и отсутствие будущего у Временного Приамурского правительства. Поражение и отступление белоповстанческой армии негативно сказались на внутренней обстановке в Приморье. Народное собрание во всех неудачах обвинило правительство и потребовало расследования причин катастрофы под Волочаевкой.

Огромное недовольство правительством наблюдалось в армейских кругах, поскольку снабжение войск необходимыми материалами так и не было налажено, а жалование не выплачивалось уже полгода. Объявленный в разгар Хабаровского похода добровольческий набор в армию был полностью провален. Ситуацию еще более усугубил опубликованный 25 апреля 1922 г. приказ, по которому «для сохранения Приамурской государственности» был введен запрет на увольнение из армии. В этом же документе правительство заявляло, что «возможно во имя спасения национального возрождения» будет объявлена мобилизация¹⁰⁸.

Под влиянием все более ухудшавшейся обстановки в Приморье разразился политический кризис, поводом к которому послужило обсуждение и принятие на 65-м заседании Приамурского Народного собрания 2 мая 1922 г. «Положения о выборах в Приамурское Учредительное собрание»¹⁰⁹.

В отличие от подобных документов периода Гражданской войны на Дальнем Востоке, данное «Положение» подробнейшим образом описывало не только избирательную процедуру, но и полномочия органов власти, непосредственно отвечающих за проведение выборов и подсчет голосов¹¹⁰.

Приамурское Учредительное собрание (ПУС) образовывалось из депутатов, выбираемых на основе всеобщего, равного, без различия пола избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования на территории, подконтрольной Временному Приамурскому правительству. В городах выборы проходили по пропорциональной системе, а в сельской местности — по мажоритарным округам. Вводилась норма представительства: в среднем 1 депутат на каждые 4000 чел. гражданского населения и 1 депутат на каждые 2000 чинов армии и флота.

Территория, предназначенная для проведения выборов, делилась на избирательные районы двух типов: городские и сельские. Городским избирательным районом считалось каждое городское поселение, управляемое на основании Городового положения, а сельским — каждая волость, станица или поселок городского типа, имеющие более 2000 жителей. Поселки городского типа с населением менее 2000 чел. объединялись в сельский район с ближайшими такими поселками. Число членов Приамурского Учредительного собрания от района определялось делением общего числа жителей на 4000. Если в остатке оставалось более 2000, то число избираемых в данном районе депутатов увеличивалось на 1. Если же в остатке фиксировалась меньшая цифра, то число избираемых депутатов оставалось без изменений. Волость или станица всегда являлась избирательным районом, вне зависимости от численности проживающего населения. Территориальное деление на районы передавалось в ведение Центральной Избирательной комиссии (ЦИК)¹¹¹.

Выборы в полосу Китайско-Восточной железной дороги должны были производиться по специальному закону.

Пассивное избирательное право граждане получали с 21 года, активное — с 25 лет. При этом чины армии и флота имели право голосовать и избираться только по Владивостокскому и Никольск-Уссурийскому городским избирательным районам.

Не имеющими права участвовать в выборах ни в каком качестве признавались сумасшедшие и глухонемые граждане, находящиеся под опекой.

Лишались избирательного права следующие категории лиц:

— осужденные и находящиеся под следствием за тяжкие преступления, кражу, мошенничество, присвоение, растрату вверенного имущества, укрывательство похищенного, подлог, ростовщичество, лихоимство, сводничество и потворство непотребству;

— осужденные за деяния, имеющие целью нарушения свободы и препятствование законному проведению выборов в Приамурское Учредительное собрание, законодательные учреждения и органы самоуправления;

— несостоятельные должники.

Право избирать по определенному избирательному участку получали лишь лица, внесенные в избирательный список этого участка. В список могли быть включены только граждане, проживающие на его территории. Однако никакого временного ценза оседлости не вводилось. Тем самым пассивное избирательное право получали многочисленные беженцы и переселенцы, проживающие на подконтрольной Приамурскому государственному образованию территории. В отличие от пассивного, активным правом разрешалось пользоваться без учета места проживания¹¹².

Руководство производством выборов возлагалось на Центральную Избирательную комиссию, в районах Приморской области — на районные и участковые избирательные комиссии.

В состав ЦИК включались председатель и 6 членов. Председателем по должности становился старший председатель Владивостокской судебной палаты. Члены ЦИК избирались от Приамурского Народного собрания (4 чел.), от Владивостокской городской думы (1 чел.), от Приморской областной земской управы (1 чел.). Товарищ председателя избирался из членов ЦИК ими самими. Отдельно оговаривалось, что ЦИК имела право приглашать для работы представителей отдельных групп и категорий избирателей, но только с совещательным голосом.

Члены ЦИК обладали определенным иммунитетом. Они

не подлежали ответственности за высказывания, мнения, голосования при исполнении своих обязанностей; не подлежали аресту без разрешения ЦИК, если только не были пойманы непосредственно на месте преступления. В таком случае судебное преследование могло быть приостановлено до истечения срока полномочий.

Полномочия Центральной избирательной комиссии были достаточно широки, включая в себя не только организационные мероприятия по проведению избирательной кампании, но и осуществление контроля над финансовой составляющей выборов:

- общественное наблюдение и общий контроль за ходом выборов;

- выработка специальных инструкций в дополнение и развитие «Положения о выборах в Приамурское Учредительное собрание»;

- установление границ избирательных районов;

- составление списков лиц, избираемых в Приамурское Учредительное собрание;

- ведение статистики по выборам;

- распоряжение кредитами, выданными на производство выборов¹¹³.

Районные избирательные комиссии (РИК) должны были состоять в городах из 5 членов, в сельской местности из 3 членов и 2 кандидатов к ним. В городах РИК избирались городским самоуправлением (управами и думами), в сельской местности — волостным или земским собранием, станичным сходом, в поселках городского типа — поселковыми думами. Районная избирательная комиссия обладала теми же правами, что и Центральная избирательная комиссия.

В обязанности РИК входили:

- контроль за деятельностью участковых избирательных комиссий (УИК);

- наблюдение над своевременным составлением избирательных списков и их обнародованием;

- рассмотрение протестов и жалоб на действия самоуправления и участковых избирательных комиссий;

- своевременное осведомление населения района о списках кандидатов;

— подсчет голосов по районам и определение тем самым результатов выборов.

Разделение на участки в городах проводила городская дума, в сельской местности участком являлось каждое сельское сообщество. Участковые избирательные комиссии назначались в городах районными избирательными комиссиями, в сельской местности — 3 члена УИК избирались населением сельского общества. Дополнительно в УИК включался представитель от избирателей, заявивших кандидатский список и указавших своего представителя в члены УИК. В районные избирательные комиссии также и на тех же основаниях включался представитель от избирателей. В обязанности участковых избирательных комиссий входили прием и первоначальный подсчет голосов¹¹⁴.

Голосование как в городах, так и в сельской местности должно было проходить согласно избирательным спискам, которые, в свою очередь, составлялись городскими управами, казачьим поселковым и местным самоуправлением. В избирательных списках для идентификации голосующего обозначались фамилия или прозвище, имя, отчество, возраст, место проживания. Граждане сами контролировали внесение себя в списки избирателей. Избиратели получали избирательные карточки, дававшие право участвовать в голосовании, на себя и членов семьи по удостоверению личности. Списки обнародовались не позднее, чем за 30 дней до даты проведения выборов. В течение 5 дней разрешалось подавать жалобы и протесты, которые рассматривали участковые и районные избирательные комиссии в течение 3 дней. Решения избирательных комиссий можно было обжаловать в Окружном суде. Исправленные списки избирателей обнародовались не позднее 7 дней до выборов¹¹⁵.

Как уже отмечалось, выборы в городах производились путем подачи голосов за один из заявленных кандидатских списков, в сельской местности — подачей голосов за того или иного кандидата из общего кандидатского списка. Кандидатские списки подавались на рассмотрение районной избирательной комиссии группами избирателей не позднее 20 дней до

выборов. Для того, чтобы список считался действительным, требовались подписи не менее 25 чел., имеющих избирательное право в данном районе с указанием фамилии, имени, отчества и места проживания. К этому прилагалось заявление кандидатов о согласии участвовать в выборах в данном районе по данному списку. Число предлагаемых кандидатов в списке не должно было превышать число депутатов, избираемых в районе. Один кандидат имел право баллотироваться не более, чем в 5 районах, в том числе одном сельском. Если списки были неправильно оформлены, их разрешалось подать вновь не позднее, чем за 15 дней до голосования. Избирательные списки публиковались в обязательном порядке также за 15 дней до даты проведения выборов. В сельской местности кандидаты в депутаты выдвигались либо сельскими и поселковыми сходами с представлением приговоров сходов, либо по той же процедуре, что и в городах¹¹⁶.

Голосование производилось посредством подачи избирательных записок при предъявлении избирательных удостоверений (карточек), которые подготавливались участковыми избирательными комиссиями. В сельской местности ввиду организационных и материальных проблем разрешалось обойтись без избирательных удостоверений. Выборы проходили в течение 3 дней. Заседания участковых избирательных комиссий носили публичный характер. Всему происходящему в участковой избирательной комиссии велся протокол¹¹⁷.

В городах число депутатов определялось пропорционально по числу голосов, отданных за тот или иной избирательный список. Если один и тот же кандидат в депутаты избирался в городе и в сельской местности, то он проходил в Приамурское Учредительное собрание по мажоритарному округу. В сельской местности победитель определялся простым большинством голосов. Выбывшие по тем или иным причинам депутаты в городах замещались следующими кандидатами по определенному избирательному списку, в сельской местности путем проведения частичных выборов в конкретном районе¹¹⁸.

Документ касался только выборов и не определял полно-

мочия депутатов. Однако в нем отмечалось, что члены Приамурского Учредительного собрания обладали личной неприкосновенностью.

В отдельной главе «Положения» говорилось об ответственности за ограничение свободы голосования, правильности выборов и неприкосновенности депутатов. Так, всяческое препятствование выборам, мошенничество со списками каралось достаточно жестко, вплоть до ареста и тюрьмы¹¹⁹.

В данном документе впервые настолько подробно формулировались законодательные основы избирательной системы и освещались полномочия избирательных комиссий всех уровней. Важнейшим пунктом данного «Положения» стала отмена ограничительного пункта о неучастии в выборах «политически неблагонадежного населения». Введенные изменения фактически разрешали участие в голосовании всем оппозиционным силам, недовольным правлением Меркуловых, вплоть до правых социалистов и большевиков. Подобная ситуация не могла устроить приморские власти, поскольку принятое депутатами «Положение» напрямую противоречило базовым политическим установкам правящего режима.

Чтобы не допустить выборов по новому избирательному закону, С.Д. Меркулов предложил созвать новое представительное собрание по типу Земского собора. Одновременно правительство обвинило парламент в заговоре и 31 мая 1922 г. распустило его своим указом. Белоповстанческая армия также оказалась расколотой. Бывшие семеновские и некоторые каппелевские части остались на стороне меркуловского режима. В этих условиях каппелевское командование пошло на решительные меры. Проправительственные части были насильно разоружены, часть командиров последних пришлось физически устранить¹²⁰. Это деморализовало армию, чем воспользовались большевики. Контрразведка белоповстанцев с тревогой отмечала усиливавшуюся работу коммунистов в войсках¹²¹.

1 июня 1922 г. Приамурское Народное собрание приняло следующее решение: «заслушав указ Временного Приамурского правительства о роспуске Народного собрания и принимая во внимание, что национальное русское дело не

может твориться без участия народных представителей, постановило:

— членов Временного Приамурского правительства низложить;

— вся власть временно до создания власти постоянной переходит к Народному собранию»¹²².

Документ подписали председатель Народного собрания М.А. Андрушкевич, товарищи председателя В.П. Абоимов и В.Г. Болдырев, а также секретарь парламента С.М. Широкогоров. Своими указами депутаты объявили об аресте и содержании под стражей С.Д. и Н.Д. Меркуловых (указ № 1), увольнении в отставку председателя Совета управляющих ведомствами В.С. Ефремова (указ № 2) и назначении на эту должность управляющего ведомством юстиции И.М. Старковского (указ № 4)¹²³. В новый состав СУВ вошли также управляющий ведомством внутренних дел Вершинин, управляющий ведомством торговли и промышленности Петров и управляющий ведомством финансов Димитриев. Депутаты отмечали, что «в самом непродолжительном времени нужно будет избрать новое правительство из числа членов Народного собрания, которому и будет вручена Верховная власть»¹²⁴.

В это же время о себе громко заявила еще одна политическая сила — Совет уполномоченных организаций автономной Сибири. Как сообщалось в приморской прессе, «2 июня около 11 часов над помещением театра «Золотой Рог» был выброшен бело-зеленый флаг сибирских областников и, по слухам, предполагалось образование областного правительства с депутатом Сазоновым во главе. Через несколько часов флаг здания был убран. Это сибоблдумцы, из числа которых есть и члены Народного собрания»¹²⁵.

В вышедшем 3 июня 1920 г. «Бюллетене Совета уполномоченных организаций автономной Сибири» (далее СУО) была опубликована декларация, обращенная к населению Приморья. В документе утверждалось, что СУО «как центральная общесибирская организация, имеющая главной своей целью освобождение всей Сибири от большевиков и стоящая на областнической точке зрения, признает за каждой областью право на широкую автономию в местных делах а, следовательно, и право создать ту или другую местную власть, требуя лишь одного: признания необходимости борьбы с большевизмом до

конца, демократичности, проведения в жизнь принципа народовластия и подчинения частных местных интересов общесибирским»¹²⁶. Совет уполномоченных приветствовал вновь образовавшуюся приморскую власть как более отвечающую указанным выше принципам, чем меркуловский режим. В завершение декларации указывалось, что «сибирские патриоты, стремясь к автономному устройению своей родины, считают отделение Сибири от Советской России последней возможностью спасения великой национальной независимой России»¹²⁷.

На тот период федеративная модель государственного устройства даже в рамках одной Сибири была неактуальна. Антибольшевистские силы контролировали только Приморье. В создавшихся условиях лозунги Совета уполномоченных основались набором благих пожеланий. И на практике к ним ни одна из политических сил серьезно не отнеслась.

Тем самым, в споре за власть в области временно победило Народное собрание, поддержанное каппелевскими частями¹²⁸. Его признали Приморская земская управа, Союз грузчиков и ряд иных демократических организаций. Командование белоповстанцев поставило перед Народным собранием условие, по которому новую исполнительную власть должен будет возглавить командующий вооруженными силами Приморья. На эту роль был назначен бывший начальник штаба колчаковской армии генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, проживавший в Харбине и являвшийся сторонником самодержавной монархии.

В ночь на 3 июня 1922 г. состоялось заседание пленума Народного собрания по вопросу о власти. В новый состав правительства были избраны М.К. Дитерихс (председатель), И.И. Еремеев, К.Т. Лихойдов¹²⁹. Против данных кандидатур высказались демократическая и крестьянская фракции. Далее депутаты заслушали предложение депутата С.М. Широкого-рова о необходимости выработки Конституции в части, касающейся прав и обязанностей правительства, не употребляя выражение «верховная власть», которая, как считалось, «принадлежит народу». За это предложение проголосовало 34 члена собрания, при этом крестьянская и демократическая фракции воздержались. Для выработки Конституции была выбрана специальная комиссия¹³⁰.

Фактически Народное собрание признало свое поражение, отказавшись от верховной власти, поскольку лишилось поддержки военных кругов. Депутат В.Ф. Иванов отмечал в интервью газете «Слово»: «Переворот совершен военной группой, и нам, членам Народного собрания, остается лишь прикрыть будущую военную диктатуру. В предстоящей реконструкции власти гражданская общественность значения иметь не будет. Подобраны наиболее сговорчивые люди, которые должны будут служить ширмой и буфером между диктатором и общественностью. Союз с левыми был нужен в момент переворота, а потом мы очистим нашу среду от всякого социалистического привкуса. Народное собрание будет распущено и образован небольшой совещательный орган»¹³¹.

До приезда М.К. Дитерихса обязанности председателя правительства исполнял генерал-майор В.М. Молчанов¹³². Прибыв во Владивосток, М.К. Дитерихс подтвердил акт роспуска Народного собрания. 11 июня он отказался от поста главы правительства и передал полномочия С.Д. Меркулову, оставив за собой пост командующего армией и флотом. Тогда же было принято решение о созыве во Владивостоке Земского собора.

Таким образом, победу в Приморье все же одержала правительственная группировка, поддержанная каппелевскими войсками. Белый режим в Приморье начал скатываться к откровенной военной диктатуре монархического толка. Это лишний раз доказало тот факт, что в условиях продолжающейся Гражданской войны следование западной либеральной модели политического устройства не отвечает сложившейся обстановке. Так, формально лидеры Белого движения признавали необходимость демократизации власти и создания представительного органа с законодательными полномочиями. Но логика политической борьбы все равно вынудила их пойти на значительное ограничение демократии. Меркуловское правительство запретило деятельность левых партий и значительно сократило полномочия парламента, что, в конечном счете, привело к противостоянию исполнительной и законодательной ветвей власти. Уже поэтому можно говорить о несоответствии теоретических планов и практической политики белых в регионе. В целом, можно

сделать справедливый вывод о том, что создаваемое в Приморье государственное образование носило черты олигархического строя с элементами диктатуры.

В конце концов, лидеры Белого движения в Приморье пришли к выводу о необходимости изменения политического строя в области. На тот момент единственной нереализованной до сих пор в ходе Гражданской войны моделью политического устройства оставалась монархия. Принятие на вооружение данной концепции означало отказ от каких-либо демократических установок и скатывание белых далеко вправо. Данный вопрос должен был окончательно решить созываемый во Владивостоке Земский собор.

2.3. Диктатура М.К. Дитерихса: возвращение к монархической модели политического устройства

Общее положение на территории Белого Приморья летом 1922 г. продолжало оставаться тяжелым. Наибольшую обеспокоенность правительства вызывал бюджет на второе полугодие текущего года. Расходы на армию, флот и карательный аппарат составляли более 45 % расходной части бюджета. Официально дефицит был определен в 0,2 млн. зол. руб. Но доходная часть бюджета строилась исходя из факта, что все налоги и пошлины будут собраны полностью и в срок. В создавшейся обстановке этого, однако, нельзя было гарантировать¹³³. Конечно, приморские власти пытались исправить положение, но безрезультатно¹³⁴.

Одной из важнейших мер, которые, по мысли приморских властей, должны были оздоровить ситуацию, являлось проведение съезда всех антибольшевистских сил региона с целью выработки общей стратегии для продолжения борьбы. Таким съездом стал Приамурский Земский собор.

27 июня 1922 г. Временное Приамурское правительство специальным указом учредило особую комиссию (9 человек) по созыву Земского собора в следующем составе:

- 4 представителя от Комитета несоциалистических организаций Владивостока;
- 2 представителя от Владивостокской городской думы;
- 1 представитель от Приморской торгово-промышленной палаты;

— 1 член комиссии назначался управляющим ведомством внутренних дел.

Председателем стал старший председатель Владивостокской судебной палаты П.О. Коркутов¹³⁵.

Полномочия комиссии заключались в составлении «Положения о Приамурском Земском соборе» и представлении его на утверждение Временному Приамурскому правительству; определении организаций, которые могут делегировать представителей и число таковых от каждой организации; рассмотрении полномочий членов собора и составлении общих списков делегатов¹³⁶.

В конце июня 1922 г. было опубликовано «Положение о Приамурском Земском соборе»¹³⁷. В данном документе основной задачей делегатов провозглашалось «избрание осуществляющего Верховную власть в крае органа, с правом Собора определить число составляющих орган Верховной власти лиц и срок существования избранного на Соборе Правительства в качестве органа Верховной власти»¹³⁸. На заседаниях данного представительного органа подлежали обсуждению лишь вопросы, поставленные на его разрешение. Однако до своего закрытия Временное Приамурское правительство могло выносить на обсуждение и наиболее серьезные вопросы текущего государственного управления, финансового положения государства, взаимоотношений с иностранными державами и т.д.

Члены Земского собора избирались органами местного самоуправления за исключением земского самоуправления, волостных правлений, станичных округов, поселковых управлений (представлялись председателями и атаманами); представителей армии и флота (назначались командованием). Делегаты получали все права членов Народного собрания по «Положению о Приамурском Народном собрании». Председателем Земского собора становился председатель Временного Приамурского правительства. Впоследствии члены Собора избирали председателя, двух заместителей, секретаря и его трех помощников. Все вопросы должны были решаться простым большинством. Предполагалось также проведение закрытых заседаний и образование специальных комиссий, которые могли заседать закрыто¹³⁹.

В специальном «Приложении» содержался состав членов

Приамурского Земского собора, в котором указывались организации и группы населения, выставляющие определенное число представителей:

- духовенство: 8;
- армия и флот: 25;
- гражданское ведомство: 14;
- несоциалистические организации: 37 от Владивостока и 33 от Никольска-Уссурийского, уездов, Амурской области, полосы отчуждения КВЖД;
- сельское население: 47;
- городское самоуправление: 18;
- торгово-промышленный класс: 11;
- земство: 4;
- казачье население: 22;
- приходы: 24;
- высшие учебные заведения: 3;
- представители от областей Дальнего Востока: 18;
- профсоюзы: 3;
- поселковые управления: 6;
- мусульманское общество: 2¹⁴⁰.

Большинство депутатов, согласно перечню, выдвигалось различными политическими группировками несоциалистической ориентации. Таким образом, можно заключить, что население, проживающее на подконтрольной белым территории, фактически было отстранено от участия в формировании Земского собора.

В этот период среди антибольшевистских сил региона не было единых взглядов на политическое устройство как России в целом, так и отдельно Дальнего Востока и Приморья. Представители различных организаций имели зачастую противоположные мнения по данному вопросу. Обсуждение обозначенных в «Положении о Приамурском Земском соборе» проблем началось задолго до его опубликования.

24 июня 1922 г. в газете «Слово» редакцией на правах дискуссии был опубликован т.н. «Проект реконструкции власти»¹⁴¹. Согласно данному документу, Земский собор должен был обеспечить восстановление русского национального самобытного государства, минуя «либеральные и социалистические лжеучения», т.е. пойти на установление единоличной власти. При этом в понятие «единоличная власть»

вкладывалось «демократическое» содержание, поскольку она должна была избираться представительным органом. Единоличная власть должна была избираться) на определенный срок и быть подотчетной собору. По мере необходимости она могла переизбираться. В случае смерти или болезни первого лица его функции осуществлял Совет управляющих ведомствами, который мог досрочно созвать Земский собор. В подчинение главы государства передавался ответственный перед ним СУВ. Исходя из принципа «правительству вся сила власти, а народу вся сила мнения» учреждался законосовещательный орган, выделенный из состава собора и называемый Земская дума, обладающий правом законодательной инициативы. Законопроекты должны были разрабатываться СУВ, далее они поступали на рассмотрение Земской думы, после чего подлежали утверждению верховной власти. Данный проект предусматривал фактически установление диктатуры, которая могла быть и военной, поскольку документ не утверждал обратного.

Совершенно иной точки зрения придерживалась Приморская окружная торгово-промышленная палата. Еще 3-4 июня 1922 г. при обсуждении текущего момента ее представителями отмечалось «наличие раскола среди деятелей, стоящих на единой идейной платформе». Провозглашалась необходимость «призвать все национально мыслящие организации и группировки к скорейшей ликвидации внутренней борьбы и к немедленному объединению путем компромиссов в области групповых и личных интересов, ... признать опасность установления как военной, так и гражданской диктатуры и необходимость такой конструкции власти, которая гарантировала бы в области внутренней политики скорейшее установление условий мирного труда на основах истинного народоправства»¹⁴².

Данное мнение конкретизировалось в «Наказе делегатам на Земский собор от Приморской торгово-промышленной палаты»¹⁴³. Представители приморских предпринимательских кругов считали, что Земский собор должен определить число лиц, срок полномочий нового Временного правительства и его избрание. Правительство представляло собой Директорию из

3-5 членов, срок полномочий которой определялся моментом созыва Краевого Учредительного собрания. Новое правительство должно созвать Учредительное собрание, которое уполномочивалось установить образ правления и основные законы Приамурского Государственного Образования (ПГО). Срок созыва Учредительного собрания, не зависящий от изменения границ ПГО, устанавливался Земским собором. Далее в документе высказывалось мнение, что, если эвакуация японских войск произойдет на основании договора с ДВР или с Советской Россией, приморские власти должны принять участие в данных переговорах, чтобы обезопасить себя впредь до образования законного Всероссийского правительства. Если ПГО не сможет полностью сохранить суверенитет, то правительству следовало согласиться на «автономное политическое существование», признанное международным договором на основах внутреннего правопорядка, установленного Учредительным собранием. В заключение указывалось, что наказ обязателен для всех членов Приморской торгово-промышленной палаты. Нарушившие его должны быть отозваны и заменены¹⁴⁴. Из анализа данного документа видно, что местные промышленники выступали за либерально-буржуазную модель политического устройства Приморья, резко против «единоличной власти» в любом виде. Подобная ситуация порождала раскол в рядах членов собора еще до его созыва.

В середине июля 1922 г. во Владивосток начали съезжаться делегаты. Отношение представителей различных антибольшевистских группировок к вопросу о власти получило достаточно подробное освещение в приморской прессе.

Так, делегат от Никольска-Уссурийского Н.И. Кузьмин заявил, что «... та группа, которая меня делегировала, мыслит себе сосредоточение верховной власти в руках одного лица, а не в руках директории»¹⁴⁵.

Делегат от союза домовладельцев Владивостока Ф.А. Кольцов считал, что наиболее приемлемой является «единоличная власть». Однако лишь в том случае, если она будет сосредоточена в руках лица, пользующегося непререкаемым авторитетом среди населения. Таким лицом мог быть только

представитель царствовавшей в России династии Романовых. В ином случае идея «единоличной власти» признавалась в корне неправильной, поскольку «диктатура одного лица в условиях настоящей нашей политической действительности будет равносильна установлению диктатуры отдельной партии или группы ... это может быть только гибельным для русского национального дела». В конце концов, Ф.А. Кольцов высказывался за директорию «из известного количества лиц, трех или пяти — безразлично»¹⁴⁶.

Приморские несоциалисты по вопросу о структуре власти выступали за восстановление монархии во главе с названным династией Романовых лицом. На местном уровне должен был соблюдаться принцип коллегиальности, согласно которому приморское правительство состояло бы из трех лиц с предоставлением председателю особых прав и полномочий¹⁴⁷.

Мнение делегатов монархической направленности озвучил член Земского собора В.С. Тяжелов. По его мнению, «... власть, избранная Земским собором, не должна быть ограничена определенным сроком. Если бы кто-либо из членов царствовавшей фамилии согласился возглавить правительство, мы считаем, что власть должна бы быть ему передана безусловно ... он должен был бы возглавлять местную власть, управляя единолично до того момента, когда пределы власти Приамурского государства расширились и явилась бы возможность говорить об установлении Всероссийского Национального Правительства. Политического акта февраля-марта 1917 г. мы не приемлем и считаем, что монархия — единственная для возрожденной России форма власти»¹⁴⁸. Идеи приморских монархистов, озвученные В.С. Тяжеловым, были документально оформлены на заседаниях монархической секции собора в июле 1922 г.¹⁴⁹

В «Наказе делегатам Земского собора от с. Шкотово» членам представительного органа предоставлялось право самостоятельно решать вопрос об определении числа членов правительства. При этом «единоличное правление» признавалось наиболее предпочтительным. В том случае, если правительство будет не единоличное, делегаты должны были

настаивать на созыве Земского собора не реже двух раз в год для заслушивания доклада правительства о проведенной работе¹⁵⁰.

Представители антибольшевистских сил Харбина выступали в этот период за сосредоточение всей полноты власти в руках гражданского лица. По их мнению, «персонально власть в Приморье должна быть вручена бывшему приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти»¹⁵¹. В ответ на предложение возглавить белую государственность в Приморье, по словам харбинских делегатов, Н.Л. Гондатти заявил, что «он не может сказать ничего определенного до того, пока не будет определенного вотума и пока его кандидатура не перестанет носить характера кандидатуры, выдвинутой лишь одной общественной группировкой»¹⁵². Также они объявили о поддержке кандидатуры Николая Львовича среди самого Временного Приамурского правительства. Якобы «один из видных членов правительства заявил, что ... только Гондатти может разрешить кризис в Приморье, что только он один своим опытом и авторитетом в среде широких слоев населения сможет объединить общественные круги и население»¹⁵³. По поводу монархической идеи представители Харбина считали, что местные приверженцы династии Романовых отстали от путей, намеченных руководящими кругами русской эмиграции, в частности, от решений, принятых в так называемом Райхенгалльском течении. В Западной Европе русские эмигранты-монархисты в это время исходили из следующего принципа: возвращение династии должно произойти после просьбы о том широких кругов народа. Именно в этом заключалось основное расхождение в тактике западноевропейских и приморских монархистов.

Таким образом, в среде противников большевиков региона уже перед началом работы Земского собора отсутствовало единство взглядов на решение основного вопроса о структуре власти. Такая неопределенная ситуация только усугубляла и так достаточно сложное положение в Приморье, создавшееся летом 1922 г.

22 июля 1922 г. во Владивостоке в торжественной обстановке открылся Приамурский Земский собор, проходивший во многом по канонам XVII в. В нем приняли участие 275 делегатов. Почетным председателем Собора был избран

патриарх Тихон. В состав Собора входили епископы епархиальных округов Приморья, Владивостока, Харбина и Камчатки, старообрядческий епископ, генералы и офицеры армии и флота, главный мулла армии. При открытии Собора присутствовали японские генералы и офицеры. Лидеры Белого движения Приморья в этот период стремились в вопросе о политическом устройстве страны дистанцироваться от предыдущих белых правительств и вообще от либеральной идеи. Поэтому, открывая Собор, профессор богословия Н.И. Миролубов заявил, что Земский собор не является парламентом и собран не по западным образцам государственного управления¹⁵⁴.

На втором заседании собора его председателем был избран Н.И. Миролубов. По представлению С.Д. Меркулова заместителями председателя делегаты избрали В.Н. Толока и генерал-майора А.П. Бакшеева. Секретарем собора стал М.Я. Домрачев, товарищами секретаря — П.П. Унтербергер, С.П. Руднев, Т.С. Уточкин¹⁵⁵.

По сообщениям приморской прессы, в Земском соборе образовались следующие группировки, придерживающиеся различных взглядов на политическое будущее региона:

— несоциалистическая фракция с входящей в нее монархической секцией;

- казачья фракция;
- группа делегатов от полосы отчуждения КВЖД;
- харбинская группа;
- группа от приходов;
- группа Спасского района;
- крестьянская группа;
- группа гласных Владивостокской городской думы;
- торгово-промышленная группа;
- Никольская группа;
- группа старообрядцев;
- Амурская группа¹⁵⁶.

Вопрос о будущем политическом устройстве как в целом России, так и Приморья в частности занимал в деятельности Приамурского Земского собора, как и следовало из учредительных документов, центральное место. Официальная позиция приморских властей была высказана на закрытом

заседании собора 28 июля членом Временного Приамурского правительства Е.М. Адерсоном. В своем докладе он, прежде всего, обозначил причины политического кризиса в Приморье: отсутствие средств в бюджете вследствие эгоистичной политики иностранных держав, отказавшихся вернуть долги Уссурийской железной дороге и Владивостокскому порту и не признавших Временное Приамурское правительство. К причинам политического краха меркуловского режима он отнес также отсутствие поддержки со стороны населения области, недостаток у предпринимателей гражданской ответственности, слабость налогового аппарата правительства, разрыв с Народным собранием, борьбу среди различных армейских группировок. Отмечались разногласия внутри правительства при толковании принятых на I-м Съезде несоциалистических организаций резолюций и отсутствие необходимых программ работы. Ситуация конца мая – начала июня 1922 г. («переворот своих единомышленников своими же сотрудниками») признавалась «безусловно ненормальной» и губительной для Приамурского государственного образования. Докладчик призывал делегатов, выбирая новое правительство или оставляя у власти старое, не изменять самой конституции I-го Съезда, а «создать лишь те инструкции, которые отсутствовали в первом Национальном Правительстве ... в любом случае нужно поставить Правительство в такое положение, чтобы отпала всякая надобность в переворотах своими же». По мнению Е.М. Адерсона, правительство должно быть избрано на определенный срок либо до начала работы Учредительного съезда, время созыва которого предстояло определить Государственному совету, но с возможностью замены членов правительства путем проведения нового Земского собора. Дополнительно следовало создать орган власти, который мог бы «разбираться с обвинениями правительства и или реабилитировать его, или, в крайнем случае, созвать Земский собор». Докладчик выступил категорически против «стремления кого бы то ни было к диктатуре, которое только погубит наше национальное дело». Негативно Е.М. Адерсон относился и к идее поставить во главе Приморского государственного образования представителя династии Романовых. Он считал, что царь должен быть избран

исключительно на Всероссийском Учредительном собрании¹⁵⁷.

В докладе содержался и план организации высших органов управления в Приморье. Согласно ему, верховная власть принадлежала народу. Правительство являлось органом, уполномоченным народом на управление государством. Оно осуществляло управление по законам, принятым или измененным Народным собранием и утвержденным им же. Издание законов, не согласованных с парламентом, признавалось недопустимым. «Коллективная власть должна быть коллективной, а не так, что есть верховный правитель и члены правительства только ширма»¹⁵⁸.

Народное собрание становилось чисто законодательным органом, собираемым из экономии казенных средств по мере необходимости и накопления законопроектов. Правом законодательной инициативы обладало и Народное собрание, и правительство. При этом парламент имел право контроля, но не вмешательства в управление государством и назначение должностных лиц¹⁵⁹.

Высшим исполнительно-распорядительным органом являлся Кабинет управляющих ведомствами. Его члены приглашались правительством «из соображений специальности или опытности данного лица, из лиц, состоящих в организациях националистов». В случае недовольства правительством деятельностью кого-либо из управляющих ведомствами последний мог быть персонально заменен. Народное собрание получало право вынести недоверие всему Кабинету или его отдельным членам, но только в том случае, если «будет точно установлено злоупотребление доверием ... но отнюдь не потому, что для него неприемлема личность выбранного правительством». Премьер выбирался правительством по соглашению с Народным собранием¹⁶⁰. Кабинет фактически являлся партийным органом, в который закрывалась дорога представителям всех иных организаций, кроме «националистов». Причем точная формулировка, кого можно считать таковыми, а кого нет, в докладе отсутствовала.

Новым для Приморья органом должен был стать Государственный совет, состоящий из:

— членов правительства;

- определенного числа депутатов Народного собрания;
- представителей от армии и флота;
- управляющих ведомствами;
- деятелей Совета Съезда несоциалистических организаций или Земского собора «с правом приглашения по общему всех членов решению общественных и политических работников, известных своей опытностью в делах управления государством»¹⁶¹.

Государственный совет должен был собираться по мере необходимости и имел следующие полномочия:

- разбор «недоразумений» между правительством и Народным собранием или военным командованием, или общественными работниками, выдвинутыми народом в совместной работе с правительством, «исключительно в целях умиротворения избранников народа и согласования их деятельности»;

- толкование конституции, принятой Земским собором;

- право роспуска Народного собрания как на каникулы, так и раньше срока;

- в случае непримиримых разногласий Государственный совет мог издавать постановление о созыве Земского собора.

Все решения, принятые Государственным советом, должны были осуществляться правительством¹⁶². Этот новый для Приморья орган власти фактически исполнял функции третейского и конституционного суда, что было необычным для местной политической практики.

В систему органов власти предполагалось включить Совет Съезда несоциалистических организаций или Совет Земского собора для организации идеологической работы среди населения (издания «национально настроенных» газет, агитационных листов, различных воззваний и т.д.). Совет должен был «принимать все меры к объединению народа вокруг национального движения, привлекать в несоциалистические организации новые групповые организации, принимать меры к уменьшению граждан, относящихся индифферентно к происходящим событиям, будя в них патриотические чувства»¹⁶³.

По проекту Е.М. Адерсона Россия должна была стать

фактически унитарной конституционной монархией. В ее политическом устройстве по сравнению с ситуацией на начало 1917 г. менялось не многое. Конечно, полномочия монарха значительно урезались. В частности, он терял контроль над правительством и не мог оказывать такого влияния на внешнюю и внутреннюю политику, как это было при Николае II. Вместе с тем, исполнительная власть оказывалась гораздо сильнее законодательной, поскольку Народное собрание не могло оказывать серьезного влияния на политику, проводимую правительством, поскольку правительство не было подотчетно парламенту. Как показали предыдущие события, оппозиция режиму в лице «демократов» и их союзников не согласилась бы с таким решением проблемы.

Делегаты Земского собора согласились с предложениями Е.М. Адерсона. По вопросу о конструкции верховной власти на Соборе выступил П.П. Васильев. Его доклад содержал три основных положения:

1) Земский собор должен признать, что права на верховную власть в России принадлежат династии Романовых;

2) Поэтому Верховным Правителем, возглавившим Приамурское национальное государственное образование, должен будет стать один из членов дома Романовых, указанный самой династией;

3) По данным вопросам Земский собор должен обратиться к Ее Императорскому Величеству Государыне-Императрице Марии Федоровне и Великому князю Николаю Николаевичу¹⁶⁴.

Положение проекта Е.М. Адерсона о выборе монарха Всероссийским Учредительным собранием фактически отклонялось, что свидетельствовало о значительном увеличении «правых» взглядов у делегатов Собора.

На заседании 2 августа тезисы П.П. Васильева были поставлены на голосование. Большинство членов Собора проголосовали за восстановление в России династии Романовых (204 голоса «за», 16 – «против»). За немедленное приглашение на роль Верховного Правителя одного из великих князей высказалось 145 делегатов (против – 77). По третьему пункту (о посылке специальной делегации Земского собора к императрице Марии Федоровне) «за» проголосовало 164

делегата (против – 55)¹⁶⁵. 4 августа 1922 г. императрице Марии Федоровне была отправлена телеграмма от Приамурского Земского собора. В ней излагалась просьба великому князю Николаю Николаевичу «о водительстве заблудшего, но раскаявшегося уже Русского народа»¹⁶⁶. Никакого определенного ответа от великого князя приморские монархисты, однако, не получили.

Приамурский Земский собор большинством голосов высказался за восстановление в России дофевральских порядков. Население области, в основной своей массе придерживающееся демократических взглядов, было категорически не согласно с этой позицией. Без поддержки масс реализация монархической модели в ходе продолжающейся Гражданской войны представляется неосуществимой, что и показали события осени 1922 г.

Вопрос об организации местной власти оказался гораздо более дискуссионным. Часть делегатов считала, что «Земский собор не может не воспринять форму директории как наиболее практичную форму правления при настоящих условиях, к тому же оправданную самой жизнью»¹⁶⁷. Однако большинство депутатов склонялось к единоличной власти. Но члены Временного Приамурского правительства продолжали отстаивать идею коллегиальной власти. 2 августа на закрытом заседании Земского собора С.Д. Меркулов выступил с докладом о необходимости создания директории. Его предложение было отклонено, и вопрос о структуре власти поставили на голосование. За «единоличную власть» проголосовало 166 делегатов, против – только 54. На том же заседании были выдвинуты три кандидатуры на должность правителя: С.Д. Меркулов, М.К. Дитерихс и Н.Л. Гондатти. Первые двое после некоторого обсуждения отказались от баллотировки. За кандидатуру Н.Л. Гондатти проголосовал 171 делегат, против – 43¹⁶⁸.

Сам Николай Львович категорически отказался приехать во Владивосток, хотя ему «посылались письма, десятки телеграмм, особое приглашение от правительства». Н.Л. Гондатти заявил, что «сейчас еще рано мне выступать на арену открытой политической деятельности»¹⁶⁹. Он имел собственный взгляд на структуру власти национального государственного образования в Приморье: «власть переходного периода должна быть до минимума мало-

численной по составу и эластичной по своему внутреннему содержанию. Ни о каких представительных органах до установления гражданского порядка не могло быть и речи. Система ведомств или совет министров совершенно не соответствуют имеющимся на территории Приморья ресурсам»¹⁷⁰. Точка зрения Николая Львовича во многом кардинально расходилась с мнением руководителей антибольшевистских сил региона.

3 августа состоялся телефонный разговор председателя Земского собора Н.И. Миролубова с Н.Л. Гондатти, во время которого последний интересовался отношением к его кандидатуре армии и флота, а также точными сведениями о количестве голосов, поданных за него. Н.И. Миролубов извещал Николая Львовича о предстоящих официальных выборах, после которых к нему будет отправлена специальная делегация. Н.Л. Гондатти просил прежде отправления этой делегации точно информировать его по прямому проводу о результатах голосования и заявил, что «во всяком случае пока он оставляет за собой право принять то или иное решение»¹⁷¹.

4 августа стало известно, что Н.Л. Гондатти отказался от предложенного поста, как следовало из присланной телеграммы. На 4-м открытом заседании Земского собора ввиду полученной информации вновь разгорелись жаркие дебаты о структуре власти в Приморье.

Бывший председатель меркуловского Совета управляющих ведомствами С.И. Ефремов заявил, что при данном настроении делегатов отстаивать коллегиальную власть бессмысленно, но он «по долгу совести обязан это сделать»¹⁷².

С.Д. Меркулов в своем выступлении подчеркнул факт незавершенности обсуждения вопроса о структуре власти. По его мнению, Земский собор призван только избрать власть, именуемую Приамурским правительством, а не менять систему целиком. Выступавший считал: «Аргументацию монархической власти Земский собор применяет для проведения власти единоличной, единоличного гражданского аппарата, с которым, безусловно, будет очень трудно выйти из положения. Здесь нет сплоченной общественности, и дай Бог, чтобы сразу же после вступления новой власти не нашлись такие, которые пойдут против нее, лишь только им что-нибудь не понравится

в ее действиях. Коллегиальный аппарат временного управления на пути движения к власти, основанной на прочных началах, был бы лучше»¹⁷³.

Однако С.Д. Меркулов не был услышан, и делегаты в очередной раз проголосовали за единоличную власть («за» – 175, «против» – 45). На обсуждение выставлялись следующие кандидатуры: Н.Л. Гондатти, М.К. Дитерихс, С.Д. и Н.Д. Меркуловы, В.П. Разумов. После отказа братьев Меркуловых и В.П. Разумова осталась только кандидатура М.К. Дитерихса, который обязался отказаться от баллотировки, если не подтвердятся сведения об отказе Н.Л. Гондатти¹⁷⁴. После чего дебаты возобновились.

Делегат Протопопов предложил не принимать отказ Н.Л. Гондатти. Он отметил, что, голосуя за единоличную власть, ее связывали с именем Николая Львовича. Теперь оставалась одна кандидатура М.К. Дитерихса. Но ее можно было принять только после «глубокого обдумывания», поскольку «намеревались выбрать гражданскую власть, а оказались перед лицом военной диктатуры». Протопопов в заключение предложил закрыть заседание и дать членам Собора время на обдумывание¹⁷⁵.

С.Д. Меркулов заявил, что внесена кандидатура атамана Г.М. Семенова. П.П. Васильев выступил за перерыв на сутки и назначение частного совещания. Делегат Грызлов напомнил о необходимости прежде, чем решать вопрос о конкретных лицах, определиться с конституцией, поскольку старая конституция фактически уже устарела. Делегат Карпов отметил, что «единоличная власть возведена в принцип ради личности Н.Л. Гондатти. В несоциалистическом комитете изначально проектировалась коллегиальная власть, и только после приезда харбинских делегатов стали склоняться в сторону единоличия. Никогда олигархическая власть не была единоличной, ... это абсурд». Н.И. Миролюбов сообщил о получении телеграммы от китайского генерала Чжан Цзунчана. В тексте указывалось на хорошие взаимоотношения между китайским командованием и правительством Меркуловых. Поэтому именно их кандидатура очень желательна для китайского командования. В конце концов, делегаты проголосовали за перерыв и частное совещание¹⁷⁶.

5 августа состоялось частное совещание членов Земского собора, на котором прошло голосование по кандидатуре М.К. Дитерихса. «За» проголосовало 155 человек, «против» – 25. Однако его кандидатура выдвигалась только на случай подтверждения Н.Л. Гондатти своего отказа. Для переговоров с последним отправлялась специальная делегация¹⁷⁷.

6 августа проводилось очередное открытое заседание Земского собора. Делегатам была зачитана телеграмма Н.Л. Гондатти, в которой он заявлял о бессмысленности всяких дальнейших переговоров по прямому проводу. Соответственно члены Собора встали перед выбором: голосовать либо нет за М.К. Дитерихса в качестве носителя «единоличной власти». Поскольку большинство делегатов не ожидало такого поворота событий, пришлось назначить перерыв для проведения консультаций. После перерыва перед членами Собора выступил С.Д. Меркулов. По его словам, раньше он «мало знал М.К. Дитерихса, а теперь обстоятельства выяснили, что М.К. Дитерихс как раз то лицо, которое нужно избрать единодушно. Нам не пришлось выбрать того, кого мы хотели, но по воле Божией мы выбираем вождя такого, какой нам нужен»¹⁷⁸. После этого кандидатура М.К. Дитерихса была поставлена на голосование. «За» проголосовало 213 делегатов, «против» – всего 19¹⁷⁹.

Таким образом, генерал-лейтенант М.К. Дитерихс был избран Правителем Приамурского государственного образования, «главой и преемником верховной власти, прав и обязанностей Временного Приамурского правительства». Он принес присягу Земскому собору в том, что «будет руководствоваться основными законами Российской империи применительно к условиям места и времени, следуя заповедям Божиим». 8 августа на торжественном заседании Земского собора Временное Приамурское правительство официально сложило свои полномочия и передало их новому Верховному Правителю¹⁸⁰.

На последнем заседании собора командиры соперничающих армейских группировок генералы В.М. Молчанов, Ф.А. Пучков, Ф.Л. Глебов, Н.А. Савельев приняли решение прекратить распри и бороться за восстановление монархии в

России¹⁸¹. Были отправлены две делегации: в Японию (генералы А.И. Андогский, Н.А. Савельев, Н.В. Толок) и в США и Западную Европу (С.Д. Меркулов, Н.И. Миролубов, епископ Нестор)¹⁸². На этом Приамурский Земский собор закончил свою работу и был распущен.

Прошедший во Владивостоке форум антибольшевистских сил по форме значительно отличался от представительных органов, организованных Белым движением в 1920-1922 гг. Его главными чертами стали сословно-представительный характер, отсутствие законодательной инициативы и прямых выборов делегатов. В этом прослеживается его некоторая связь с Земскими соборами XVII в. Победу монархической идеи на территории Белого Приморья можно объяснить следующим образом. К лету 1922 г. либеральная модель политического устройства по европейскому образцу в условиях Гражданской войны показала свою несостоятельность. Военная диктатура с опорой на интервентов связывалась с именем атамана Г.М. Семенова и не находила поддержки среди антибольшевистских лидеров. Какие-либо коалиции с правосоциалистическими кругами совершенно исключались из-за идеологических разногласий. Единственным неопробованным вариантом оставалась монархическая модель, которая и стала проводиться в жизнь.

После утверждения М.К. Дитерихса Правителем Земского Приамурского края в Приморье началось формирование институтов власти политического режима монархического толка. Программа новой власти была изложена в указе № 1 от 8 августа 1922 г., в котором главной задачей провозглашалась борьба с советской властью с целью ее свержения и восстановления на троне России «помазанника Божия» — царя, а средством достижения — оздоровление системы управления путем слияния православной церкви и государства в единое целое¹⁸³. В области восстанавливались все царские церемониальные традиции, герб и гимн. Владивосток объявлялся «IV Римом». Себя М.К. Дитерихс объявил «князем Пожарским нового времени». Официальным лозунгом Белого Приморья стал лозунг «Вера, царь и народ»¹⁸⁴.

М.К. Дитерихс стал единственным в истории Гражданс-

кой войны белым лидером, который открыто заявил о восстановлении монархии в стране и начал на практике реализовывать эту программу. Официально Приамурский Земский собор закончил свою работу и был распущен 15 сентября 1922 г., но М.К. Дитерихс для объединения всех монархических сил России и российского зарубежья планировал созвать еще и «Национальный съезд».

Еще до завершения работы Земского собора в Приморье возникли новые органы власти. Согласно указу № 1, делегаты должны были выбрать из своего состава т.н. «Земскую Думу людей земли Приморской» с законосовещательными функциями. Она должна была состоять из 21 человека, из которых 7 избирались членами Собора, 5 назначались правителем, 9 входили «по своему положению» (городской голова Владивостока, председатель Приморской областной земской управы, члены Земского собора В.П. Разумов, А.Ф. Кациенко, Н.Д. Меркулов, М.Я. Домрачев, генерал-майор Ю.А. Савицкий, генерал-лейтенант войсковой атаман Уральского казачьего войска В.С. Толстов, А.В. Бурдуков). От участия в работе Земской думы отстранялись представители духовенства (они должны были составить Церковный собор) и армии, кроме казачьих войсковых правительств¹⁸⁵.

В одном из своих выступлений перед членами собора М.К. Дитерихс достаточно подробно изложил структуру государственных органов, которые требовалось создать для эффективного управления регионом. Главными принципами, заложенными в структуру правительственной власти, объявлялись единоличная власть и прочное финансово-экономическое положение. В качестве органа, отвечающего за организацию местного самоуправления, создавался Земский Приморский Поместный совет из 4 помощников правителя: городского головы Владивостока, председателя Приморской областной земской управы, атамана Уссурийского казачьего войска и председателя совета, помощника на правах министра внутренних дел генерал-майора В.А. Бабушкина. В качестве высшего исполнительно-распорядительного органа образовывался Совет Внешних Земских дел под руководством председателя Земской думы, в который входили Земская Дума

и 3 ведомства: финансов и промышленности, иностранных дел, путей сообщения. Для Земской думы и Церковного собора основная задача виделась в разработке новых принципов для организации «простейших единиц населения», которыми должны были стать приходы. По этой схеме в дальнейшем предполагалось провести переизбрание городской думы и земской управы. Управление казачьими войсками основывалось на системе, действующей до 1917 г., но с некоторыми изменениями. Во главе казачьего управления находился назначенный правителем председатель. Предполагалось создание Церковного собора, который должен был выбирать Поместный собор. Непосредственно правитель Приамурского государственного образования получал огромные полномочия. Он единолично определял все направления политики и мог самостоятельно принимать любые решения, не советуясь ни с кем. В его ведение переходили государственный контроль и генеральная прокуратура. При отсутствии правителя его обязанности возлагались на председателя Земской думы¹⁸⁶.

В указе № 2 от 9 августа 1922 г. были некоторые изменения и уточнения положений, содержащихся в выступлении М.К. Дитерихса. Заместителем по гражданскому управлению, председателем Земской думы и Совета Внешних Земских дел назначался В.П. Разумов. В совет вошли также управляющий финансово-промышленным ведомством Н.М. Дмитриев, иностранных дел Н.Д. Меркулов, путей сообщения А.Ф. Кацienко. Все члены совета получали права, обязанности и положение министров по законам Российского государства до 1917 г. Данному органу поручалось «разработать положение, условия и случай коллегиальности работы ведомств». Приморский Поместный совет, состоящий из 4 помощников по местному самоуправлению, находился под началом генерал-майора В.А. Бабушкина, исполняющего дополнительно обязанности управляющего ведомством внутренних дел. Поместный совет должен был «разработать положение своего управления, стремясь возможно полнее внедрить функции ведомства внутренних дел в органы местного самоуправления, исключив их политический характер». Позднее в состав этого совета предполагалось включить специальный совет рабочих,

мастеровых и мелких частных служащих для делового разрешения вопросов жизни, быта и производительности труда. После чего любые иные профессиональные союзы упразднились бы. М.К. Дитерихс выступал за создание представительного органа на основе представительства от приходов и деловых организаций, существовавших до 1904 г. Для управления казачьими войсками создавался коллегиальный орган из атаманов всех казачьих войск Сибири и их заместителей. Его председателем назначался войсковой атаман Уральского казачьего войска генерал-лейтенант В.С. Толстов, являющийся, тем самым, помощником правителя по казачьим войскам. Государственный контроль возглавлял главный земский контролер Н.Н. Бурдуков, ведомство юстиции – генерал-прокурор С.М. Кичин, канцелярию правительства – М.Я. Домрачев, управление снабжения – генерал-майор И.К. Артемьев, политическое представительство в Вашингтоне – С.Д. Меркулов. В состав Земской думы включались князь А.А. Кропоткин, Г.В. Подставин, П.П. Васильев, Л.Д. Тяжелов и один рабочий Уссурийской железной дороги. Последний должен был иметь трудовой стаж не менее 7 лет и «какой-нибудь имущественный ценз» в Приморье. Запрещалось избирать рабочего, принадлежащего к коммунистической или какой-либо социалистической партиям. Выборы производились непосредственно трудовым коллективом дороги. Партии большевиков и эсеров объявлялись нелегальными, а их деятели подлежали высылению за пределы Приморья. Если кто-либо из назначенных на должность в структуре управления области отказывался от поста, он был обязан покинуть регион¹⁸⁷.

Указом № 36 от 15 сентября 1922 г. было введено «Положение о Приамурской Земской Думе», которая становилась высшим исполнительным органом. Во главе Земской Думы становился Совет Земской Думы из 4 человек. Земская Дума должна была представить Верховному Правителю список из 12 кандидатов в члены Совета, а верховный Правитель утверждал окончательный состав. В ее ведение переходили все ведомства, кроме ведомства иностранных дел, лично подчиняющегося Верховному Правителю. Каждым ведомством должна была управлять соответствующая комиссия Думы под

руководством председателя с преимущественным правом голоса. Увольнение и утверждение председателей находилось в ведении правителя. За ним же оставалось общее руководство Думой, утверждение законов, внешняя политика и управление армией. Из ведомства внутренних дел выделялось ведомство народного просвещения. Для ознакомления населения с работой Земской думы и подготовкой организации управления Приамурским краем от Приханкайского, Спасского, Анучинского, Никольского, Раздольненского, Сучанского и Посыетского районов было необходимо избрать по 2 представителя и отправить для присутствия в Земскую думу на 1 месяц. Данную процедуру предписывалось проводить каждый месяц. В случае смерти правителя верховная власть должна была временно перейти к Совету Земской думы. Последний обязывался созвать новый Земский собор, которому будет принадлежать право персонального избрания новой единоличной власти¹⁸⁸. По словам П.П. Васильева, «Дума чужда всяким началам парламентаризма, постановления ее носят характер мнений, представленных на усмотрение правителя»¹⁸⁹.

Данное решение говорило о значительном укреплении исполнительной ветви власти и усилении авторитарных тенденций в управлении областью. Приморье осталось без представительного органа с законодательными функциями. О созыве нового парламента в области не могло быть и речи. Правительство М.К. Дитерихса подтвердило свою решимость и далее следовать провозглашенным ранее принципам государственного строительства.

19 сентября 1922 г. был организован Совет Приамурской Земской Думы в составе 5 членов (председатель генерал-майор И.К. Артемьев) и 3-х кандидатов. Совет стал высшим гражданским органом исполнительной власти в крае впредь до окончания организации городского самоуправления. Совет подчинялся лично М.К. Дитерихсу. Председатель Совета Думы И.К. Артемьев временно осуществлял текущее руководство всеми ведомствами (за исключением ведомства иностранных дел)¹⁹⁰.

М.К. Дитерихс считал, что требует коренного пересмотра и система местного самоуправления. В указе о местных

органах власти от 15 августа 1922 г. утверждалось, что внутреннее управление постепенно будет переведено на принципы широкого самоуправления. Основной городской, земской и казачьей административной единицей становился приход. В духовном отношении представители каждого вероисповедания могли образовать свои приходские объединения. В гражданском смысле административной единицей объявлялся приход определенного района по преобладающему количеству граждан одного вероисповедания. Приход должен был управляться советом, во главе которого стояли церковный пастырь и назначенный из числа прихожан председатель. Члены совета назначались по жребию, производимому пастырем. Пассивным избирательным правом обладали лишь граждане прихода от 25 лет, «свободные от уголовной ответственности». Для производства выборов граждане распределялись на группы по роду деятельности. Жребий по группам производился по пропорциональной системе. Пропорция устанавливалась законом по отношению к общему числу членов, подлежащих назначению в совет. Однако пропорция для граждан, проживающих в крае более 7 лет, была в 3 раза больше, чем для остальных. Полномочия совета прихода распространялись на административные, экономические, хозяйственные дела, систему образования и местный суд и контроль. Для исполнения данных полномочий из состава прихода выделялись соответствующие органы под председательством назначенных прихожан. Создаваемые органы находились под надзором со стороны соответствующих управляющих ведомствами центральной власти¹⁹¹.

На местном уровне функции ведомств внутренних дел, промышленности, торговли, народного просвещения, общественного призрения переходили к органам городского самоуправления. Органы центральной власти осуществляли при этом общее руководство и контроль. Приходы могли объединяться в группы с единым групповым советом. Высшим органом областного самоуправления в Приморье становилась Земская дума. Срок деятельности думы и приходских советов определялся в 2 года, после чего следовало их переизбрание¹⁹².

В интервью газете «Земский край» председатель органи-

зационной комиссии Земской Думы П.П. Васильев уточнил некоторые моменты предстоящего реформирования административной системы области. Единицей местного самоуправления, как указывалось выше, должен был стать приход, который мыслился мелкой территориальной гражданской единицей. Приход в таком качестве заменял собой волостное земство, волостное правление и сельские комитеты. В городах он должен был находиться на положении районных дум. Приходы должны избирать из своего состава гласных в городское и земское самоуправления. В уездах, губерниях и областях должно быть организовано приходское самоуправление, во главе которого находилась бы областная земская дума. Вводилась новая система выборов. Все население делилось на 4 разряда: три цензовых (образовательный, служебный, имущественный), а к четвертому относились все «пропитывающие себя личным трудом». Кандидаты в приходские советы должны были избираться обычным путем. Надзор за деятельностью приходов должен осуществлять уездный совет местных дел, бравший на себя также функции управления. Приходские советы обладали бы следующими полномочиями: осуществление руководства и надзор за образованием, общественной безопасностью, медициной и др. Главной статьей финансирования должен был стать специальный сбор с граждан¹⁹³. Фактически новая административная система должна была, по мысли разработчиков, заменить собой старое земское самоуправление. Реформа начала осуществляться осенью 1922 г. Идеалом М.К. Дитерихса являлась патриархальная Русь допетровского времени. Поэтому новое административно-территориальное устройство должно было показать единство государственной власти, народа и православной церкви.

Новый режим придавал большое значение распространению монархической идеологии. Так, был издан указ об усилении религиозно-нравственного и патриотического воспитания в школе. Естественно, отдельное внимание требовалось уделить изучению истории. В одном из своих интервью М.К. Дитерихс заявил, что бороться с большевизмом необходимо также словом и пропагандой¹⁹⁴. В приморской прессе произошли значи-

тельные изменения. Для всех печатных изданий вводилась цензура. Были закрыты «Восточный курьер» и «Дальний Восток», и открыты «Последние новости» и «Колокол». После выхода в печать нескольких номеров обе газеты были запрещены. Некоторые печатные издания сменили названия. Так, «Русский край» стал «Земским краем». Легально выходившие в Приморье газеты и журналы вынужденно изменили политическую ориентацию и стали идеологами нового режима.

Таким образом, в Приморье была создана достаточно громоздкая система органов власти, функции которых зачастую дублировались. Это было сделано с целью ужесточения контроля за их деятельностью. В любом случае все вновь создаваемые органы власти напрямую подчинялись М.К. Дитерихсу как Правителю области. На практике такое положение означало, что все основные решения принимались только им. Это свидетельствовало о существовании в тот период на территории региона диктаторского режима. Причем, в отличие от режима адмирала А.В. Колчака, диктатура М.К. Дитерихса носила ярко выраженный монархический характер.

Новые приморские власти пытались укрепить антибольшевистскую коалицию путем созыва т.н. Национального съезда. К его работе предполагалось привлечь, кроме организаций, входящих в Комитет несоциалистических организаций, приходы и Союз приходских советов, торгово-промышленные палаты, биржевой комитет, городские самоуправления Владивостока и Никольска-Уссурийского, общество ревнителей православия и некоторые другие. На съезд персонально приглашались Правитель Приамурского Земского края, члены Временного Приамурского правительства и члены Земской Думы¹⁹⁵.

Главную роль на предстоящем форуме должны были играть представители приморских монархистов, полностью поддерживающие политику, проводимую М.К. Дитерихсом. Поскольку делегаты не выбирались населением, а делегировались от различных организаций, власти имели возможность провести для участия в Национальном съезде исключительно своих сторонников. Соответственно, в Президиум предполагалось вводить лишь «лиц, стойко и верно служащих идеям Монархии»¹⁹⁶.

В программу деятельности Национального съезда включались следующие пункты:

- речь Правителя Приамурского Земского края;
- доклад о тактике и организации Национального движения;
- доклад о реформах Правительства;
- доклад об экономическом положении и экономических реформах;
- доклад о предстоящей деятельности делегации Приамурского Земского съезда;
- обращение к русским эмигрантам Западной Европы;
- обращение к русскому населению Дальнего Востока;
- избрание центрального органа национального движения¹⁹⁷.

Организаторы форума планировали добиться поддержки представительным органом уже принятых решений по перестройке системы государственных органов, а также выработки антибольшевистскими силами единого мнения по наиболее насущным проблемам, стоящим перед приморскими властями.

Национальный съезд начал свою работу 15 сентября 1922 г. в Никольске-Уссурийском. На первом заседании председателем съезда был избран профессор богословия Н.И. Миролюбов, бывший ранее председателем Приамурского Земского собора, его заместителями стали Н.В. Толок, Н.Г. Рачков, генерал-лейтенант А.П. Бакшеев, секретарем — М.Я. Домрачев, заместителями секретаря — П.П. Унтербергер, Лебедев, Беляев, Уточкин¹⁹⁸.

Основные вопросы тактики и организации власти на съезде были изложены в докладах князя А.А. Кропоткина и П.П. Васильева. В докладе А.А. Кропоткина «Основные начала устройства русской государственности» шла речь о структуре государственных органов Приамурского Земского края, территорию которого предполагалось значительно увеличить за счет ДВР. Высшим законодательным органом в Приморье становился сословно-представительный Земский Собор, созываемый время от времени исключительно для разрешения важнейших государственных дел. Он должен был формироваться представителями приморских властей, русской

православной церкви, армии, казачества и различных общественных организаций. Постоянным законодательным и законосовещательным органом становилась Земская Краевая Дума под председательством Верховного Правителя или лица, им указанного. Все ведомства должны были находиться в распоряжении непосредственно Верховного Правителя. Административной единицей государственного образования должен был стать край, разделенный, в свою очередь, на уезды. В каждом крае исполнительную власть осуществлял бы начальник края, при нем организовывался Краевой Приходской Совет. Во главе уезда становился начальник уезда, здесь же функционировал уездный приходской совет. Докладчик отмечал, что имперские законы, земские и городские положения меняться не будут, но должны применяться к новым органам управления¹⁹⁹.

Таким представлялось государственное устройство Приморья лидерам Белого движения осенью 1922 г. В докладе А.А. Кропоткина фактически озвучивались уже осуществленные к тому времени мероприятия, а делегаты Национального съезда должны были только одобрить уже сделанное. Не совсем ясным моментом являлось придание Земской Думе законодательных полномочий, так как это шло вразрез с линией Верховного Правителя. По всей видимости, Дума должна была стать законодательным органом уже после победы над большевиками. Пока же такое решение считалось преждевременным. С другой стороны, Дума могла несколько позднее получить и законодательные полномочия, но ее возможности при этом, естественно, значительно ограничивались единоличной властью Верховного Правителя.

18 сентября на очередном заседании Национального съезда делегаты заслушали доклад П.П. Васильева, в котором намечались основные направления деятельности антибольшевистских сил. Докладчиком были выдвинуты следующие лозунги: монархия, православная вера, народ. П.П. Васильев утверждал, что вся борьба против коммунистов ведется за народ, «в особенности за русский». Парламентаризм европейского образца полностью отвергался. Отрицалась и необходимость политических партий, поскольку правление в

России партии признавалось невозможным. Вся система местного самоуправления должна была строиться по религиозному принципу, как это уже было сделано в Приморье в ходе административной реформы. В заключение доклада говорилось о необходимости создания Совета Национального съезда для постоянной работы совместно с Земской Думой²⁰⁰. Тезисы П.П. Васильева делегаты полностью одобрили. Было принято решение создать Совет Национального съезда, в который должны были войти члены Земской Думы, а также 15 человек, избранных делегатами из своего состава²⁰¹.

На этом Национальный съезд прекратил свою работу, полностью поддержав режим М.К. Дитерихса. Лидеры Белого движения фактически остались верны идеологическим установкам, провозглашенным еще в XIX в. графом С.С. Уваровым в знаменитой формуле «самодержавие, православиe, народность».

На Национальном съезде была поддержана монархическая политическая программа, выработанная правительством М.К. Дитерихса. Его решения лишь укрепили диктаторскую власть Верховного Правителя, поскольку Совет съезда, как оказалось, не получил практически никакой реальной власти, находясь под полным руководством Земской Думы, также подконтрольной М.К. Дитерихсу. Принятая политическая программа не отвечала реальным условиям, сложившимся на тот период в Приморье. Она не могла способствовать расширению социальной базы режима и решению острейшего финансового кризиса, ставившего под сомнение вопрос о существовании Белой государственности в принципе.

В это же время на Вашингтонской конференции представители великих держав приняли решение о выводе всех иностранных войск с территории российского Дальнего Востока. Япония обещала завершить эвакуацию своих частей осенью 1922 г. Понимая, что без поддержки японских войск сохранить в Приморье белый режим будет практически невозможно, М.К. Дитерихс всеми силами стремился отсрочить вывод частей интервентов.

В конце июня 1922 г. С.Д. Меркулов встречался с командующим японскими войсками на российском Дальнем Востоке

генералом Тачибана Коичиро и представителем консульского корпуса Кикиути Есиро. Бывший председатель Временного Приамурского правительства заявил о гибельности эвакуации из области японских солдат. На это он получил ответ, что эвакуация находится полностью в ведении правительства в Токио и начальники на местах ничего не могут предпринять²⁰².

Приморское правительство решило сделать выгодное предложение иностранным державам: в обмен на возобновление интервенции предоставить крупным фирмам Англии, Франции и США льготные условия в разработке природных богатств региона²⁰³. Однако правительства иностранных держав, понимая обреченность Белого Приморья, предпочли иметь дело с Советской Россией и ДВР, отказавшись сотрудничать с режимом М.К. Дитерихса.

Вывод японских войск начался в августе 1922 г. и завершился в сентябре. В первую очередь японские части были эвакуированы с низовьев Амура. Оставляемую интервентами территорию сразу принимали власти ДВР. В конце августа 1922 г. делегация Земского собора во главе с генерал-майором А.И. Андогским прибыла в Японию с целью добиться отсрочки вывода ее войск с российского Дальнего Востока. Японское правительство отклонило все просьбы белых и отказало в новых займах и поставках оружия и военного снаряжения²⁰⁴. Тем самым, Япония выполняла решения, принятые Великими державами на Вашингтонской конференции, и уже отказалась от планов интервенции на российском Дальнем Востоке.

4 сентября 1922 г. в Чанчуне открылась конференция РСФСР, ДВР и Японии²⁰⁵. Руководитель объединенной делегации РСФСР и ДВР А.А. Иоффе получил инструкции из Москвы держаться твердой позиции: «Дайте понять, что Россия вернулась на Тихий океан и что всякие иллюзии нашей слабости и возможности третировать нас как неравную державу бесплодны»²⁰⁶.

Лидерам Белого движения стало окончательно ясно, что добиться поддержки со стороны интервентов уже не представляется возможным, поскольку политические условия полностью изменились. Япония в это время еще не обладала

достаточными военными силами для того, чтобы на равных разговаривать с ведущими европейскими державами и США при отстаивании собственных интересов в международных вопросах²⁰⁷. Поэтому идти на конфликт с ведущими странами мира в интересах Белого движения японское правительство не собиралось. Когда выяснилось, что японские войска действительно покидают территорию Приморья, М.К. Дитерихс коренным образом поменял внешнеполитическую ориентацию. Им было заявлено, что Россия должна возродиться собственными силами. Поэтому при занятии частями Земской Рати Спасского укрепленного района Правитель области «высказал радость по поводу освобождения от интервентов русской земли». Приморский диктатор также заявил о скором начале наступления против ДВР и Советской России.

Объявив о своих намерениях, М.К. Дитерихс занялся поиском союзников. Таковым мог стать китайский правитель Маньчжурии маршал Чжан Цзолин. На основе объединения антибольшевистских сил Маньчжурии и Белого Приморья предполагалось создать Русско-Маньчжурский буфер. В начале сентября 1922 г. во Владивосток прибыла китайская военная миссия во главе с генералом Чжан Цзунчаном. Официально заявлялось, что «главной целью ... миссии является выяснить на месте, насколько обеспечены жизнь и имущество китайских граждан в случае возникновения беспорядков и какие могут быть приняты меры для их обеспечения. Ознакомиться с положением и выработать в связи с собранными на месте данными план возможных мероприятий»²⁰⁸. На самом же деле на переговорах обсуждались возможности совместного военного выступления против ДВР и Советской России. Сторонами была достигнута договоренность о продаже китайцам большой партии оружия на сумму 1,35 млн. долларов²⁰⁹. Однако решить вопрос о действиях против большевиков в регионе совместно с китайцами не удалось.

Несмотря на официальную позицию Японии, М.К. Дитерихс потребовал от японского командования возвращения белым войскам оружия и снаряжения, поставленного союзниками еще А.В. Колчаку в 1919 г. Часть вооружения действительно была выдана. Одновременно по специально-

му приказу командования интервентов Уссурийская железная дорога предоставила подвижной состав для выдвижения белых войск к линии фронта²¹⁰.

Начавшиеся в сентябре 1922 г. боевые действия против ДВР не дали никаких положительных результатов. 6-9 октября 1922 г. под Спасском произошло одно из решающих сражений Гражданской войны на Дальнем Востоке. Созданные здесь еще японцами в 1921 г. укрепления были достаточно сильны. В результате ожесточенных боев к 9 октября 1922 г. войска генерал-майора В.М. Молчанова оставили укрепленную позицию, понеся значительные потери²¹¹. После поражения под Спасском белоповстанцы пытались остановить наступление НРА ДВР в районе села Монастырище, где были сосредоточены основные силы Земской Рати. 13-14 октября 1922 г. они и здесь потерпели поражение²¹². После этих событий организованного сопротивления наступающим частям НРА на всей территории Приморья уже не оказывалось. Поражение под Монастырищем фактически означало общий крах Белого движения на Дальнем Востоке.

В самый разгар боев во Владивостоке возник заговор и наметился новый переворот. М.К. Дитерихса должен был заменить командующий Сибирской военной флотилией контр-адмирал Г.К. Старк. Поводом для этого послужили слухи о ранении Правителя Приамурского Земского края на фронте. Однако вернувшийся во Владивосток 17 октября 1922 г. М.К. Дитерихс сумел предотвратить переворот и обязал Г.К. Старка исполнять возложенные на него обязанности начальника тыла и командующего Сибирской флотилией²¹³.

В тот же день М.К. Дитерихс объявил о начале эвакуации. Ответственность за ее проведение была возложена на Г.К. Старка. В обстановке начавшейся эвакуации городская дума Владивостока попыталась объявить город «свободным портом» и обратилась к дипломатическому корпусу в Токио с просьбой не допустить занятия Владивостока частями НРА ДВР. 24-25 октября 1922 г. «Совет уполномоченных автономной Сибири» во главе с А.В. Сазоновым создал последнее белое правительство, просуществовавшее буквально 2 дня. Новое правительство было настолько слабым, что не

имело даже собственного транспорта для передвижения по Владивостоку²¹⁴. Никакой реальной властью правительство А.В. Сазонова не располагало и ничего сделать для спасения Белого режима в Приморье уже не могло. В политическом смысле новое правительство находилось на областнических позициях, выступая за отделение Сибири от Советской России и создание на данной территории федеративного государства. Но в создавшихся условиях политические программы уже не играли никакой роли, оставаясь набором благих пожеланий.

24 октября 1922 г. командование НРА подписало соглашение с японским командованием о порядке занятия Владивостока, передаче ключей от складов с оружием и военным имуществом, принятии под охрану государственных учреждений и др. 25 октября 1922 г. Владивосток был занят частями НРА ДВР. Гражданская война в России завершилась. 14 ноября 1922 г. Дальневосточная республика постановлением ее Народного собрания была ликвидирована. Дальний Восток присоединился к Советской России. Последняя попытка Белого движения по созданию небольшевистского буферного государственного образования в Приморье потерпела полный крах.

Создаваемый в регионе под руководством М.К. Дитерихса буфер носил все черты диктатуры. Об этом неопровержимо свидетельствует отсутствие законодательной власти в лице представительного органа, огромные полномочия исполнительной власти, авторитарные тенденции в управлении, создание мощного карательно-репрессивного аппарата, опора на армию и др. В идеологическом плане режим М.К. Дитерихса носил открытый теократический характер, проявившийся, в частности, в организации органов местного самоуправления. Логика Гражданской войны, а также заявления самого Верховного Правителя толкали приморские власти на вооруженный конфликт с ДВР. Однако в военном отношении режим был очень слаб и, как оказалось, без поддержки со стороны интервентов в 1922 г. никаких шансов белые не имели.

Крах режима М.К. Дитерихса ярко показал исчерпанность монархической модели и ее полную несостоятельность. С другой стороны, все остальные модели политического

устройства страны уже были, так или иначе, апробированы ранее. У лидеров Белого движения не оставалось другой альтернативы. Как показали события, население области устало от многолетней Гражданской войны и не желало ее продолжения. К тому же все белые власти в значительной степени опирались на интервентов и их военную поддержку. Приморцы относились к этому крайне отрицательно, что не способствовало расширению социальной базы режима и явилось одной из главных причин краха Белого движения.

В целом можно заключить, что выдвинутые антибольшевистскими силами в 1920-1922 гг. модели политического устройства не соответствовали сложившейся обстановке. Они не стали альтернативой Дальневосточной республике, строившейся под руководством большевика. Как показала практика, коммунисты выдвинули гораздо более жизненную модель политического устройства региона. Именно этим фактом объясняется постепенная полная утрата антибольшевистскими силами социальной базы, приведшая Белое движение к окончательному поражению.

---

¹ Партизанские отряды в Приморье базировались в тасжных районах вне «нейтральной зоны». К тому же формально они находились вне подчинения Приморского областного управления ДВР. Любое выступление партизан давало японцам законный повод вмешаться в развитие ситуации вооруженной силой. Именно поэтому использование партизанских отрядов было на данном этапе недопустимым.

² К началу 1921 г. в Южном Приморье, низовьях Амура и на Сахалине дислоцировалось до 100 тыс. японских военнослужащих. В некоторых населенных пунктах области японцы прикрывали сосредоточение прибывших из Забайкалья частей бывшей армии атамана Г. М. Семенова. К тому же в Приморье в это время насчитывалось до 200 тыс. беженцев из Поволжья, Урала и Сибири. Среди них находилось значительное число лидеров антикоммунистических политических группировок, руководство казачьих войск, земцев и др. В Маньчжурии находилось до 150 тыс. эмигрантов из России. См.: Авдеева Н.А. Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в 1921 г. и ее влияние на действия Народно-революционной армии Дальневосточной республики // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. V. Хабаровск, 1975. С. 169.

³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 994. Лл. 2-10.

⁴ Руднев С.П. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин. 1928. С. 354-356.

⁵ Беликова Л.И. Указ. соч. С. 223.

⁶ ГАХК. Ф. П-44. Оп. I. Д. 369. Л.4.

⁷ Ципкин Ю.Н. Белое движение... С. 57.

⁸ РГИА ДВ. Ф. Р-726. Оп. 3. Д. 32. Лл. 88об, 89, 89об.

- 9 ГАХК. Ф. П-266. Оп. 7. Д. 25. Лл. 5-6.
- 10 ГАПК. Ф. 685. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
- 11 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 335. Лл. 132-134.
- 12 Беликова Л.И. Указ. соч. С. 206-207.
- 13 Вечер. 1921. 11 апреля.
- 14 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.
- 15 Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 74-87; Кувшинов В.А. Кадеты в России и в эмиграции // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 57.
- 16 Вечер. 1921. 9 января.
- 17 Егунов Н.П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ. 1972. С. 69.
- 18 Подробнее о выборах в Учредительное собрание ДВР см.: Куций Г.С. Становление Советской власти в Приморье... С. 125-126.
- 19 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 167. Л. 24.
- 20 Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 501.
- 21 РГИА ДВ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.
- 22 Слово. 1921. 5 апреля.
- 23 РГИА ДВ. Ф. Р-726. Оп. 3. Д. 14. Л. 1.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Лл. 2, 2об.
- 26 Там же. Л. 1об.
- 27 Кокоулин В.Г. Дальневосточная республика: борьба партий и групп: Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1999. С. 18.
- 28 Ципкин Ю.Н. Приморье: последний оплот белого движения в России (1920-1922 гг.) // Белая армия. Белое дело. Вып. 4. Екатеринбург, 1997. С. 103.
- 29 Слово. 1921. 22 марта.
- 30 Вестник Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока. 1921. 26 марта.
- 31 Там же. 28 марта.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же. 26 марта.
- 38 Там же. 30 марта.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же. 28 марта.
- 42 Там же. 31 марта.
- 43 Там же.
- 44 Куций В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920-1922. Владивосток, 1992. С. 50.
- 45 Куций Г.С. Становление Советской власти в Приморье... С. 131.
- 46 ГАПК. Ф. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.
- 47 Термин «недоворот» вошел в употребление после неудачного выступления в ноябре 1919 г. во Владивостоке эсеров и чехословацкого генерала Р. Гайды. Мартовские события 1921 г. в Приморье также были названы «недоворотом».
- 48 Дальневосточная Республика: Становление... Ч. II. С. 44, 103-104.
- 49 Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. С. 299-300.
- 50 Непосредственно перед переворотом на передовые позиции во Влади-

восточном порту вышли японский эскадренный броненосец «Микаса» и американский легкий крейсер «Олбани» (См. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 40. Л. 293).

- 51 ГАПК. Ф. 715. Оп. 1. Д. 59. Л. 26.
- 52 Дальневосточная Республика: Становление... Ч. II. С. 82-86.
- 53 РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1001. Л. 54.
- 54 Подробнее см.: Семенов Г.М. Указ. соч. С. 264-271.
- 55 РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1019, л. 2.
- 56 Там же. Л. 11.
- 57 Там же. Л. 8.
- 58 Борьба за власть Советов в Приморье. С. 627, 820.
- 59 Голос Родины. 1921. 28 мая.
- 60 Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток. 2003. С. 503.
- 61 Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. № 2. 30 июня.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 Русский край. 19 июля.
- 68 ГАПК. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- 69 РГИА ДВ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 83. Лл. 1, 10б, 2.
- 70 Там же. Л. 1, 10б.
- 71 Там же. Л. 2.
- 72 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 167. Лл. 10-11.
- 73 ГАПК. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 5. Лл. 5-17.
- 74 Там же. Д. 25. Л. 14.
- 75 Там же. Л. 46.
- 76 Там же. Д. 9. Лл. 41-42.
- 77 Там же. Д. 25. Лл. 66-67.
- 78 Там же. Д. 9. Лл. 51-55.
- 79 Там же. Л. 76.
- 80 Там же. Лл. 75-80.
- 81 Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. № 5. 21 июля.
- 82 РГИА ДВ. Ф. Р-729. Оп. 1. Д. 100. Л. 704.
- 83 Там же.
- 84 Там же. Л. 69.
- 85 Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. № 1. 25 июня.
- 86 Русский край. 1921. 2 июня.
- 87 Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. № 7. 3 августа.
- 88 Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. № 4. 24 января.
- 89 Там же.
- 90 РГИА ДВ. Ф. Р-729. Оп. 1. Д. 126. Лл. 49-54.
- 91 Там же. Лл. 81-93.
- 92 Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. № 1. 25 июня.
- 93 Там же.
- 94 Там же.
- 95 Ципкин Ю.Н. Белое движение... С. 93.
- 96 Куций Г.С. Становление Советской власти в Приморье... С. 141-142.
- 97 Дальневосточная Республика: Становление... Ч. II. С. 159-190.
- 98 Там же. С. 114-119.
- 99 Там же. С. 202-209.
- 100 Ширяев В.А., Чумаков Н.С. Японский план «умиротворения российского Дальнего Востока» // Военно-исторический журнал. 2009. № 4. С. 17-22.

- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 34.
- ¹⁰³ Там же. С. 245-246.
- ¹⁰⁴ Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы... С. 244.
- ¹⁰⁵ ГАХК. Ф. Р-1024. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- ¹⁰⁶ Белоповстанцами стали называться все белые части, находившиеся в Приморье. По мнению руководства Белого движения, изменение названия должно было способствовать притоку свежих сил в армию. Однако, на практике из данной затеи ничего не получилось.
- ¹⁰⁷ Ципкин Ю.Н. Белое движение... С. 137.
- ¹⁰⁸ Слово. 1922. 25 апреля.
- ¹⁰⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 167. Л. 316.
- ¹¹⁰ Там же. Лл. 280-305.
- ¹¹¹ Там же. Л. 280.
- ¹¹² Там же. Лл. 281-282.
- ¹¹³ Там же. Лл. 282-283.
- ¹¹⁴ Там же. Лл. 283-285.
- ¹¹⁵ Там же. Лл. 285-287.
- ¹¹⁶ Там же. Лл. 287-290.
- ¹¹⁷ Там же. Лл. 292-294.
- ¹¹⁸ Там же. Лл. 295-298.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 299.
- ¹²⁰ По личному приказу генерала Смолина его адъютант бросил гранату в штаб 1-й Отдельной стрелковой бригады. В результате погиб командир бригады подполковник П.Е. Глудкин. Несколько позже были застрелены командиры 2-го Уралского и 3-го Егерского полков полковники Гампер и Александров. Офицерам были устроены пышные похороны во Владивостоке. См.: Слово. 1922. 24 июня.
- ¹²¹ РГИА ДВ. Ф. Р-727. Оп. 2. Д. 110. Л. 182.
- ¹²² Там же. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.
- ¹²³ Вестник Приамурского народного собрания. 1922. 1 июня.
- ¹²⁴ Слово. 1922. 2 июня.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Бюллетень Совета уполномоченных организаций автономной Сибири. 1922. 2 июня.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Дипломаты США поддержали Приамурское Народное собрание. Американцы не желали сползания режима вправо и усиления монархических тенденций, что укрепляло позиции Японии на Дальнем Востоке. Оставаясь на антибольшевистских позициях, США все же способствовали ослаблению японской интервенции в регионе.
- ¹²⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 178. Л. 2.
- ¹³⁰ Слово. 1922. 4 июня.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² РГИА ДВ. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 178. Л. 2.
- ¹³³ Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1996. С. 149.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. № 38. 30 июня.
- ¹³⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.
- ¹³⁷ Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. № 38. 30 июня.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 39. Л. 30б.
- ¹⁴⁰ Там же. Лл. 5, 50б, 6.

- 141 Слово. 1922. 24 июня.
  - 142 РГИА ДВ. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.
  - 143 ГАХК. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 3. Л. 89.
  - 144 РГИА ДВ. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 39. Л. 31.
  - 145 Вестник национального движения. 1922. 18 июля.
  - 146 Там же. 20 июля.
  - 147 Там же. Вестник национального движения. 1922. 23 июля.
  - 148 Там же.
  - 149 ГАХК. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.
  - 150 Вестник национального движения. 1922. 25 июля.
  - 151 Там же.
  - 152 Там же.
  - 153 Там же.
  - 154 Слово. 1922. 24 июля.
  - 155 Там же. 27 июля.
  - 156 Там же. 29 июля.
  - 157 ГАХК. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 3. Лл. 90-95.
  - 158 Там же. Л. 96.
  - 159 Там же.
  - 160 Там же. Л. 97.
  - 161 Там же.
  - 162 Там же.
  - 163 Там же.
  - 164 Слово. 1922. 4 августа.
  - 165 Там же.
  - 166 Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. № 49.
- 8 августа.
- 167 Слово. 1922. 29 июля.
  - 168 Там же. 4 августа.
  - 169 Там же. 2 августа.
  - 170 Там же. 12 января.
  - 171 Там же. 4 августа.
  - 172 Там же. 5 августа.
  - 173 Там же.
  - 174 Там же. 6 августа.
  - 175 Там же.
  - 176 Там же.
  - 177 Там же.
  - 178 Там же. 8 августа.
  - 179 Там же.
  - 180 Там же. 9 августа.
  - 181 Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы... С. 252.
  - 182 Слово. 1922. 11 августа.
  - 183 ГАПК. Ф. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.
  - 184 РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 470. Л. 1.
  - 185 Там же. Лл. 1об, 2.
  - 186 Слово. 1922. 11 августа.
  - 187 РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 470. Лл. 3-5.
  - 188 Слово. 1922. 16 сентября.
  - 189 Земский край. 1922. 15 сентября.
  - 190 Вестник Земского Приамурского края. 1922. № 9. 5 октября.
  - 191 Слово. 1922. 17 августа.
  - 192 Там же.
  - 193 Земский край. 1922. 7 сентября.

- ¹⁹⁴ Слово. 1922. 11 августа.
- ¹⁹⁵ Земский край. 1922. 2 сентября.
- ¹⁹⁶ Протокол № 6 частного совещания членов Комитета Монархических Организаций Дальнего Востока и приглашенных лиц на 1-е Заседание Комитета. 5 сент. 1922 г. // ГАХК. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 165.
- ¹⁹⁸ Слово. 1922. 17 сентября.
- ¹⁹⁹ Земский край. 1922. 19 сентября.
- ²⁰⁰ Там же. 23 сентября.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Ципкин Ю.Н. Белое движение... С. 164.
- ²⁰³ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 147. Лл. 39, 47, 93.
- ²⁰⁴ Дальневосточная республика: Становление... Ч. II. С. 250-251.
- ²⁰⁵ Куций Г.С. Становление Советской власти в Приморье... С. 163.
- ²⁰⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 573.
- ²⁰⁷ Главным фактором здесь было то, что японский военно-морской флот значительно уступал ВМС США, своему основному противнику в Тихоокеанском регионе, по числу кораблей основных классов, прежде всего по дредноутам. Вашингтонская конференция только закрепила существующее положение вещей в вопросе о военно-морских вооружениях.
- ²⁰⁸ Земский край. 1922. 5 сентября.
- ²⁰⁹ Дальневосточная республика: Становление... Ч. II. С. 281.
- ²¹⁰ Там же. С. 260-261.
- ²¹¹ Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. М., 1985. С. 77-79.
- ²¹² Там же. С. 80-81.
- ²¹³ Дальневосточная республика: Становление... Ч. II. С. 278.
- ²¹⁴ Там же. С. 279.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всей Гражданской войны вопрос о политическом устройстве России и ее отдельных регионов в деятельности антибольшевистских сил играл значительную роль. В 1918-1919 гг. противники советской власти сохраняли достаточный военный и экономический потенциал для достижения победы над большевиками в масштабе всей страны. Но после катастрофических поражений войск колчаковского режима на Восточном фронте и белых армий на западе России в конце 1919 г. ситуация коренным образом изменилась. Единственными территориями страны, не подконтрольными советской власти к началу 1920 г. (за исключением Крыма), оставались частично Восточная Сибирь и Дальний Восток.

В создавшихся условиях представители сибирских правых социалистов выдвинули концепцию «буфера» – государственного образования, разделяющего воюющие стороны: Советскую Россию и антибольшевистские режимы, поддержанные японскими войсками. Основной задачей такого решения являлось прекращение Гражданской войны путем организации политического диалога между ее участниками. «Буфер» мыслился как демократическая республика, построенная по западноевропейским канонам. Выдвинутая правыми социалистами идея нашла понимание среди лидеров большевиков. Последними было принято решение из-за невозможности добиться победы одновременно на всех фронтах и во избежание войны с Японией создать на Дальнем Востоке буферное государство, но уже под своей эгидой. Это политическое образование должно было быть формально демократическим. Перманентный «буфер» большевиков не устраивал. Поэтому Дальневосточная республика организовывалась на время, пока не станет возможным объединить российский Дальний Восток с Советской Россией. В создавшихся условиях антибольшевистские силы различного толка также приняли на вооружение идею «буфера». Вся политическая борьба в регионе в конце 1919-1922 гг. проходила в рамках этой концепции, что является отличительной чертой заключительного этапа Гражданской войны в России.

За обозначенный период противники советской власти выдвинули целый ряд планов, проектов и программ, направленных на создание на российском Дальнем Востоке

буферного государственного образования. В целом, данные планы можно условно разделить на три группы.

В первую очередь необходимо назвать документы, в которых вопросы политического устройства «буфера» рассматривались подробно и системно с учетом социально-политических и экономических особенностей региона. В обозначенный период к таковым можно отнести лишь проамериканский проект В.С. Завойко, предусматривавший создание федеративного демократического государственного образования по образцу США. По политическим мотивам данный документ не был принят ни одной из враждующих сторон.

Ко второй группе можно отнести политические программы и комплексы законодательных актов по созданию системы органов исполнительной и законодательной власти на определенной территории. Данная группа наиболее многочисленна: проект Политцентра, юридическо-правовые документы по организации собственной власти Временного правительства Приморской областной земской управы, Временного Приамурского правительства братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых, правительства М.К. Дитерихса, решения Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока и Приамурского Земского собора, планы атамана Г.М. Семенова и др.

В третью группу входят проекты, не получившие необходимого юридического оформления, а также мнения некоторых политических деятелей по обозначенным проблемам. Это план каппелевского командования по объединению части белых войск под эгидой Временного правительства Приморской областной земской управы и организации буржуазно-демократического буфера на территории Приморской области, взгляды А.Н. Пепеляева, делегатов Приамурского Земского собора и иных представительных органов по поводу строительства в регионе буферного государственного образования и т.д.

В свою очередь достаточно многочисленные планы, проекты и программы можно свести к нескольким моделям политического устройства, связанным с политическими взглядами и партийной принадлежностью различных представителей лагеря противников большевиков. Общими чертами для них является однозначная антикоммунистическая ориентация и фактический марионеточный характер. Это объясняется тем, что все белые режимы в военном и экономическом отношениях очень зависели от интервентов и проводили несамостоя-

тельную внутреннюю и внешнюю политику. Победа одной из альтернатив ДВР приводила к утрате для страны удобного выхода к Тихому океану, нанося колоссальный ущерб ее геополитическим интересам. Одновременно это усиливало противников России в Дальневосточном регионе, в первую очередь Японию.

Правые социалисты видели создаваемый «буфер» демократической республикой западноевропейского образца. Ее обязательными атрибутами считались реальная многопартийность, соблюдение гражданских свобод и создание сильной выборной законодательной власти в лице однопалатного или двухпалатного парламента. В данном русле протекала деятельность Политического центра и Временного правительства Приморской областной земской управы. Лидеры эсеров и меньшевиков оставались сторонниками федеративного устройства страны, но по политическим соображениям не могли рассчитывать на создание такого государства, поскольку большую часть России контролировали большевики. Федерализм последовательно защищали только сибирские областники во главе с Советом уполномоченных организаций автономной Сибири. Однако они в конце 1919-1922 гг. уже не представляли значительной силы, практически полностью утратив социальную базу, а вместе с ней и политическое влияние. Лидеры правых социалистов считали возможным сотрудничество с РСДРП (б) в рамках строящегося «буфера», что являлось важной отличительной чертой правосоциалистической политической модели. Не имея подконтрольной вооруженной силы, эсеры и их союзники к концу 1920 г. перестали играть самостоятельную политическую роль.

Представители Белого движения также уделяли значительное внимание решению вопроса политического устройства создаваемого под своей эгидой «буфера». На вооружение ими была принята концепция «черного буфера», предполагавшая продолжение интервенции и вооруженную конфронтацию с большевиками. Начиная с 1920 г. в деятельности лидеров Белого движения наметилась тенденция к либерализации политических программ, связанная со стремлением избежать ошибок колчаковского режима и с пересмотром вследствие этого идеологических установок. Они считали необходимым пойти на определенные демократические уступки, в частности, на созыв представительного органа, обладающего определенными законодательными

полномочиями. В теории модель буржуазно-либерального устройства государства признавалась наиболее предпочтительной. В идеологическом плане в Белом движении необходимо выделить три основных направления: «демократическое», объединявшее сторонников сильной законодательной власти; «национал-демократическое», представители которого признавали несомненный приоритет исполнительной власти и значительно принижали роль парламента; монархическое. Первые две группы в 1921 – апреле 1922 гг. были союзниками и действовали согласованно.

Представители Демократического союза считали, что буферное государство должно быть унитарной парламентской буржуазно-демократической республикой западноевропейского образца. При этом представительный орган власти, избранный на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования должен был обладать большими законодательными полномочиями. Правительство в таком случае несло непосредственную ответственность перед парламентом и фактически контролировалось последним. «Демократы» признавали возможность создания политических блоков и коалиционной власти в сотрудничестве с другими партиями и группировками, включая эсеров, меньшевиков и народных социалистов. Результатом деятельности данной группы стало «Положение о выборах в Приамурское учредительное собрание», принятое в мае 1922 г. и допускавшее к участию в выборном процессе большевиков, что шло в разрез с идеологией противников советской власти и привело к отстранению Демократического союза от власти. Таким образом, позиции «демократов» и правых социалистов были во многом схожи.

По мнению лидеров «национал-демократов», исполнительная власть на территории Белого Приморья в лице коллективного органа, Директории из 3-5 членов, должна была иметь максимум полномочий. Ответственность правительства перед парламентом полностью исключалась. Законодательные полномочия последнего значительно урезались. Лидеры Временного Приамурского правительства при построении системы органов власти исходили именно из такой концепции. Однако на практике правительство братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых значительно отошло даже от таких достаточно умеренных теоретических положений. Создаваемое в Приморье при меркуловском режиме государ-

ственное образование носило отчетливые черты олигархического строя с элементами диктатуры.

К лету 1922 г. стало ясно, что социальная база западноевропейской политической модели оказалась слишком узкой из-за слабости демократических парламентских традиций в России. Поэтому после прихода к власти М.К. Дитерихса как носителя верховной власти на территории Белого Приморья произошла полная смена вектора в вопросе о политическом устройстве региона. Впервые за всю историю Гражданской войны была предпринята попытка создания государственного образования монархического типа. За основу построения органов власти брались образцы еще XVII в. Созданная политическая система была крайне противоречивой и уже поэтому не получила поддержки среди населения Приморья. В 1922 г. реализация предложенной М.К. Дитерихсом модели была практически невозможна по причине истощенности в России монархической идеи как таковой.

Несколько особняком в данном ряду стоит политическая модель, предложенная атаманом Г.М. Семеновым. С одной стороны, атаман признавал полезность либерализации своего режима и пытался придать ему видимость демократии. Он сознательно пошел на создание в Восточном Забайкалье нескольких представительных органов. Однако на практике ни один из них не получил серьезных властных полномочий и целиком подчинялся верховной власти в лице Г.М. Семенова, что довольно жестко закреплялось законодательным путем. Исходя из данных фактов, можно констатировать существование на подконтрольной атаману территории диктаторского режима. При этом сохранялась прояпонская ориентация и волюнтаристские методы управления внутренней и внешней политикой. В таком случае говорить о демократизации власти, предпринятой Г.М. Семеновым, можно лишь условно.

При анализе моделей политического устройства Дальнего Востока, выдвинутых противниками коммунистов власти в конце 1919-1922 гг., необходимо обязательно учитывать фактор присутствия в регионе значительных военных контингентов иностранных государств. Хотя большинство великих держав после краха колчаковского режима перестали активно вмешиваться в Гражданскую войну в России, все же их влияние на политическую мысль антибольшевистских сил не стоит недооценивать. Западноевропейская модель политического устройства, считающая необходимым создание парламента с

законодательными полномочиями путем проведения демократических выборов с законодательными полномочиями и наличие гражданских свобод, сама по себе стала образцом для законотворчества большинства группировок антибольшевистских сил. Используя данный факт, Великобритания, Франция и особенно США довольно активно пытались укрепить свое положение на российском Дальнем Востоке различными экономическими и дипломатическими мерами.

Позиция Японии, сохранявшей в 1920-1922 гг. в регионе значительный военный контингент, заключалась в поддержке идеи создания протектората под своим покровительством. Во главе такого государственного образования виделась кандидатура атамана Г.М. Семенова, наиболее одиозного лидера Белого движения. Японские дипломатические представители и командование экспедиционных сил вплоть до середины 1921 г. делали на него ставку, как на лидера прояпонского «буфера». Фактическая разработка модели политического устройства для подконтрольной территории отдавалась на откуп местным русским властям. Безусловно необходимым считался только контроль за высшими органами управления.

В целом, можно сделать вывод, что военно-политическая поддержка антибольшевистских режимов со стороны интервентов, особенно Японии, сыграла для противников коммунистов крайне негативную роль и стала одной из важных причин их поражения. Окончательный крах антибольшевистских сил во многом связан с решением Вашингтонской конференции о прекращении военной интервенции в России.

Неудача антибольшевистских сил в деле построения сепаратного буферного государственного образования объясняется отсутствием единства взглядов на политическое устройство Дальневосточного региона. Это особенно проявилось в конфликте правительства братьев Меркуловых с Приамурским Народным собранием весной 1922 г. Необходимо отметить, что белые режимы, идя по пути либерализации своей власти, зачастую, исходя из неотвратимой логики Гражданской войны, были вынуждены на практике отступать от собственных политических деклараций и программ. Такая непоследовательная политика, естественно, не позволяла заручиться авторитетом среди населения региона.

Важнейшим фактором при анализе причин поражения буферной политики Белого движения стала почти полная утрата им к 1922 г. социальной базы. Сибирь и Дальний Восток в годы Гражданской войны в социальном плане значительно отличались от центральных районов России. В 1918-1919 г. антибольшевистские силы нашли здесь свою поддержку среди значительной части населения, в первую очередь в среде казачества, торгово-промышленных кругов, средних городских слоев, интеллигенции, зажиточной части крестьянства. Однако к осени 1919 г. в результате недальновидной внутренней политики колчаковской администрации, поддержки ею иностранной интервенции, произвола местных начальников популярность Белого движения резко снизилась. С начала 1920 г. антибольшевистские силы сделали ставку на либерализацию своих режимов и реформы системы органов государственного управления в демократическом духе. Тем самым они попытались заручиться поддержкой, в первую очередь, средних слоев, считая их априори сторонниками либеральных ценностей. Но на фоне усталости от продолжающейся Гражданской войны и, что особенно важно, непоследовательности при решении вопросов государственного строительства белые правительства не смогли сохранить власть. Предлагаемые ими в конце 1919-1922 гг. политические модели не нашли поддержки у населения региона. Прямым доказательством этого в 1921 г. стал фактический бойкот выборов в Приамурское Народное собрание. Дальневосточники в подавляющем большинстве оказались мало восприимчивыми к западным либеральным идеалам, проводимым в жизнь оружием иностранных интервентов и призывами одиозных политических лидеров Белого движения.

В рамках Дальневосточной Республики коммунисты, выступавшие с патриотических позиций, предложили более приемлемую модель политического устройства «буфера». Таким образом, все попытки антибольшевистских сил реализовать собственную политическую модель на Дальнем Востоке в ходе Гражданской войны оказались неудачными.

Денис Алексеевич Ляхов

**НЕБОЛЬШЕВИСТСКИЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
УСТРОЙСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

(конец 1919-1922 гг.)

Монография

Подписано в печать 24 декабря 2015 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура Antigua. Бумага офсетная.
Усл.п.л. 11,75. Тираж 300 экз.

Сектор научно-издательской деятельности
Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова.
680000, Хабаровск, ул. Шевченко, 11
Тел. 8-4212-30-68-47